

ЛИТЕРАТУРА

Учебник

5

AZƏRBAYCAN RESPUBLİKASININ DÖVLƏT HİMNİ

*Musiqisi Üzeyir Hacıbəylinin,
sözləri Əhməd Cavadındır.*

Azərbaycan! Azərbaycan!
Ey qəhrəman övladın şanlı Vətəni!
Səndən ötrü can verməyə cümlə hazırız!
Səndən ötrü qan tökməyə cümlə qadiriz!
Üçrəngli bayrağınla məsud yaşa!
Minlərlə can qurban oldu!
Sinən hərbə meydan oldu!
Hüququndan keçən əsgər,
Hərə bir qəhrəman oldu!

Sən olasan gülüstan,
Sənə hər an can qurban!
Sənə min bir məhəbbət
Sinəmdə tutmuş məkan!

Namusunu hifz etməyə,
Bayrağını yüksəltməyə,
Cümlə gənclər müştəqdir!
Şanlı Vətən! Şanlı Vətən!
Azərbaycan! Azərbaycan!

ГЕЙДАР АЛИЕВ
ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ ЛИДЕР
АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО НАРОДА

**Гафар Гусейнов
Антонина Третьякова**

ЛИТЕРАТУРА

5

Учебник

по предмету “Литература” для 5-го класса
общеобразовательных школ

Отзывы, замечания и предложения, связанные с учебником, просим отправлять на электронные адреса: yndm21@day.az и derslik@edu.gov.az
Заранее благодарим за сотрудничество.

БАКУ– 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Литература – это искусство слова	6
О поэтической мудрости народа.	
<i>Теория литературы. Понятие о фольклоре.</i>	10
Небылицы. Предания.	11
Головоломки. Пословицы и поговорки.	12
Загадки.	14
<i>Теория литературы. План художественного произведения.</i>	
<i>Цитата.</i>	16
<i>Фольклорная сказка.</i>	17
Сказка о Дашдемире.	18
Иван-царевич и Серый волк.	25
Лиса и кувшин.	31
Шесть лебедей.	32
<i>Теория литературы. Литературные роды и жанры. Лирика.</i>	38
<i>Теория литературы. Литературный герой. Тема и идея. Великие сказочники. Литературная сказка.</i>	39
Низами Гянджеви. “Хеир и Шер” (“Добро и Зло”)	41
А.С.Пушкин. “Сказка о мёртвой царевне”	46
Братья Гримм. “Храбрый портняжка”	60
Г.Х.Андерсен. “Соловей”	63
З.Халил. “Сказка о Пахаре...”	67
<i>Теория литературы. Басня. Аллегория.</i>	72
Эзоп. “Лисица и виноград”, “Жук и муравей”	72
И.А.Крылов. “Волк и ягнёнок”	73
С.В.Михалков. “Слон-живописец”	74
Хикмет Зия. “Коварная гюрза”	75
<i>Теория литературы. Рифма и ритм.</i>	76
<i>Способы рифмовки.</i>	77
<i>Двусложные размеры стиха.</i>	78
Д.Байрон. “Ты кончил жизни путь, герой...”	81
М.Ю.Лермонтов. “Бородино”	82
А.А.Ахматова. “Клятва”, “Мужество”	85
<i>Теория литературы. Изобразительно-выразительные средства. Эпитет, сравнение.</i>	87

А.С.Пушкин. “Кавказ”	89
Ф.И.Тютчев. “Весенние воды”, “Весенняя гроза”	90
А.А.Фет. “Зреет рожь”, “Весенний дождь”	91
С.А.Есенин. “Нивы сжаты”, “Черёмуха”	92
С.Вургун. “Фиалка”	93
М.Мушфиг. “Кавказ”	94
М.И.Цветаева. “Красною кистью”, “Ока”	95
Б.Вагабзаде. “Шеки”	96
<i>Теория литературы. Понятие о рассказе.</i>	98
С.Маркиш. “Похищение огня. Люди учатся быть людьми”	98
И.С.Тургенев. “Муму”	102
Д.Дефо. “Робинзон Крузо”	116
Л.Н.Толстой. “Кавказский пленник”	126
С.С.Ахундов. “Чернушка”	145
Эльчин. “Ходят по земле поезда”	150
А.П.Чехов. “Ванька”	153
Д.Лондон. “Сказания о Кише”	155
<i>Теория литературы. Речевая характеристика.</i>	163
Д.Н.Мамин-Сибиряк. “Емеля-охотник”	164
В.П.Астафьев. “Стрижонок Скрип”	169
Б.С.Жидков. “Пудя”	175
К.Г.Паустовский. “Мещерская сторона”	186
Р.Брэдли. “Всё лето в один день”	188
Тестирование.	195

ЛИТЕРАТУРА – ЭТО ИСКУССТВО СЛОВА

Хорошая книга – драгоценная сокровищница.

Гасанбек Зардаби

Книга – это духовное завещание одного поколения другим, совет его старца юноше, начинающему жить, приказ, передаваемый часовым, отправляющимся на отдых, часовому, заступающему на место.

А.И.Герцен

Дорогие пятиклассники!

В младших классах вы научились читать, пересказывать, составлять план произведений, рассказывать стихотворения наизусть, учились чувствовать ритм стихотворения, выразительно и по ролям читать рассказы.

На наших уроках вы тоже будете читать произведения, и наш предмет будет называться литература. Что же это такое?

Слово литература пришло к нам из языка древних римлян – из латинского языка (litera-буква). В переводе оно означает написанное.

Сначала люди изучали мир только с помощью наблюдений и опытов, знания передавали из уст в уста. Потом научились записывать самые важные мысли. Книги хранят в себе факты, размышления и открытия, которые накопило человечество за тысячелетия своего существования. Из научных книг мы получаем знания о законах природы и мира. Из художественной литературы мы узнаем о людях, их чувствах и переживаниях, учимся горевать и радоваться вместе с ними.

А.С. Пушкин писал: "Чтение – вот лучшее учение". Чтение – лучший способ стать образованным человеком.

Вы будете изучать художественную литературу, которая рассказывает о жизни человека и природы, о чувствах, мыслях и желаниях многих поколений людей.

Уметь читать – значит внимательно следить за мыслью автора, сопереживать его героям, стараться понять главное, что хотел сказать нам писатель своим произведением.

Каждый человек должен научиться читать, тогда он получит почётное звание "Читатель". А настоящий читатель, по мнению писателя Ч.Айтматова, – "это человек, который, беря книгу в руки, открывает себя, величайший дар природы в себе – талант сопереживания, талант человечности". Чтобы стать человечным, надо понимать то, что читаешь. А это не так-то просто.

Вашими учителями станут те, кого мы называем мастерами художественного слова. Они поведут вас в необыкновенную литературную страну и раскроют множество секретов словесного мастерства, которыми в совершенстве владеют сами. Авторы книг научат вас расставлять слова в тексте так, что они будут, словно кубики, складываться в причудливую цепочку событий, настроений и рассуждений, в головокружительную головоломку, которая будет интересна всем. Произведения художественной литературы написаны разными авторами, в разные эпохи, на разных языках; они могут переносить читателя в далекое прошлое или в неведомое будущее.

В художественных текстах вам встретятся незнакомые слова, значения которых вы должны будете узнавать, пользуясь толковым словарем; слова и выражения в переносном значении, которые делают текст более выразительным и красочным.

Язык художественной литературы бывает прозаическим и поэтическим (т.е. стихотворным). В прозаическом тексте слова располагаются более свободно, в стихотворном же они подчиняются особому ритму. Но это вовсе не значит, что рассказы сочинять проще. Любой текст (и прозаический, и стихотворный) создать нелегко, а тем более художественный текст, в котором центральным является какой-нибудь образ.

Английский поэт Дж. Байрон писал:

Слова весьма существенны: чернила,
бессмертия чудесная роса!

Она миллионы мыслей сохранила

И мудрецов почивших голоса.

Вам нужно научиться услышать эти голоса и понять, о чём они говорят. Для этого надо знать лексическое значение слов, в которых выражен зачастую смысл всего произведения. В художественном произведении слова часто употребляются в переносном значении. Такие слова называются поэтическими. Вы уже знаете, что переносное значение – это значение, которое приобретает слово, если его употребляют вместо другого слова. Роль слова в художественном произведении велика. Р. Гамзатов утверждал: “Нет просто слова. Оно либо проклятье, либо поздравленье, либо красота, либо боль, либо цветок, либо ложь, либо правда, либо свет, либо тьма”. Чтобы понять, какое значение несёт слово, надо уметь разгадывать поэтическое слово, осознавать его тайный, скрытый смысл. Тогда мы лучше представим себе созданный автором художественный образ.

Порой навечно людям остаётся
Короткая, но мудрая строка.

В коротком слове мудрость к нам пробьётся,
Хоть век назад слетела с языка,

— так писал о значении слова великий азербайджанский поэт М.Ш. Вазех.

Самым могущественным средством в этих исканиях оказалось слово. Человек пытался отразить окружающий его мир сначала в фольклоре, а потом — в литературе. Литература могла появиться только с возникновением письменности. Трудно переоценить значение литературы в нашей жизни.

Что же мы понимаем сегодня под словом “литература”? Литературой мы можем назвать всю существующую письменность. Но писать можно о разном и по-разному. Существует литература научная: книги по технике, медицине, математике, естествознанию. Их пишут учёные. Есть публицистика — статьи в газетах, журналах. Есть записки и дневники путешественников, мореплавателей, космонавтов. Существуют воспоминания о событиях прошлого и о людях, которые в них участвовали. Такие книги называют мемуарами.

И существует литература художественная. Её называют так потому, что она связана с художественным творчеством. Творцами произведений искусства являются художники-живописцы, музыканты, писатели и поэты. Каждый из них создаёт свой особый художественный мир с помощью красок, звуков, слов.

Художественная литература — один из видов искусства, который отражает многообразие жизни и богатство духовного мира человека при помощи художественных образов. Достигается это не простым перечислением событий и фактов. Писатель творит свой мир, в котором живут его герои. Если это литературная сказка, то мы попадаем в мир, населённый сказочными существами; если это приключенческий роман, то становимся соучастниками событий, происходящих на каком-нибудь затерянном в океане острове; если рассказ об обычной жизни, то мы оказываемся в знакомом мире, однако и в нём открываем много интересного и нового.

Литература — страна живых картин. Она переносит нас в самые отдалённые исторические эпохи, расширяя наши представления о жизни и людях, помогает лучше понять самих себя.

У каждого народа есть своя литература.

Лучшие произведения писателей разных народов составляют мировую литературу.

Каждая национальная литература имеет свои отличительные, только ей присущие черты.

Азербайджанская литература — одна из древнейших. Она обогатила мировую литературу такими именами, как Низами

Гянджеви, Мухаммед Физули, Молла Панах Вагиф, Самед Вургун... Их произведения можно узнать по особой лиричности, по удивительным образам сильных мужчин и нежных красавиц. Когда читаешь эти произведения, кажется, что наяву бежит серна в чащобах лесов, покрывающих недосыгаемые вершины гор, журчат родники, вода которых даёт заряд на долгие годы...

С *русской литературой* вы знакомитесь, читая стихи Пушкина, романы и повести Толстого, рассказы Чехова, произведения многих других писателей и поэтов. Вы проникаете не только в мир русской природы, но и в душу русского человека, вы узнаете о нравах, обычаях и традициях русских людей, о проблемах и вопросах, волновавших их.

Читая произведения писателей разных стран и народов, вы столько же узнаете о жизни каждого народа.

Взяв книгу в руки, вы будете, говоря словами А.С.Пушкина, следовать за мыслями великого человека, а это “есть наука самая занимательная”.

Но книга – это не только проникновение в душу героя. Из книг мы многое узнаём о личности самого писателя.

Если хотите научиться читать и понимать прочитанное, то читайте почаще вслух: очень важно услышать текст, его музыкальность, ритм, звучность. Важно не только “видеть и узнавать” поэтическое слово, надо научиться и “слышать”. И тогда вы раскроете тайну, которая есть в каждом произведении. Только внимательный читатель сможет увидеть, как при помощи обычных, на первый взгляд, слов создаётся поэтический образ.

В тексте художественного произведения нет случайных или ненужных слов. Создавая свой художественный мир, автор произведения специально отбирает только те слова, которые способны вызвать у читателя эмоциональный отклик. Так автор и читатель становятся союзниками.

Художественный текст создаётся на основе одного или нескольких художественных приёмов, а воспринимается читателем как единый и целостный. В этом и находит своё выражение тайна художественного звучания – тайна соединения слов в текст и превращения его в искусство слова.

Читайте! Мы предлагаем вашему вниманию образцы мировой литературы.

О ПОЭТИЧЕСКОЙ МУДРОСТИ НАРОДА

Понятие о фольклоре

На протяжении тысячелетий человечество копило жизненный опыт, набиралось мудрости. Накопленные знания люди захотели передать и своим современникам, и потомкам. Передавая свой опыт, человек прибегал к вымыслу, обобщению, приукрашиванию и преувеличению.

Так создавался многовековой поэтический образ окружающей природы и самого человека.

Поскольку человек ещё не умел читать и писать, то до возникновения литературы, то есть письменных произведений, появились произведения устного народного творчества – фольклор.

В переводе с английского языка слово **фольклор** означает “народная мудрость, народное знание” (folk – народ).

В фольклоре, в народном поэтическом творчестве и берёт своё начало литература. Произведения фольклора – предания, легенды, сказки, песни, баллады – создавались в народной среде, у них нет определённого автора. Они существовали в устной форме, передавались из поколения в поколение, их пели или рассказывали. Фольклорные произведения неотделимы от музыки, танца, народных обрядов и игр, трудовых процессов. В них соединялись разные виды искусства. Такое соединение (синтез) – характерная особенность устного народного творчества. Позднее произведения фольклора стали записывать, составлять сборники народных песен, сказок, баллад.

Древнейшими фольклорными жанрами являются предания, трудовые и обрядовые песни. Сказки, исторические эпические песни и баллады возникли позднее.

Особое место в устном народном творчестве занимают жанры, предназначенные для детей. Это считалки, дразнилки, небылицы, загадки, головоломки и предания.

Небылицы придуманы взрослыми для детей. Само название подчёркивает нереальность их содержания. Небылицы – это поэтические произведения, в которых изображаются невозможные события. Героями и действующими лицами небылиц являются люди, животные, рыбы, насекомые, которые совершают не свойственные реальной жизни действия.

Головоломки – это малый жанр детского фольклора, который представляет собой логическую загадку, решение которой обычно требует умения считать.

Предания – жанр фольклора, в котором рассказывается об исторических событиях или лицах, а также повествуется о возникновении поселений, городов, сёл, рек, морей, их названий и т. д.

Небылицы

Ровным счётом шестьдесят;
Распустила поросят —
На сучках они висят
И пронзительно визжат:
Полетать они хотят.
Полетели, полетели
И на облачко присели!
Косолапый медведь
С мухи шкуру содрал,
Сапоги с неё сточал,
В них пред волком щеголял,
Поскользнулся и упал,
В море сине он попал!
Сине море всё повыгорело,
Бела рыба вся повылетела!
А на печке мужик
Рыбу-осетра поймал,
А жена его из пламени
Быстро щуку выхватила!
И пошли тут чудеса:
Там, где море, там — леса,
В небесах растут грибы,
А водою жгут дубы!

Предания

ВОЛГА И КАМА

Кама¹ с Волгой спорили: не хотела Кама в Волгу течь. Сначала Кама хотела её воду отбить: до половины реки отбила, а дальше не смогла. Поднялась² Кама на хитрость: уговорила её с коршуном.

— Ты, коршун, крикни, когда я на той стороне буду, чтобы я слышала; а я под Волгу подроюсь и выйду в другом месте.
— Ладно.

Вот Кама начала рыться под Волгу. Рылась, рылась, а тем временем коршуна беркут приметил и погнался за ним. Тот испугался и закричал, как раз над серединой Волги.

Кама думала, что уж она на том берегу, выскочила из-под земли и прямо попала в Волгу.

¹ Кама — река в европейской части России, которая впадает в Волгу

² Поднялась — *здесь*; решилась.

Головоломки

У семерых братьев по одной сестрице,
Много ли сестёр? (днбО)

Ты да я, да мы с тобой.
Много ли всех? (эоѳД)

Летала стая тетеревов, села на рощу деревьев; по двое на дерево сядут одно дерево лишнее, по одному сядут один тетерев лишний. Сколько деревьев и сколько тетеревов?

(рээрѳб ѳ и рээрѳтѳт ѳ)

Вопросы и задания

1. Прочитайте предание выразительно.
2. Какие головоломки вы знаете? Предложите своим друзьям решить некоторые из них.
3. Сможете ли вы придумать головоломку сами?
4. Расскажите какую-нибудь небылицу. Если не знаете, постарайтесь сами придумать.
5. Попробуйте найти головоломки и небылицы на азербайджанском языке.

Пословицы и поговорки

Пословицы и поговорки – это наиболее краткие произведения устного народного творчества. В них в сжатой и образной форме отразилась мудрость народа, его отношение к жизни и к окружающему миру. Многие пословицы и поговорки пришли к нам из глубокой древности. Так, большое количество пословиц в том виде, как они известны сейчас, вошли уже в сборники XVII-XVIII веков.

Пословица – это краткое законченное изречение, имеющее поучительный смысл. Обычно она состоит из одного предложения и часто прямо указывает, например, на то, как правильно поступать в тех или иных ситуациях, как относиться к труду, дружбе, учению и т. д.

* Слово не воробей, вылетит – не поймаешь.

* Повторение – мать учения.

* Не имей сто рублей, а имей сто друзей.

- * Один в поле не воин.
- * Старый друг лучше новых двух.
- * Труд человека кормит, а лень портит.
- * Без труда не вытянешь рыбку из пруда.

Часто пословица помимо прямого смысла имеет и более широкий – *переносный*. Например, известная и очень часто употребляемая пословица *Волков бояться – в лес не ходить* употребляется не только тогда, когда человек боится ходить в лес, но и в любой ситуации, когда человек чего-то опасается и поэтому отказывается от дела.

Пословицы имеют краткую, отточенную веками форму, что делает их лёгкими для запоминания. Нередко они содержат внутреннюю рифму или созвучие: *Что написано пером, того не вырубишь топором*.

- * Близок локоток, да не укусишь.
- * Терпение и труд всё перетрут.
- * Яблоко от яблони недалеко падает.
- * Бодливой корове Бог рогов не даёт.
- * Не зная броду, не суйся в воду.
- * Шила в мешке не утаишь.
- * Не всё коту масленица, бывает и великий пост.
- * Готовь сани летом, а телегу – зимой.
- * Любишь кататься – люби и саночки возить.
- * Не рой яму другому, сам в неё попадёшь.

Не менее часто, чем пословицы, в нашей речи встречаются и поговорки.

Поговорка – это короткое и меткое народное выражение, но в ней отсутствует вывод. Человеку как бы предлагается самому додумать концовку. Поговорка украшает речь и делает её более яркой.

- * Сердце не камень.
- * Язык без костей.
- * Дорога ложка к обеду.
- * И волки сыты, и овцы целы.
- * Скатертью дорога.

Так, если хотят сказать о ком-то, что он хвастается, ведёт себя высокомерно, то говорят, что он *задирает нос*. Если кого-то ругают, а он не чувствует себя виноватым и ведёт себя по-прежнему, то говорят, что *с него как с гуся вода* и т.д.

Поговорки также пришли к нам из глубокой древности и часто отражают жизнь и обычаи, которые уже ушли в историю.

- * Нашла коса на камень.
- * Ищи ветра в поле.
- * Стрела летит, куда её пошлют, и немного в сторону.
- * Всё хорошо, что хорошо кончается.
- * Всякому овощу своё время.
- * На воре шапка горит.
- * Свет не без добрых людей.
- * Век живи, век учись.
- * Чует кошка, чьё мясо съела.
- * Москва не сразу строилась.
- * Что в лоб, что по лбу.

Загадки

Загадки – один из самых древних видов фольклора. В древнерусском языке слово *гадать* означало “думать, размышлять”. Отсюда и произошло слово *загадка*.

Загадка – это поэтический вопрос, ответ на который следует искать в самом вопросе по содержащимся в нём намёкам. В загадке прямо не называется загадываемый предмет (иначе какая же это будет загадка?). А разгадывающий по намёкам должен понять, о чём идёт речь. Например:

Течёт, течёт –
 Не вытечет,
 Бежит, бежит –
 Не выбежит. (мёд)

Сейчас загадка считается детским развлечением. А прежде разгадывание загадок считалось делом очень серьёзным. Очень часто крестьянин боялся навлечь на скотину болезнь, называя её настоящую кличку, и поэтому придумывал для неё поэтическое определение. Так появились загадки о животных: “По горам, по долам ходят шуба да кафтан” (*внѣо*); “Посреди двора стоит копна: спереди вилы, сзади – метла” (*вѣодон*). Люди также придумывали загадки о явлениях природы: “Крашеное коромысло через реку свисло” (*вгнѣрд*); “Красный петушок по жердочке бежит” (*чного*).

Почти все загадки строятся на *сравнении*, при этом загадываемый предмет сравнивается с другими предметами, в которых означаемый признак выражается значительно резче и отчётливее. Например, комар в русской загадке изображается так:

Летит птица:	Крылья остры.
Нос долог,	Кто его убьёт,
Голос звонок,	Тот человечесью кровь прольёт.

Очень часто в загадках предметы неживого мира сопоставляются с живыми существами и, наоборот, живые существа — с предметами и явлениями природы.

Два брата видятся,	Много соседей
А близко не сходятся.	Рядом век живут,
(<i>гои п ногошоII</i>)	А никогда не видятся.
	(<i>рниО</i>)

Ходит,
А в избу не входит. (*адээII*)

Нередко загадка похожа на короткое и весёлое стихотворение:
Бело покрывало
На земле лежало,
Лето пришло —
Оно сошло. (*гэнО*)

Загадки

Из-за леса, из-за гор
Покатился помидор.
В небо синее взлетел
И немножко... пожелтел.
Чем он выше поднимался,
Тем желтее он казался.
К вечеру спустился в лес,
За горами он исчез.

Вот из прутиков дворец,
Во дворце лежит ларец.
А в ларце, во дворце,
Спрятан будущий певец.

Два близнеца, два братца
Мне на ноги садятся.
Я по комнате хожу
И всё время их ношу.
А когда ложусь я спать,
Братцы лезут под кровать.

Летом пышен их наряд,
Зимою голые стоят.

Вопросы и задания

1. Прочитайте пословицы и поговорки с расстановкой.
2. Найдите незнакомые слова в загадках, пословицах и поговорках. Узнайте их значение по словарю. Составьте с ними предложения.
3. Какие загадки вам понравились? Прочитайте их. Вспомните другие загадки.
4. Можете ли вы различать пословицы и поговорки? Объясните свой выбор.
5. Выпишите в тетрадь понравившиеся пословицы, поговорки, загадки. Прокомментируйте их.
6. Найдите и прочитайте пословицы и поговорки на азербайджанском языке, переведите их.

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Цитата

Цитата – это дословная выдержка из какого либо текста. Цитировать можно любое произведение. Часто мы используем цитаты из художественных произведений. Цитаты заключаются в кавычки, потому что это не наши мысли, а у них есть другой автор.

Заключая цитату в кавычки, мы выделяем её из общего текста.

План художественного произведения

Чтобы правильно понять содержание художественного произведения, проанализировать его и запомнить, необходимо составить его план.

План может быть цитатным.

Для этого надо в тексте произведения выбрать цитаты, характеризующие разные этапы в жизни героев, различные изменения в их душевном состоянии.

Отобрав нужные цитаты в тексте, выписываем их в тетрадь, а потом по ним рассказываем о явлениях и событиях в жизни героев.

План может быть составлен по абзацам произведения или своими словами.

Фольклорная сказка

*Сказка – ложь, да в ней намёк,
Добрым молодцам урок.*

А.С.Пушкин

Сказки – это произведения устного народного творчества, в которых в занимательной форме рассказывается о вымышленных, нереальных, придуманных событиях.

Во всех сказках говорится о том, чего в жизни не бывает, но сам характер этих придуманных, фантастических событий может быть очень разным. Существует три основных вида сказок. Это сказки о животных, волшебные сказки, социально-бытовые сказки.

Лучше всего вы, наверное, знаете **сказки о животных**. Нереальность ситуации в них состоит в том, что герои этих сказок – звери, которые действуют, думают и говорят, как люди. У них и характеры человеческие, причём обычно у каждого животного свой характер, который остаётся неизменным в разных сказках. Так, в русских народных сказках лиса обычно обманщица, заяц – доверчивый и пугливый, медведь – сильный и неповоротливый, петух – смелый и задиристый и т.д. Таким образом, в иносказательной форме в сказках о животных говорится об отношениях между людьми.

Значительно больше фантастики в **волшебных сказках**, о чём говорит само их название. В них также бывают говорящие животные, но главными действующими лицами являются люди, на долю которых выпадают сложные и опасные испытания. С ними происходят всевозможные невероятные приключения и превращения. Они встречаются с такими фантастическими персонажами, как Кощей Бессмертный, Баба Яга, Змей Горыныч. В волшебных сказках есть и волшебные предметы: гребень, который может превратиться в лес, печка, которая может разговаривать, или клубочек, который показывает дорогу.

В **бытовых сказках** фантастики и волшебства почти нет, и действуют в них не герои и богатыри, а обычные люди. Но события, которые происходят в этих сказках, тоже не совсем реальны: в них много преувеличений, смешных ситуаций и героев. В бытовых сказках высмеиваются человеческие

недостатки, возникшие проблемы решаются не волшебными средствами, а с помощью сообразительности, ума, изобретательности героя.

Народные сказки имеют некоторые общие черты. Обычно сказка начинается *зачином* (жили-были; в некотором царстве, в некотором государстве и т.д.), и завершается *концовкой* (стали жить-поживать да добра наживать; и я там был, мёд-пиво пил и т.д.)

СКАЗКА О ДАШДЕМИРЕ (Азербайджанская народная сказка)

Жила-была в далёкие времена старая женщина по имени Фаты, и был у неё единственный сын Дашдемир.

Это был умный мальчик. Его отец Заман-киши, распознав в маленьком Дашдемире необыкновенные способности, отдал его учителю по имени Мирза Мохсун. За короткое время Дашдемир научился читать и писать. Он с увлечением слушал Мирзу Мохсуна, который каждый день читал ему интересные книги и рассказывал об удивительных приключениях. Дашдемир так полюбил Мирзу Мохсуна, что ни на минуту не хотел расставаться с ним. Но судьба оторвала Дашдемира от учения. Случилось это, когда мальчик лишился отца.

Заман-киши продавал цветы и фрукты и этим содержал свою семью.

Сад Замана-киши находился на окраине города, возле мельницы. Когда Дашдемир был ещё совсем маленьким, на этой мельнице случилось большое несчастье. Однажды утром соседи, проснувшись, увидели, что мельник и его жена мертвы. Сколько ни искали злодеев, задушивших мельника и его жену, найти не смогли. После этого никто не соглашался работать на мельнице, и люди обходили её стороной.

Шло время, и о заброшенной мельнице народ стал рассказывать разные небылицы. Одни говорили, что там живут джинны¹, другие утверждали, что разбойники.

Однажды ночью, когда Заман-киши спал, с мельницы донёсся крик. Садовник вскочил и побежал к окошку. Хотя было очень темно, острый глаз Замана-киши разглядел во дворе мельницы тени нескольких человек, которые, видимо, боролись.

Потом снова послышался крик, вернее не крик, а стон, будто кого-то душили. Заман-киши не выдержал, выбежал из дома и ринулся к мельнице.

¹ Джинны – злые духи

А утром на мельнице нашли два трупа. Одного из них никто не мог распознать, а другой был Заман-киши.

Вот тогда-то и пришлось Дашдемиру уйти от своего учителя Мирзы Мохсуна и стать садовником вместо отца, чтобы кормить себя и мать.

Однажды среди сверстников Дашдемира разгорелся спор: кто самый отважный? И решили так: кто считает себя самым сильным, пусть пойдёт на мельницу и забьёт там кол.

— Я пойду, — первым вызвался Дашдемир.

Юноши принесли ему кол и топор. Дашдемир дождался, пока стемнеет, и, взяв кол, топор и свой кизилковый посох, подошёл к мельнице. С занесённым над головой на всякий случай посохом он пошёл внутрь. Но не успел сделать и нескольких шагов, как услышал голос:

— Стой, кто ты?

Юноша обернулся и увидел у входа человека, лицо которого до самых глаз было повязано чёрным платком.

— Разве не ведомо тебе, что это жилище джинов? Разве ты не знаешь, что отсюда птица не может выбраться, не изранив крыльев, мул не уйдёт, не изломав копыт, человек, не поплатившись кровью?

— Да, я от многих слышал, что это жилище джинов, но не верил этому. И вот теперь я убедился, что всё это ложь, потому что ты не джинн, а человек, — спокойно ответил Дашдемир.

— Если бы ты принял меня за джинна, я, может быть, отпустил бы тебя отсюда живым. Но раз ты узнал, что я человек, я должен тебя задушить, чтобы ты никому не смог раскрыть мою тайну.

Сказав это, человек с закрытым лицом бросился на Дашдемира. Но Дашдемир показал свою силу.

...Что-то лязгнуло, и человек с закрытым лицом исчез. Дашдемир бросился за ним, но человек с закрытым лицом словно провалился сквозь землю. Сколько ни искал его Дашдемир, так и не нашёл...

Подходя к дому, Дашдемир увидел во дворе шахского воеводу Абас бека, кричавшего на старую Фаты.

— Что такое? Что случилось? — спросил Дашдемир.

— Случилось то, что ты должен оставить этот дом и убраться отсюда вместе со своей матерью. И этот дом, и этот сад принадлежат мне, — ответил Абас бек.

— С каких пор мой дом стал твоим?

— С этой ночи.

— Я ничего не понимаю, — сказал Дашдемир. — Этот дом оставил мне мой отец. Почему же с этой ночи он становится твоим?

— Я не хочу ничего объяснять, — сердито ответил Абас бек.

— Скоро тебя поведут в суд, там и узнаешь всё.

Сказав это, Абас бек ушёл. А Дашдемир пошёл к Мирзе Мохсуну, чтобы рассказать ему о своём горе. Но он не застал учителя дома. Нардан, умная и красивая дочь Мирзы Мохсуна, вышла к Дашдемиру и сказала, что отец ещё не возвратился от падишаха. Дашдемиру не оставалось ничего иного, как вернуться домой и ждать.

Что было делать теперь Дашдемиру? Когда стемнело, он снова направился к Мирзе Мохсуну, чтобы рассказать ему о своих злоключениях и попросить совета.

Но сколько ни стучался Дашдемир в дверь, никто не открыл ему. Наконец, его стук услышал сосед Мирзы Мохсуна. Он вышел и сказал ему, что у Мирзы Мохсуна никого нет дома.

“Что могло случиться с моим учителем?” — подумал Дашдемир, и его охватило такое недоброе предчувствие, что он даже забыл о своём горе. Как он ни думал, ни гадал, но ни до чего не мог додуматься.

Весь день Дашдемир провёл в горьких думах.

А вечером вдруг раздался стук в дверь. Дашдемир вышел и увидел чабана в мохнатой шапке, чарыхах и с палкой в руке.

— Что тебе надо? — спросил Дашдемир.

— Я гость в этом городе, — ответил чабан. — Если позволишь, я проведу ночь у тебя, а утром уйду.

Чуть позже в дверь постучали. Вошла женщина, закутанная в чёрную чадру¹. Старая Фаты вышла ей навстречу. Но женщина прошла мимо неё и подойдя к Дашдемиру, сказала:

— У меня есть к тебе три вопроса. Хорошенько подумай, а потом отвечай! Во-первых, скажи мне, кто этот человек?

— Это мой гость, чабан, пришедший с гор. Он попросил у меня ночлега, — ответил Дашдемир.

— Теперь дай ответ на второй вопрос, — сказала женщина. — Скажи мне, ты хочешь помочь Мирзе Мохсуну, своему учителю? Дашдемир так и вскочил с места.

— Я готов отдать жизнь за него! — воскликнул он. — Скажи, кто ты? Где Мирза Мохсун?

— Ответь мне на третий вопрос. Скажи, умеешь ли ты хранить тайну?

— Сестра, не оскорбляй меня. Я учился у Мирзы Мохсуна, а этим всё сказано, — ответил Дашдемир.

¹ Чадра — покрывало, закрывающее лицо женщины.

– Ну, тогда объясни вот это... – сказала женщина и, вытащив из-под чадры тарелку, поставила её перед Дашдемиром. В тарелке лежали гранат, горсть игл, ножницы, лист бумаги, кусок мяса и нож.

– Если ты не забыл того, чему учил тебя Мирза Мохсун, то должен помнить, что означают эти вещи.

Дашдемир, ничего не говоря, взял нож и разрезал мясо на мелкие кусочки. Потом он ножницами изрезал на клочки лист бумаги. Затем взял в руки горсть игл и по одной вонзил их в гранат.

– Молодец! – улыбнулась женщина. Теперь объясни, что ты хочешь сказать этим.

– Ханум, я понял, что ты решила доверить мне тайну, – сказал Дашдемир. – Разрезав на куски мясо и бумагу, я хотел сказать, что, если бы даже моё тело изрезали на куски, как это мясо и как эту бумагу, и пронзили бы стрелами, как этот гранат, я всё равно никому не открыл бы того, что ты доверишь мне.

Услышав это, женщина улыбнулась и скинула с лица чадру.

Дашдемир увидел перед собой дочь Мирзы Мохсуна, красавицу Нардан.

– О Нардан! – воскликнул Дашдемир. Скажи мне, почему ты уехала из своего дома, где твой отец?

– Слушай же, Дашдемир. С того дня, как мой отец ушёл к падишаху, я не видела его. И по сей день я не знаю, что с ним. Но вечером того самого дня наш сосед принёс мне пять вещей – условных знаков и сказал, что отец просил его передать эти вещи мне. Я сразу заподозрила, что с отцом что-то случилось, и поэтому той же ночью ушла из дома. Что означают три из присланных отцом вещей, я поняла, а что он хотел сказать двумя остальными – нет. Поэтому я и пришла к тебе.

– Какие же вещи прислал твой отец? – спросил Дашдемир.

– Отец послал грушу, сливу, ручную мельницу, кусок железа и камень. Я поняла, что ручная мельница – это та самая заброшенная мельница, что стоит возле вашего дома, а камень и железо – это ты. Но что значит груша и слива? Нардан положила перед Дашдемиром грушу и сливу.

Внимательно посмотрев на них, Дашдемир улыбнулся и сказал:

– Нардан, эта груша – сорт Абас-бейли, а эту сливу садовники называют сливой-визирем. Твой отец хочет сказать, что история, приключившаяся со мною на заброшенной мельнице, связана с начальником шахского войска Абас беком и визирем.

– Что же мы должны предпринять? – спросила девушка.

– Во-первых, мы должны хранить нашу тайну. Во-вторых, нам нужно во что бы то ни стало узнать, где твой отец и что с ним. Без его совета нельзя ничего предпринять.

На следующее утро спозаранку Дашдемир встал, взял кирку и лопату и направился к шахскому дворцу. Подойдя к дворцу, он стал подкапывать его стену.

— Что ты делаешь? — закричали стражники и, схватив Дашдемира, повели его во дворец.

Но сколько там ни допытывались, зачем он подкапывал стену, Дашдемир отвечал одно и то же:

— Кроме падишаха, никому не могу сказать об этом.

Видя, что от юноши ничего не добьёшься, стражники повели его к падишаху. Падишах сидел на троне, лицо его было покрыто шёлковым платком. Рядом с падишахом Дашдемир увидел и визиря, и Абас бека.

— Слушай, кто ты, и чем занимаешься? Зачем ты подкапывал стену моего дворца? — спросил падишах.

— Да снизойдёт благополучие на падишаха, там закопаны семь кувшинов, полных золота. Вот я и хотел вытащить их.

— А откуда тебе известно, что там есть золото?

— Да прибавится здоровье падишаху, сегодня ночью я видел во сне, — ответил Дашдемир.

— Ты видно, дурак, — разозлился падишах. — Разве всё, что видишь во сне, можно принимать за истину?

— Да снизойдёт благополучие на падишаха, я и сам раньше полагал, что снам не следует верить. Но начальник твоего войска Абас бек научил меня другому...

Падишах приказал стражнику:

— Принеси ту вещь, которую я вчера дал тебе.

Стражник вышел и вернулся с подносом. На подносе лежали гранат, горстка игл, ножницы, лист бумаги, кусочек мяса и нож.

— Если ты не забыл, чему учил тебя Мирза Мохсун, отвечай! — приказал падишах.

Дашдемир так и замер от изумления. Но он быстро взял себя в руки, изрезал мясо и бумагу, а иглы вонзил в гранат.

Падишах засмеялся и скинул с лица шёлковый платок.

Дашдемир поднял глаза и узнал в падишахе того самого чабана, который попросил у него ночлега.

Падишах сказал:

— Я подозреваю своих людей. Кажется, Мирза Мохсун был прав в своих предположениях. В ту ночь я умышленно переоделся чабаном и пришёл к тебе. Но я не всё слышал. Скажи мне,

что означают те фрукты – груша и слива, и что это за мельница?

– Я при тебе обещал той девушке, – сказал Дашдемир, – какое бы испытание ни выпало на мою долю, я не раскрою эту тайну. Поэтому ты напрасно спрашиваешь меня. Я ничего не знаю.

– Пока ты не расскажешь мне всё, что знаешь, я буду держать тебя здесь! – сказал падишах и приказал стражникам отвести Дашдемира и посадить его в темницу.

Никто не рад попасть в темницу. Но Дашдемир был доволен тем, что угодил туда, потому что в темнице он увидел своего учителя Мирзу Мохсуна.

Прошло несколько дней. В каждый из них падишах призывал к себе Дашдемира и требовал, чтобы тот раскрыл ему свою тайну. А Дашдемир упорно отвечал, что ничего не знает. И всякий раз после такого ответа юношу снова уводили в темницу. Терпение падишаха лопнуло, и настал день, когда он решил казнить Дашдемира.

...На площади собрался народ. Привели Дашдемира. Падишах ещё раз спросил:

– Будешь говорить или нет?

– Нет, – ответил Дашдемир.

Падишах призвал палачей. Но только те надели верёвку на шею Дашдемира, как мимо виселицы пронёсся всадник и ударил о землю гранат. Гранат разбился, его зёрнышки рассыпались вокруг.

– Да снизойдёт благополучие на падишаха! – воскликнул Дашдемир. – Я готов говорить.

– Почему же до сих пор не хотел говорить, а сейчас согласился? – спросил падишах.

– Да снизойдёт благополучие на падишаха, – сказал Дашдемир. – Тот, кому я дал слово, разрешил мне открыть тайну. И он показал падишаху на зёрнышки граната, рассыпавшиеся на земле.

– Хорошо, – сказал падишах, – отвечай, кто была та девушка, которую я увидел у тебя?

– Это была дочь Мирзы Мохсуна.

– Я так и думал. Теперь скажи мне, что хотел сказать Мирза Мохсун той грушей и той сливой?

– Он хотел сказать, что история, приключившаяся со мной на заброшенной мельнице, связана с Абас беком и твоим визирем.

– А что приключилось с тобой на заброшенной мельнице? Дашдемир рассказал падишаху обо всём.

Падишах приказал привести Мирзу Мохсуна.

Мирза Мохсун рассказал падишаху о том, как визирь обманул его.

– А теперь послушай, – сказал он, обращаясь к падишаху. – Сейчас я открою тебе самую большую тайну. Кроме меня, никто не знает её. Да снизойдёт благополучие на падишаха, твой предшественник, прежний шах, не имел сына. Жена приносила ему только дочерей. Падишах был жесток, и, если жена рожала дочь, он выгонял её вместе с ребёнком.

Когда он женился на той, которую знают как твою мать, он ещё заранее предупредил её, что, если она родит дочь, он убьёт и ребёнка, и её. Случилось так, что и у неё родилась дочь. А в ту же ночь родился у мельника мальчик. Так вот твой визирь с Абас беком, сговорившись, удушили мельника и его жену, а мальчика поменяли с дочерью падишаха. Да снизойдёт благополучие на падишаха, ты сын того мельника, твоего отца и мать убили визирь с Абас беком.

Падишах задумался.

– Я хочу верить всему, что услышал от тебя, – сказал он, – но не могу поверить. Есть ли у тебя ещё какие-нибудь доказательства?

– Да прибавится здоровье падишаху, пусть та, которую ты называешь матерью, придёт сюда.

Стражники привели женщину, которую все считали матерью падишаха, и она рассказала, как всё было.

Теперь падишах убедился, что Мирза Мохсун говорит правду.

– Мирза Мохсун, – сказал он, – ты должен найти дочь падишаха. Ведь трон по закону принадлежит ей. Я отдам дочери падишаха и власть, и корону, а сам пойду на отцовскую мельницу.

– Визирь и Абас бек бросили девочку в лесу на съедение зверям, – сказал Мирза Мохсун. – Я нашёл эту девочку, вырастил её и берёг как свою дочь. Она и теперь ещё не знает, кто её отец и мать.

Сказав это, Мирза Мохсун открыл лицо Нардан. И все увидели, что девушка и жена падишаха похожи, как две капли воды. Мать и дочь обнялись.

– Нардан ханум, – обратился к девушке падишах, – шахство принадлежит тебе. Принимай трон и корону.

– Нет, – ответила Нардан, – я дарю их тебе. Ты ещё молод, но всё говорит за то, что ты будешь хорошим падишахом. Да к тому же, ты вскормлен молоком моей матери. Значит, мы молочные брат и сестра.

Падишах сделал Мирзу Мохсуна своим визирем. Прежний визирь и Абас бек отправились на виселицу. А Дашдемир и Нардан справили свадьбу.

Вопросы и задания

- 1. К какому виду сказок можно отнести эту сказку?*
- 2. Разделите текст на части. Назовите центральную часть.*
- 3. Перескажите понравившийся отрывок сказки.*
- 4. Сравните двух литературных героев, постарайтесь написать план действия любимых героев.*
- 5. Чему учит нас “Сказка о Дашдемире”?*

ИВАН-ЦАРЕВИЧ и СЕРЫЙ ВОЛК *(Русская народная сказка)*

Жил-был царь Берендей, у него было три сына; младшего звали Иваном.

И был у царя сад великолепный; росла в том саду яблонька с золотыми яблоками.

Стал кто-то царский сад посещать, золотые яблоки воровать. Царю жалко стало свой сад. Посылает он туда караулы. Никакие караулы не могут уследить похитчика¹. Царь перестал и пить, и есть, затосковал.

Сыновья отца утешают:

— Дорогой наш батюшка, не печалься, мы сами станем сад караулить.

Старший сын говорит:

— Сегодня моя очередь, пойду стеречь сад от похитчика.

Отправился старший сын. Сколько ни ходил с вечера, никого не уследил, припал на мягкую траву и уснул.

¹ Похитчик — похититель.

Утром царь его спрашивает:

— Ну-ка, не обрадуешь ли меня: не видал ли ты похитчика?

— Нет, родимый батюшка, всю ночь не спал, глаз не смыкал, а никого не видал.

На другой день пошёл средний сын караулить и тоже проспал всю ночь, а наутро сказал, что не видал похитчика.

Наступило время младшего брата идти стеречь. Пошёл Иван-царевич стеречь отцов сад и даже присесть боится, не то что прилечь. Как его сон задолит¹, он росой с травы умоется, сон и прочь с глаз.

Половина ночи прошла, ему и чудится: в саду свет. Светлее и светлее. Весь сад осветило. Он видит — на яблоню села Жар-птица и клюет золотые яблоки.

Иван-царевич тихонько подполз к яблоне и поймал птицу за хвост. Жар-птица встрепелась и улетела, осталось у него в руке одно перо от её хвоста.

Наутро приходит Иван-царевич к отцу:

— Ну что, дорогой мой Ваня, не видал ли ты похитчика?

— Дорогой батюшка, поймать не поймал, а проследил, кто наш сад разоряет. Вот от похитчика память вам принёс. Это, батюшка, Жар-птица.

Царь взял это перо и с той поры стал пить и есть, и печали не знать. Вот в одно прекрасное время ему и раздумалось об этой Жар-птице. Позвал он сыновей и говорит им:

— Дорогие мои дети, оседлали бы вы добрых коней, поездили бы по белу свету, места познавали, не напали бы где на Жар-птицу.

Дети отцу поклонились, оседлали добрых коней и отправились в путь-дорогу; старший — в одну сторону, средний — в другую, а Иван-царевич — в третью сторону.

Ехал Иван-царевич долго ли, коротко ли. День был летний. Приустал Иван-царевич, слез с коня, спутал его, а сам свалился спать.

Много ли, мало ли времени прошло, пробудился Иван-царевич, видит — коня нет. Пошёл его искать, ходил, ходил и нашёл своего коня — одни кости обглоданные.

Запечалился Иван-царевич: куда без коня идти в такую даль?

“Ну что же, — думает, — взялся — делать нечего”.

¹ Задолит — начнёт клонить, начнёт одолевать.

И пошёл пеший. Шёл, шёл, устал до смерточки. Сел на мягкую траву и пригорюнился, сидит. Откуда ни возьмись бежит к нему Серый волк:

— Что, Иван-царевич, сидишь пригорюнился, голову повесил?

— Как же мне не печалиться, Серый волк? Остался я без доброго коня.

— Это я, Иван-царевич, твоего коня съел... Жалко мне тебя! Расскажи, зачем вдаль поехал, куда путь держишь?

— Послал меня батюшка поездить по белу свету, найти Жар-птицу.

— Фу, фу, тебе на своём добром коне в три года не доехать до Жар-птицы. Я один знаю, где она живёт. Так и быть — коня твоего съел, буду тебе служить верой-правдой. Садись на меня да держись крепче.

Сел Иван-царевич на него верхом, Серый волк и поскакал — синие леса глаз пропускает, озера хвостом замечает. Долго ли, коротко ли, добегают они до высокой крепости. Серый волк и говорит:

— Слушай меня, Иван-царевич, запоминай: полезай через стену, не бойся: час удачный, все сторожа спят. Увидишь в тереме окошко, на окошке стоит золотая клетка, а в клетке сидит Жар-птица. Ты птицу возьми, за пазуху положи, да смотри — клетки не трогай.

Иван-царевич через стену перелез, увидел этот терем: на окошке стоит золотая клетка, в клетке сидит Жар-птица. Он птицу взял, за пазуху положил да засмотрелся на клетку. Сердце его и разогрелось: “Ах, какая — золотая, драгоценная! Как такую не взять?” — и забыл, что волк ему наказывал. Только дотронулся до клетки, пошёл по крепости звук: трубы затрубили, барабаны забили, сторожа пробудились, схватили Ивана-царевича и повели его к царю Афрону. Царь Афрон разгневался и спрашивает:

— Чей ты, откуда?

— Я царя Берендея сын, Иван-царевич.

— Ай, срам какой! Царский сын да пошёл воровать!

— А что же, когда ваша птица летала, наш сад разоряла?

— А ты бы пришёл ко мне, по совести попросил, я бы её так отдал из уважения к твоему родителю, царю Берендею. А теперь по всем городам пуцу нехорошую славу про вас... Ну да ладно, сослужишь мне службу, я тебя прощу. В таком-то

царстве у царя Кусмана есть конь златогривый. Приведи его ко мне, тогда отдам тебе Жар-птицу с клеткой.

Загорюнился Иван-царевич, идёт к Серому волку. А волк ему:

– Я же тебе говорил, не шевели клетку. Почему не слушал мой наказ?

– Ну, прости же ты меня, прости, Серый волк.

– То-то, прости... Ладно, садись на меня. Взялся за гуж, не говори, что не дюж...

Опять поскакал Серый волк с Иваном-царевичем. Долго ли, коротко ли, добегают они до той крепости, где стоит конь златогривый.

– Полезай, Иван-царевич, через стену, сторожа спят, иди на конюшню, бери коня, да смотри – уздечку не трогай.

Иван-царевич перелез в крепость, там все сторожа спали, зашёл на конюшню, поймал коня златогривого, да позарился на уздечку: она золотом, дорогими камнями убрана; в ней златогривому коню только и гулять.

Иван-царевич дотронулся до уздечки, – пошёл звук по всей крепости: трубы затрубили, барабаны забили, сторожа проснулись, схватили Ивана-царевича и повели его к царю Кусману:

– Чей, ты откуда?

– Я Иван-царевич.

– Эка, за какие глупости взялся – коня воровать! На это и простой мужик не согласится. Ну ладно, прощу тебя, Иван-царевич, если сослужишь мне службу. У царя Далмата есть дочь Елена Прекрасная. Похить её, привези ко мне, подарю тебе златогривого коня с уздечкой.

Ещё пуще пригорюнился Иван-царевич, пошёл к Серому волку.

– Говорил я тебе, Иван-царевич, не трогай уздечку. Не послушал ты моего наказа.

– Ну, прости же меня, прости, Серый волк.

– То-то, прости... Да уж ладно, садись мне на спину.

Опять поскакал Серый волк с Иваном-царевичем. Добегают они до царя Далмата. У него в крепости в саду гуляет Елена Прекрасная с мамушками, нянюшками. Серый волк говорит:

– В этот раз я тебя не пущу, сам пойду. А ты ступай обратно путём-дорогой, я тебя скоро нагоню.

Иван-царевич пошёл обратно путём-дорогою, а Серый волк перемахнул через стену – да в сад. Засел за куст и глядит: Елена Прекрасная вышла со своими мамушками, нянюшками. Гуляла, гуляла и только приотстала от мамушек, нянюшек,

Серый волк ухватил Елену Прекрасную, перекинул через спинку – и наутёк.

Иван-царевич идёт путём-дорогой, вдруг настигает его Серый волк, на нём сидит Елена Прекрасная. Обрадовался Иван-царевич, а Серый волк ему:

– Садись на меня скорей, как бы за нами погони не было.

Помчался Серый волк с Иваном-царевичем, с Еленой Прекрасной обратной дорогой – синие леса мимо глаз пропускает, реки, озера хвостом замечает. Долго ли, коротко ли, добегают они до царя Кусмана.

Серый волк спрашивает:

– Что, Иван-царевич, приумолк, пригорюнился?

– Да как же мне, Серый волк, не печалиться! Как расстанусь с такой красотой? Как Елену Прекрасную на коня буду менять?

Серый волк отвечает:

– Не разлучу я тебя с такой красотой, спрячем её где-нибудь, а я обернусь Еленой Прекрасной, ты и води меня к царю.

Тут они Елену Прекрасную спрятали в лесной избушке. Серый волк перевернулся через голову и сделался точь-в-точь Еленой Прекрасной. Повёл его Иван-царевич к царю Кусману. Царь обрадовался, стал его благодарить:

– Спасибо тебе, Иван-царевич, что достал мне невесту. Получай златогривого коня с уздечкой.

Иван-царевич сел на этого коня и поехал за Еленой Прекрасной. Взял её, посадил на коня, и едут они путём-дорогой.

А царь Кусман устроил свадьбу, пировал весь день до вечера, как надо было спать ложиться, повёл он Елену Прекрасную в спальню, да только лёг на кровать, глядит – волчья морда вместо молодой жены. Царь со страху свалился с кровати, а волк прочь удрал.

Нагоняет Серый волк Ивана-царевича и спрашивает:

– О чём задумался, Иван-царевич?

– Как же мне не думать? Жалко расставаться с таким сокровищем – конём златогривым, менять его на Жар-птицу.

– Не печалься, я тебе помогу.

Вот доезжают они до царя Афрона. Волк и говорит:

– Этого коня и Елену Прекрасную ты спрячь, а я обернусь конём златогривым, ты меня и води к царю Афрону.

Спрятали они Елену Прекрасную и златогривого коня в лесу. Серый волк перекинулся через спинку, обернулся златогривым конём. Иван-царевич повёл его к царю Афрону. Царь обрадовался и отдал ему Жар-птицу с золотой клеткой.

Иван-царевич вернулся пеший в лес, посадил Елену Прекрасную на златогривого коня, взял золотую клетку с Жар-птицей и поехал путём-дорогой в родную сторону.

А царь Афрон велел подвести к себе дарёного коня и только хотел сесть на него – конь обернулся Серым волком. Царь, со страху, где стоял, там и упал, а Серый волк пустился наутёк и скоро догнал Ивана-царевича.

– Теперь прощай, мне дальше идти нельзя.

Иван-царевич слез с коня и три раза поклонился до земли, с уважением отблагодарил Серого волка. А тот говорит:

– Не навек прощайся со мной, я ещё тебе пригожусь.

Иван-царевич думает: “Куда же ещё пригодишься? Все желанья мои исполнены”. Сел на златогривого коня, и опять поехали они с Еленой Прекрасной, с Жар-птицей. Доехали они до краев, вздумалось ему попоцеловать. Было у него с собой немного хлебушка. Ну они поели, ключевой воды попили и легли отдыхать.

Только Иван-царевич заснул, наезжают на него его братья. Ездили они по другим землям, искали Жар-птицу, вернулись с пустыми руками.

Наехали и видят – у Ивана-царевича всё добыто. Вот они и сговорились:

– Давай убьём брата, добыча вся будет наша.

Решились и убили Ивана-царевича. Сели на златогривого коня, взяли Жар-птицу, посадили на коня Елену Прекрасную и устроили её:

– Дома не рассказывай ничего.

Лежит Иван-царевич мёртвый, над ним уж вороны летают. Откуда ни возьмись прибежал Серый волк и схватил ворона с воронёнком.

– Ты лети-ка, ворон, за живой и мёртвой водой. Принесёшь мне живой и мёртвой воды, тогда отпущу твоего воронёнка.

Ворон, делать нечего, полетел, а волк держит его воронёнка. Долго ли ворон летал, коротко ли, принёс он живой и мёртвой воды. Серый волк sprыснул мёртвой водой раны Ивана-царевича, раны зажили; sprыснул его живой водой – Иван-царевич ожил.

– Ох, крепко же я спал...

– Крепко ты спал, – говорит Серый волк. – Кабы не я, совсем бы не проснулся. Родные братья тебя убили и всю добычу твою увезли. Садись на меня скорей.

Поскакали они в погоню и настигли обоих братьев. Тут их Серый волк растерзал и клочки по полю разметал.

Иван-царевич поклонился Серому волку и простился с ним . Вернулся Иван-царевич домой на коне златогривом, привёз отцу своему Жар-птицу, а себе – невесту Елену Прекрасную.

Царь Берендей обрадовался, стал сына спрашивать. Стал Иван-царевич рассказывать, как помог ему Серый волк достать добычу, да как братья убили его сонного, да как Серый волк их растерзал.

Погоревал царь Берендей и скоро утешился. А Иван-царевич женился на Елене Прекрасной, и стали они жить-поживать да горя не знать.

Вопросы и задания

- 1. Выразительно прочитайте отрывок, указанный учителем.*
- 2. Как Иван-царевич нарушил запрет Серого волка?*
- 3. Почему герою удаётся преодолеть препятствия?*
- 4. Перескажите содержание сказки близко к тексту.*

ЛИСА и КУВШИН

(Русская народная сказка)

К одному мужику повадилась¹ лиса ходить кур красть. Мужик повесил кувшин. Ветер в кувшин дует. Он гудит:

“Бу-бу-бу, бу-бу-бу!”

Приходит лиса и слушает: что такое гудёт²? Увидела кувшин, схватила его за обрывок верёвки и надела себе на шею.

– погоди, кувшинище-дурачище, я тебя, – говорит, – утоплю.

И понесла кувшин в прорубь; стала его топить. Кувшин захлебнулся водою: бурк-бурк-бурк-бурк – и тянет лису за собою на дно. Лиса просит:

– Кувшин, кувшин, не топи меня, я не буду, это я тебя только так пострадала.

Кувшинище-дурачище не слушается, всё тянет на дно – и утопил лису!

¹ Пováдилась - взяла привычку.

² Гудёт - гудит.

Вопросы и задания

1. Определите значение незнакомых слов.
2. Порассуждайте, как создаётся образ лисы? Какая она в этой сказке?
3. Что придумала лиса, чтобы спастись от кувшина? Что из этого получилось?
4. Вы знаете, что сказка чему-то учит нас. Чему учит эта сказка?

ШЕСТЬ ЛЕБЕДЕЙ (“Сказки братьев Гримм”)

Охотился раз король в большом дремучем лесу; без устали гонялся он за зверем, и никто из его людей не мог за ним поспеть. А уже наступил вечер; придержал тогда король своего коня, оглянулся и видит, что заблудился. Стал он искать дорогу, но найти её никак не мог.

И вот он увидел в лесу старуху с трясущейся головой; она шла к нему прямо навстречу, а была то ведьма.

– Бабушка, – сказал он ей, – не можете ли вы указать мне дорогу из лесу?

– О, да, господин король, – ответила, – это я могу, но с одним условием, если вы его не выполните, то не выйти вам из лесу никогда и пропадёте вы тут с голоду.

– А какое же условие? – спрашивает король.

– Есть у меня дочь, – говорит старуха, – она такая красавица, какой на свете нигде не сыскать, и заслуживает она вполне того, чтобы стать вашей женой; если вы согласны сделать её королевой, то я укажу вам дорогу из лесу.

Король в страхе согласился, и старуха привела его в свою избушку, где у очага сидела её дочь. Она приняла короля так, будто его и ждала; и он увидел, что она очень красива, но, однако же, она ему не понравилась, и он не мог глядеть на неё без затаенного страха. Когда король посадил девушку на коня, старуха указала ему дорогу, и король возвратился снова в свой королевский замок, где они и отпраздновали свадьбу.

А король уже был женат, но жена его умерла. От первой жены было у него семеро детей – шесть мальчиков и одна девочка, и любил он их больше всего на свете. Но он боялся,

как бы мачеха не стала с ними плохо обращаться, как бы не сделала она им какого зла, и вот он отвез их в потаённый замок, который находился в самой середине леса. Он был так скрыт в лесной чаще, и дорогу к нему найти было так трудно, что и сам бы он не нашёл её, если бы не подарила ему одна ведунья¹ клубок волшебных ниток; а был тот клубок такой, что стоило бросить его перед собой, как он сам разматывался и указывал дорогу.

Король очень часто уезжал к своим любимым детям в лес; и вот наконец на частые его отлучки обратила внимание королева; ей захотелось узнать, что он делает там один в лесу. Она дала много денег своим слугам, и они выдали ей тайну, рассказали также и о клубке ниток, который один только и может указать туда путь. И не было у неё покоя до тех пор, пока не выведала она, где король хранит свой клубок; затем сшила она из шёлка маленькие белые рубашки, и так как она была обучена своей матерью колдовству, то зашила она в них чары.

Вот уехал однажды король на охоту, а она взяла те рубашки и отправилась в лес, и клубок указал ей путь-дорогу. Дети, увидав издали, что кто-то идёт, подумали, что это их любимый отец, и на радостях выбежали из дома. И вот набросила она на каждого из них рубашку; и только прикоснулись те рубашки к их телу, как обратились они в лебедей, поднялись над лесом и улетели.

Вернулась королева домой очень довольная, думая, что она избавилась от своих пасынков; но девочка не выбежала ей навстречу вместе с братьями, а королева этого не заметила. На другой день пришёл король, чтоб навестить своих детей, но нашёл одну только дочку.

— А где же твои братья? — спросил он у неё.

— Ах, милый отец, — отвечала она, — они улетели и оставили меня одну. — И она рассказала ему, что видела из окошка, как братья пролетали над лесом, и она показала ему перья, что обронили они во дворе, которые она подобрала. Опечалился король, но не знал, что это злое дело совершила королева; он стал бояться, что у него похитят и дочку, и вот он решил взять её с собой. Но она боялась мачехи.

Подумала бедная девочка: “Мне оставаться тут недолго придётся, пойду я на поиски своих братьев”.

Вот наступила ночь, и выбежала она из замка и пошла прямо в чащу лесную. Пробродила она там целую ночь и целый день, пока наконец от усталости идти больше не могла.

¹ Ведунья — знахарка, колдунья.

И увидела она охотничий домик, вошла в него, видит — комната, а в ней шесть маленьких кроваток, но она ни в одну из них не решилась лечь, а забралась под одну из кроваток и легла прямо на жестком полу и решила там заночевать.

Вскоре и солнце зашло, и услышала она шум и увидела, что прилетели к окну шесть лебедей. Они уселись на окошко и стали дуть друг на друга, стали перья свои сдувать, и вот все перья с них послетели, и лебединое оперенье снялось с них, словно рубашка. Глянула на них девочка и узнала своих братьев, обрадовалась и вылезла из-под кровати. Братья, увидав свою сестрицу, не меньше её обрадовались, но радость их была недолгой.

— Здесь оставаться тебе нельзя, — сказали они ей, — это разбойничий притон. Если разбойники найдут тебя тут, они тебя убьют.

— А вы разве не сможете меня защитить? — спросила у них сестрица.

— Нет, — ответили они, — мы можем снимать своё лебединое оперенье только по вечерам на четверть часа, тогда мы становимся людьми, а затем снова обращаемся в лебедей.

Заплакала сестрица и говорит:

— А неужто нельзя вас расколдовать?

— Ах, нет, — ответили они, — выполнить это слишком трудно. Ты не должна будешь шесть лет ни говорить, ни смеяться и должна сшить нам за это время шесть рубашек из звездочвета¹. А если ты вымолвишь хоть одно слово, то вся твоя работа пропала.

Пока братья рассказывали ей об этом, прошло четверть часа, и они снова вылетели в окно лебедями.

Но девочка твёрдо решила освободить своих братьев, даже если бы это стоило ей жизни. Она покинула охотничий домик и ушла в самую чащу лесную, взобралась на дерево и провела там ночь. Наутро она спустилась с дерева, собрала звездочвет и принялась шить. Говорить ей было не с кем, а смеяться ей не было охоты. Она всё сидела да на свою работу глядела. Так прошло много времени, и случилось, что король той страны охотился в ту пору в лесу и его егеря подъехали к дереву, на котором сидела девочка. Они её окликнули:

¹ Звездочёт — это травянистое растение с цветами, похожими на звёзды.

– Кто ты такая?

Но она ничего не ответила.

– Спустись к нам вниз, – сказали они, – мы тебе ничего не сделаем.

Но она только головой покачала.

Когда они стали её допрашивать, она сбросила им вниз золотое ожерелье, думая, что они будут этим довольны. Но они продолжали задавать ей вопросы, тогда она сбросила им свой пояс; но когда и это не помогло, сбросила им свои подвязки, и так мало-помалу отдала им всё, что на ней было, и осталась в одной рубашке. Но егеря¹ и тогда от неё не отстали; они влезли на дерево, сняли её оттуда и привели к королю. Король спросил:

– Кто ты такая? Что ты там делаешь на дереве? – Но она ничего не ответила.

Стал он её спрашивать на всех языках, какие только были ему известны, но она оставалась немой как рыба. А была она красивая, и вот король сильно влюбился в неё. Он укутал её в свой плащ, и посадил впереди себя на коня, и привёз её в свой замок. И велел он одеть её в богатые платья, и она сияла своей красотой, словно ясный день; но невозможно было добиться от неё ни слова. Он сел у стола рядом с ней, и робость на её лице, и её скромность ему так понравились, что он сказал:

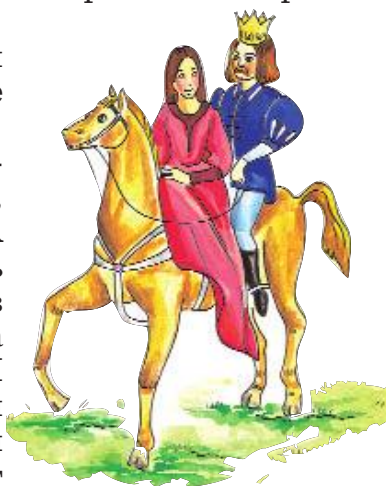
– Вот на ней хочу я жениться и ни на какой другой на свете. – И через несколько дней он с ней обвенчался.

Но была у короля злая мать – она была недовольна его женитьбой и стала о молодой королеве злословить.

– Кто знает, откуда взялась эта девка, – говорила она, – и слова вымолвить не может; она недостойна быть женой короля.

Спустя год, когда королева родила на свет первого ребёнка, старуха унесла его, а королеве во время сна вымазала рот кровью. Затем она пошла к королю и обвинила её в том, что она людоедка. Король верить этому не хотел и не позволил причинить королеве зло.

И вот сидела она всё время да шила рубашки и ни на что другое внимание не обращала.

¹ Ёгеръ — здесь: охотник-профессионал.

Когда она снова родила прекрасного мальчика, лживая свекровь опять совершила такой же обман, но король не хотел верить её злым речам. Он сказал:

– Она слишком скромна и добра, чтобы могла совершить подобное; если б не была она немая, то доказала бы свою невиновность.

Но когда старуха в третий раз похитила новорожденного младенца и обвинила королеву, которая не сказала ни слова в свою защиту, то королю оставалось только одно – отдать её на суд; и её присудили сжечь на костре.

Наступил день исполнения приговора, а был это как раз последний день из тех шести лет, в течение которых она не могла ни говорить, ни смеяться; так как хотела освободить своих милых братьев от злого заклятья.

Она уже сшила за это время шесть рубашек, только на последней рубашке не было левого рукава.

Когда повели её на костер, то взяла она с собой рубашки, и, когда взвели её уже на помост и вот-вот должны были развести огонь, она оглянулась и видит – летят к ней шесть лебедей. И поняла она, что близко её освобождение, и забилося у неё сердце от радости.

С шумом подлетели к ней лебеди и спустились так низко, что она могла кинуть им рубашки; и только те рубашки к ним прикоснулись, спало с них лебединое оперенье, и стояли перед ней её братья, живы, здоровы и по-прежнему прекрасны, – только у младшего не хватало левого рукава, и потому на

спине осталось у него лебединое крыло.

Стали они обнимать да целовать друг друга, и пришла королева к королю, и он был сильно удивлен; но вот заговорила она и сказала:

– Мой возлюбленный супруг, отныне я могу говорить и открою тебе, что я ни в чём не повинна и ложно

обвинена. И она рассказала ему про обман старухи-свекрови, которая забрала и спрятала её троих детей. И принесли их в замок, к великой радости короля, а злую свекровь в наказание сожгли на костре, и остался от неё один лишь пепел.

А король и королева вместе с шестью своими братьями жили мирно и счастливо долгие-долгие годы.

Вопросы и задания

- 1. Прочитайте сказку и составьте план сказки.*
- 2. Найдите отрывки, в которых принцесса отправилась на поиски братьев так, чтобы был понятен маршрут. Составьте маршрут принцессы.*
- 3. Придумайте свой способ расколдовать принцев. Дайте характеристику принцессе.*
- 4. Попросите бабушек или родителей рассказать о народных обрядах. Найдите в них практическую пользу. Поделитесь собранной информацией с одноклассниками.*

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературные роды и жанры

Вы уже знаете, что литература есть отражение жизни. Определим, как показана жизнь, окружающий человека мир и сам человек в этих произведениях. Во-первых, в них рассказывается о событиях из жизни героя. Во-вторых, в них есть повествователь, конкретное лицо или сказитель, от чьего имени и ведётся рассказ. В-третьих, автор-повествователь говорит не о своём внутреннем мире, не о своих чувствах, а о внешнем по отношению к нему мире. Все события рисуются как уже произошедшие. Такой способ изображения жизни называется эпосом.

Эпос – это род литературы, основанный на воспроизведении внешнего по отношению к писателю мира.

Жанр – это вид литературного произведения, относящийся к одному из родов.

Эпическими жанрами являются сказка, басня, былина, рассказ, повесть, роман...

Вы прочитали много стихотворных произведений, некоторые из них знаете наизусть. О чём они? О душевном состоянии автора или лирического героя, о чувствах, которые у него вызывает природа и которые он испытывает к другим людям. Это произведения, в которых воссоздаётся внутренний мир героя, его мысли и чувства, переживания. Такой способ отражения жизни называется **лирикой**. Слово **лирика** образовалось от греч. *lyra* – это музыкальный инструмент, под который исполнялись песни.

Лирическое произведение передаёт чувства и переживания человека.

Лирическими жанрами являются ода, элегия, послание...

Конечно же, вы бывали в театре. В основе спектаклей лежит произведение, специально предназначенное для сцены. В таком произведении почти нет авторской речи, оно состоит из **диалогов** и **монологов**. А события, даже если они происходили много веков назад, разворачиваются перед читателем или зрителем, как настоящие.

Такой род литературы называется **драматическим**.

Жанрами драматического рода являются комедия, трагедия, драма.

Литературный герой

Литературный герой – это герой любого литературного или фольклорного произведения. Дашдемир, Иван-царевич, Елена Прекрасная – это литературные герои.

Любое произведение описывает какие-то события, повествует о людях, их поступках и чувствах, рассказывает об истории народа, рисует картины природы...

Тема и идея

То, о чём написано произведение – это **тема произведения**.

Все явления, события, которые изображает автор, – это тема произведения.

С **темой** произведения тесно связана **идея** произведения. Для нас важно не только то, о чём повествуется в произведении, но и как автор сам относится к изображаемому, какие мысли хочет вызвать у читателя.

Идея – это основная мысль произведения, это то, что своим произведением хотел сказать автор.

ВЕЛИКИЕ СКАЗОЧНИКИ

Литературная сказка

Литература выросла из фольклора и тесно связана с ним, но имеет только ей присущие черты.

Различие между фольклором и литературой можно найти, если сравнить народную и литературную сказки.

Трудно поверить, но в литературе сказка как жанр появилась очень поздно. В фольклоре же сказка была одним из наиболее популярных жанров.

Изучив народную сказку, вы теперь легко назовёте её отличительные черты, например: анонимность (автором сказки является народ, а не отдельный человек), вымысел, элементы сказок и их виды. Кроме того, вы узнали, что все сказки носят дидактический (назидательный) или воспитательный характер. Все сказки учат трудолюбию, дружбе, храбрости, верности, честности.

В каждой сказке можно найти общечеловеческие ценности, глубокий и вечный смысл, любовь к человеку. Общечеловеческие принципы, вечные и межнациональные вопросы обычно называются философскими, а любовь к человеку – гуманизмом.

Литературная сказка – это эпический жанр в прозе или стихах, опирающийся на традиции народной сказки. Фольклорные сказочные повествования часто являются источниками авторских.

Народная сказка входит в литературную повесть Древней Руси, а в Европе оживает в жанре средневекового рыцарского романа. XVIII век знакомит читателя с авторскими пересказами и обработками фольклорных сказок. Собственно литературная сказка зарождается, а затем достигает зрелости как жанр в XIX веке; в Европе – в творчестве Ш.Перро, Г.Х.Андерсена, братьев Гримм, Э.Т.А.Гофмана, В.Гауфа, в России – в творчестве В.А.Жуковского, Н.С.Лескова, П.П.Ершова, А.С.Пушкина, А.Погорельского, М.Е.Салтыкова-Щедрина, Л.Н.Толстого. Литературная сказка становится излюбленным жанром писателей Серебряного века. Все они великие, известные всему миру сказочники.

Среди авторов литературной сказки А.Н.Толстой, П.П.Бажов, А.П.Платонов, К.Г.Паустовский, Е.Л.Шварц, С.В.Михалков, В.В.Бианки, Н.Н.Носов, К.Булычев, Э.Н.Успенский. Из зарубежных писателей наиболее известны сказки О.Уайлда, Дж.Родари, А.Линдгрен и др.

В азербайджанской литературе тоже есть свои сказочники: Низами Гянджеви, Абдулла Шаиг, Захид Халил и др.

Чудесное в литературной сказке, как и в народной, не самоцель, не способ удивить читателя, а средство для создания идеального сказочного мира, где побеждают благородство, доброта, бескорыстие.

По аналогии с народными сказками среди литературных сказок выделяют сказки о животных, волшебные, бытовые, авантурные сказки, по пафосу – героические, лирические, юмористические, сатирические, философские, психологические; по близости к другим литературным жанрам – сказки-новеллы, сказки-повести, сказки-притчи, сказки-пьесы, сказки-пародии, научно-фантастические сказки.

Литературная сказка всегда принадлежит перу одного автора.

Когда вы станете читать литературные сказки, обратите внимание, как интересно возникает в них конфликт, то есть основное противоречие, столкновение. Сказочный конфликт всегда связан с фантастикой. Перед героем возникает препятствие, которое он преодолевает или с помощью волшебных предметов, или благодаря своей сверхъестественной силе.

Изображаемый мир в сказках обычно фантастичен. Такой приём позволяет в конкретных персонажах воплотить отвлечённые философские понятия: добро, зло, честность, мужество, жадность и тому подобное.

К жанру сказки писатель обращается тогда, когда на простых, доступных примерах ему нужно объяснить сложные понятия, или для того, чтобы с помощью фантастики создать необычную ситуацию, в которой проявляются истинные возможности человека.

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

(1141 – 1209)

ХЕИР и ШЕР (Добро и Зло)

В стародавние времена жили на земле двое юношей. Одного из них звали Хеир (Добро), а другого Шер (Зло). И помыслы, и поступки Хеира соответствовали его имени, которое означало добро. А Шер, наоборот, происками и кознями своими заслужил всеобщее презрение, даже имя его значило зло.

Однажды понадобилось братьям отправиться из своего родного края в далёкую страну. Взяли они съестные припасы и пустились в путь-дорогу. Время от времени делали привалы возле чистых, прохладных источников, и оба утоляли голод пищей, что взял с собой Хеир. А сума Шера оставалась нетронутой. Кроме того, Шер, зная, что дорога предстоит дальняя и пролегает она через безводную пустыню, запасся и водой, налив её в небольшой кожаной мешок.

Семь дней, семь ночей, сгорая от жары, продвигались они по голой пустыне, раскалённой, как печь. В пустыне этой, где железо размягчилось, как воск, у Хеира вода кончилась. А Шер тайком попивал из своего кожаного мешка.

Губы и язык Хеира стали шершавыми. В горле у него пересохло, и не мог он проглотить даже собственной слюны.

В полдень, когда зной совсем рассвирепел, Хеир, изнурённый жаждой, показал Шеру два алмаза, что были прозрачны и переливчаты как две капли воды, и прохрипел:

– Умираю, брат, пить хочу. Вот всё, что у меня есть. Возьми себе эти два драгоценных камня, а взамен дай мне один глоток воды. Умоляю, спаси меня!

Да откуда было взяться совести у зловердного Шера! Он и внимания не обратил ни на просьбы Хеира, ни на его сверкающие камни и ответил с холодным спокойствием:

– Тебе не обмануть меня. Я сам перехитрю даже дракона. Ты задумал тут соблазнить меня двумя алмазами, а по возвращении в наш город отнять их у меня. Не видать тебе воды! Не даром меня Шером называют. Ты мне дай не эти алмазы, а такие драгоценности, которых не сможешь заполучить обратно.

Хеир, еле шевеля потрескавшимися губами, спросил:

– Какие такие драгоценности?

– Твои глаза, – ответил Шер.

Поразился Хеир наглости и жестокости брата и скрепя сердце произнёс:

– Неужели у тебя нет ни жалости, ни совести? Ты же не разбогатеешь, если за один глоток воды возьмёшь два моих глаза! Разве может брат быть таким беспощадным со своим братом? Умоляю тебя, пожелай чего-либо другого, только не глаз моих.

Но, сколько ни упрашивал Хеир брата, тот оставался непреклонным. Обессиленный Хеир сгорал от жажды. Не оставалось ему ничего иного, как согласиться на условие Шера.

– Доставай, что там есть у тебя, нож ли, кинжал, и выкалывай мне глаза, только поскорее, – сказал он брату.

Тут бессердечный Шер выхватил кинжал и коршуном кинулся на Хеира. Кровью обагрил его глаза, подобные нарциссам. Словно бы самые дорогие камни из золотой короны вырвал. И не дал поги-

бающему страдальцу ни капельки воды.

Остался Хеир в пустыне один-одинёшенек, упал наземь, стал барахтаться в песке, истекая кровью, брызжущей из его глазниц.

Между тем, неподалеку богатый кочевник-курд вывел стада овец на пастбище, и они привольно растекались по всей округе. Была у того курда единственная дочь с чёрными родинками на лице, со щеками, подобными горным макам, с длинными косами, что, как змеи, обвивали ей щиколотки. Эта девушка,

выйдя с кувшином к придорожному роднику, услышала ужасные стоны и обомлела. Путливо оглядевшись, она увидела, что кто-то ворочается на земле, обливаясь кровью, подобно дичи, внезапно подстреленной охотником. Из чувства сострадания она приблизилась к беспомощному незнакомцу. При виде мучений Хеира юная курдиянка содрогнулась.

– Ой, несчастный! – участливо воскликнула она. – Почему ты в крови? Какой подлый мучитель сотворил такое с тобой и скрылся?

Охваченный болью, Хеир протянул дрожащие руки к юной курдиянке и с трудом ответил:

– О, добрая фея! О моей беде долго рассказывать, а у меня грудь спеклась от жажды. Ради бога, если есть у тебя вода, избавь меня от гибели. Если же нет, удались, дай мне спокойно умереть.

Девушка тотчас подала Хеиру свой кувшин. От животворной воды, что смочила ему губы, унялись и раны его. Добрая девушка подняла пламенеющие, как рубины, окровавленные глаза Хеира, омыла их водой и вложила в глазницы юноши, наложила повязку.

К счастью, зрачки не были повреждены. Мужественная курдиянка помогла Хеиру встать и, поддерживая его, привела в своё становье. Поручила служанкам позаботиться о нём, а сама стремглав бросилась к матери, чтобы известить её о случившемся. Сердобольная женщина запричитала:

– Ах, доченька, ах, детка, ты бы привела того несчастного прямо к нам в дом! У нас ему было бы лучше...

Под вечер возвратился с пастбища отец девушки. Видит: в доме у него незнакомый человек с повязкой на глазах. Удивился. Дочь рассказала ему всё, как было. Пожилой курд велел дочери принести листьев сандалового дерева, истолочь их, и бальзамом, изготовленным из их сока, промыть глаза страдальца. Дочь сделала все, как велел ей отец.

Глазам Хеира возвратилось зрение.

Каждое утро Хеир отправлялся с отцом девушки на пастбище, стерёг верблюдов. Так проходил день за днём.

Любовь к юной курдиянке тревожила Хеира. “Я бедняк из бедняков, а она дочь богача, – размышлял Хеир. – На согласие её отца вряд ли можно рассчитывать. Лучше мне распрощаться с этой семьей и уйти к себе на родину”.

Однажды вечером Хеир пришёл с поля в дом и почтительно обратился к хозяину-курду:

– Вы спасли меня, чужого для вас человека, и обращались со мной, как с родным. Жизнью своею обязан я вашей семье. Если даже пожертвую собой ради вас, всё равно не выплачу своего долга. Благословите хлеб, что дали мне, и позвольте отправиться в родные края.

Хозяин-курд чувствовал, что его единственная дочь любит Хеира, а Хеир любит её. Не мог он разбить любящие сердца. В долгое-предолгое раздумье погрузился он. Сто раз отмерил, один раз отрезал. И по-отцовски ласково сказал Хеиру:

– Сынок, положим, ты собрался и ушёл на родину. Там всякий на свой лад станет осуждать тебя. Каждое обидное слово, как ядовитая колючка, будет вонзаться в твоё сердце. А на кого останется моё хозяйство, моё богатство? У меня одна единственная дочь, зеница¹ ока моего. Ты сам знаешь, моя дочь ясней луны, прозрачней воды. И мы будем тебя беречь, уважать. Становись мне зятем. Пусть мои кони, мои бараны и верблюды мои принадлежат отныне тебе. И пусть дочь моя станет твоей женой. А мы со старухой доживём свой век под вашим приглядом.

Стали готовиться к свадьбе, затеяли её по народному обычаю на сорок дней, сорок ночей. На славу зажили Хеир и дочь курда.

Хеир унаследовал бесчисленные богатства своего тестя². Когда стало не хватать воды и корма для скота, решил Хеир с женой откочевать дальше в степь. И пришёл Хеир к чудесному живому дереву, листья которого помогли ему вернуть зрение. С двух его стволов набрал Хеир два хурджуна³ самых свежих листьев. В один хурджун положил листья от слепоты, а в другой – от чёрной немочи⁴.

Пришли Хеир с женой в столицу. У падишаха была дочь, которая болела страшной болезнью. Падишах пообещал выдать свою дочь за того, кто её вылечит, и отрубить голову тому, кто его обманет. Уже отрубили головы многим, кто пытался, но не вылечил дочь падишаха. Хеир решил спасти дочь падишаха, но отказался от любой награды. Хеир напоил девушку отваром волшебных листьев, и она заснула. Проспав три дня, дочь падишаха полностью излечилась. Она попросила отца выполнить своё обещание и выдать её замуж за Хеира. Падишах думал так же, как и его дочь. Стали искать Хеира, нашли его далеко от столицы и привели во дворец. Хеир был богато одарён падишахом и женился на царевне.

¹ Зеница — зрачок (фразеологизм - беречь, как зеницу ока).

² Тесть — отец жены .

³ Хурджу́н — сумка из ковра, используется у восточных народов.

⁴ Нёмочь — болезнь.

У падишаха был очень умный визирь. Красоту его дочери изуродовала оспа и ослепила её. По просьбе визиря Хеир излечил и его дочь, вернув ей зрение. Она стала третьей женой Хеира.

После смерти падишаха Хеир унаследовал его трон.

Однажды у сада Хеир увидел беседующего с городским торговцем Шера. Хеир приказал привести врага к себе. Хеира Шер не узнал, и не назвал своего прежнего имени ему, падишаху. Хеир напомнил Шеру свою историю, назвав его гнуснейшим злодеем.

Когда Шер узнал Хеира, стал просить его о милости. Хеир, вспомнив, что его имя “Добро” отпустил его с миром.

Но один из курдов, стражников Хеира, помчался за Шером и отрубил ему голову.

Он забрал два драгоценных камня, которые Шер украл у Хеира. Хеир поблагодарил друга и подарил ему эти камни.

С тех пор жил Хеир счастливо в своём дворце.

Вопросы и задания

1. Прочитав сказку, докажите, что Хеир – положительный герой.

3. Составьте план-вопросник по сказке. Покажите план учителю, выслушайте его замечания.

3. Расскажите, что можно узнать о Низами Гянджеви в процессе обсуждения сказки.

4. Найдите в Интернете материал о городе, где родился великий Низами. Подготовьте презентацию.

*** Разгадав ребус вы прочтёте имя великого азербайджанского поэта.**

1. Жанр фольклора.

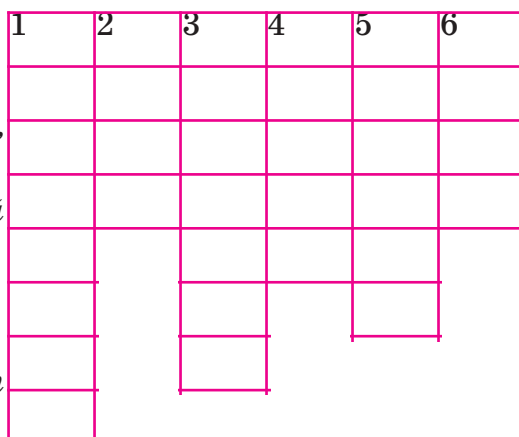
2. Имя сына царя Берендея.

3. Древний жанр фольклора, требующий размышления.

4. Царь, у которого волк герой получил Жар-птицу.

5. Как звали учителя Даш демира?

6. Что Дашдемир сравнивает со стрелами?

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

(1799 – 1837)

СКАЗКА О МЁРТВОЙ ЦАРЕВНЕ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХ

Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Села ждать его одна.
Ждёт-пождёт с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда¹ очи
Разболелись глядячи
С белой зори до ночи;
Не видать милого друга!

Только видит: вьётся вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белёшенька земля.
Девять месяцев проходит,
С поля глаз она не сводит.
Вот в сочельник² в самый, в ночь
Бог даёт царице дочь.
Рано утром гость желанный,
День и ночь так долго жданный,
Издальца наконец
Воротился царь-отец.
На него она взглянула,
Тяжелёшенько вздохнула,
Восхищенья не снесла
И к обедне умерла.

Долго царь был неутешен,
Но как быть? и он был грешен;
Год прошёл, как сон пустой,
Царь женился на другой.

¹ Инда – даже.

² Сочельник – канун православных праздников Рождества и Крещения.

Правду молвить, молодица¹
 Уж и впрямь была царица:
 Высока, стройна, бела,
 И умом и всем взяла;
 Но зато горда, ломлива,
 Своенравна и ревнива.
 Ей в приданое дано
 Было зеркальце одно;
 Свойство зеркальце имело:
 Говорить оно умело.
 С ним одним она была
 Добродушна, весела,
 С ним приветливо шутила
 И, красуясь, говорила:
 “Свет мой, зеркальце! скажи
 Да всю правду доложи:
 Я ль на свете всех милее,
 Всех румяней и белее?”
 И ей зеркальце в ответ:
 “Ты, конечно, спору нет;
 Ты, царица, всех милее,
 Всех румяней и белее”.
 И царица хохотать,
 И плечами пожимать,
 И подмигивать глазами,
 И прищёлкивать перстами,
 И вертеться подбочась,
 Гордо в зеркальце глядясь.

Но царевна молодая,
 Тихомолком расцветая,
 Между тем росла, росла,
 Поднялась – и расцвела,
 Белолица, черноброва,
 Нраву кроткого такого.
 И жених сыскался ей,
 Королевич Елисей.
 Сват приехал, царь дал слово,
 А приданое готово:
 Семь торговых городов
 Да сто сорок теремов.

¹ Молоди́ца – молодая женщина.

На девичник¹ собираясь,
 Вот царица, наряжаясь
 Перед зеркальцем своим,
 Перемолвилась с ним:
 “Я ль, скажи мне, всех милее,
 Всех румяней и белее?”
 Что же зеркальце в ответ?
 “Ты прекрасна, спору нет:
 Но царевна всех милее,
 Всех румяней и белее”.
 Как царица отпрыгнёт,
 Да как ручку замахнёт,
 Да по зеркальцу как хлопнет,
 Каблучком-то как притопнет!..
 “Ах ты, мерзкое стекло!
 Это врёшь ты мне назло.
 Как тягаться ей со мною?
 Я в ней дурь-то успокою.
 Вишь какая подросла!
 И не диво, что бела:
 Мать брюхатая сидела
 Да на снег лишь и глядела!
 Но скажи: как можно ей

Быть во всём меня милей?
 Признавайся: всех я краше.
 Обойди всё царство наше,
 Хоть весь мир; мне ровной нет.
 Так ли?” Зеркальце в ответ:
 “А царевна всё ж милее,
 Всё ж румяней и белее”.
 Делать нечего. Она,
 Чёрной зависти полна,
 Бросив зеркальце под лавку,
 Позвала к себе Чернавку
 И наказывает ей
 Сенной девушке² своей,
 Весть царевну в глушь лесную
 И, связав её, живую
 Под сосной оставить там
 На съедение волкам.
 Чёрт ли сладит с бабой гневной?

¹Девичник — вечеринка невесты с подругами накануне венчания.

²Сенная девушка — служанка для чёрной работы (отсюда чернавка).

Спорить нечего. С царевной
Вот Чернавка в лес пошла
И в такую даль свела,
Что царевна догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась: “Жизнь моя!
В чём, скажи, виновна я?
Не губи меня, девица!
А как буду я царица,
Я пожалую тебя”.
Та, в душе её любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
“Не кручинься¹, бог с тобой”.
А сама пришла домой.
”Что? – сказала ей царица, –
Где красавица-девица?”
– “Там, в лесу, стоит одна, –
Отвечает ей она, –
Крепко связаны ей локти;
Попадётся зверю в когти,
Меньше будет ей терпеть,
Легче будет умереть”.

И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужит бедный царь по ней.
Королевич Елисей,
Помолясь усердно богу,
Отправляется в дорогу
За красавицей-душой,
За невестой молодой.
Но невеста молодая,
До зари в лесу блуждая,
Между тем всё шла да шла
И на терем набрела.
Ей навстречу пёс, залая,
Прибежал и смолк, играя;
В ворота вошла она,
На подворье² тишина.
Пёс бежит за ней, ласкаясь,

¹ Не кручинься — не печалься, то же, что и тужить.

² Поддворье — дом, огород и хозяйственные постройки при сельском доме.

А царевна, подбираясь,
 Поднялася на крыльцо
 И взялася за кольцо;
 Дверь тихонько отворилась
 И царевна очутилась
 В светлой горнице; кругом
 Лавки, крытые ковром,
 Под святыми стол дубовый,
 Печь с лежанкой¹ изразцовой².
 Видит девица, что тут
 Люди добрые живут;
 Знать, не будет ей обидно.
 Никого меж тем не видно.
 Дом царевна обошла,
 Всё порядком убрала,
 Засветила богу свечку,
 Затопила жарко печку,
 На полати взобралась
 И тихонько улеглась.

Час обеда приближался,
 Топот по двору раздался:
 Входят семь богатырей,
 Семь румяных усачей.
 Старший молвил: “Что за диво!
 Всё так чисто и красиво.
 Кто-то терем прибирал
 Да хозяев поджидал.
 Кто же? Выдь и покажися,
 С нами честно подружися.
 Коль ты старый человек,
 Дядей будешь нам навек.
 Коли парень ты румяный,
 Братец будешь нам названный.
 Коль старушка, будь нам мать,
 Так и станем величать.
 Коли красная девица,
 Будь нам милая сестрица”.

И царевна к ним сошла,
 Честь хозяям отдала,
 В пояс низко поклонилась;

¹ Лежанка — длинный выступ у печки для лежания.

² Изразцовый — сделанный из покрытого глазурью кирпича.

Закрасневшись, извинилась,
Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была.
Вмиг по речи те спознали,
Что царевну принимали;
Усадили в уголок,
Подносили пирожок,
Рюмку полную наливали,
На подносе подавали.
От зелёного вина
Отрекалася она;
Пирожок лишь разломила,
Да кусочек прикусила,
И с дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они девицу
Вверх во светлую светлицу
И оставили одну,
Отходящую ко сну.

День за днём идёт, мелькая,
А царевна молодая
Всё в лесу, не скучно ей
У семи богатырей.
Перед утренней зарёю
Братья дружною толпою
Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сорочина в поле спешить¹,
Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса.
А хозяйюшкой она
В терему меж тем одна
Приберёт и приготовит,
Им она не прекословит,
Не перечат ей они.
Так идут за днями дни.

¹ Сорочина в поле спешить — сбросить с коня сорочина (сарацина) — так на Руси называли мусульман-кочевников.

Братья милую девицу
Полюбили. К ней в светлицу
Раз, лишь только рассвело,
Всех их семеро вошло.
Старший молвил ей: “Девица,
Знаешь: всем ты нам сестрица,
Всех нас семеро, тебя
Все мы любим, за себя
Взять тебя мы все бы рады,
Да нельзя, так бога ради
Помири нас как-нибудь:
Одному женою будь,
Прочим ласковой сестрою.
Что ж качаешь головою?
Аль отказываешь нам?
Аль товар не по купцам?¹”

“Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные, —
Им царевна говорит, —
Коли лгу, пусть бог велит
Не сойти живой мне с места.
Как мне быть? Ведь я невеста.
Для меня вы все равны,
Все удалы, все умны,
Всех я вас люблю сердечно;
Но другому я навечно
Отдана. Мне всех милей
Королевич Елисей”.

Братья молча постояли
Да в затылке почесали.
“Спрос не грех. Прости ты нас, —
Старший молвил поклонясь, —
Коли так, не заикнуса
Уж о том”. — “Я не сержуся, —
Тихо молвила она. —
И отказ мой не вина”.
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно все опять
Стали жить да поживать.

¹ Аль товар не по купцам? — народное присловье, имеющее значение: “Или мы тебя недостойны?”

Между тем царица злая,
 Про царевну вспоминая,
 Не могла простить её,
 А на зеркальце своё
 Долго дулась и сердилась;
 Наконец об нём хватилась
 И пошла за ним, и, сев
 Перед ним, забыла гнев,
 Красоваться снова стала
 И с улыбкою сказала:
 “Здравствуй, зеркальце! скажи,
 Да всю правду доложи:
 Я ль на свете всех милее,
 Всех румяней и белее?”
 И ей зеркальце в ответ:
 “Ты прекрасна, спору нет;
 Но живёт без всякой славы,
 Средь зелёных дубравы,
 У семи богатырей
 Та, что всё ж тебя милей”.
 И царица налетела
 На Чернавку: “Как ты смела
 Обмануть меня? и в чём!..”
 Та призналась во всём:

Так и так. Царица злая,
 Ей рогаткой угрожая¹,
 Положила иль не жить,
 Иль царевну погубить.

Раз царевна молодая,
 Милых братьев поджидая,
 Пряла, сидя под окном.
 Вдруг сердито под крыльцом
 Пёс залаял, и девица
 Видит: нищая черница²
 Ходит по двору, клюкой
 Отгоняя пса. “Постой,
 Бабушка, постой немножко, —
 Ей кричит она в окошко, —
 Пригрожу сама я псу
 И кой-что тебе снесу”.
 Отвечает ей черница:

¹ Рогаткой угрожая — угрожая наказанием; рогатка — вид деревянного ошейника для провинившихся слуг.

² Черница — монахиня.

“Ох ты, дитятко девица!
 Пёс проклятый одолел,
 Чуть до смерти не заел.
 Посмотри, как он хлопочет!
 Выдь ко мне”. — Царевна хочет
 Выйти к ней и хлеб взяла,
 Но с крылечка лишь сошла,
 Пёс ей под ноги — и лает,
 И к старухе не пускает;
 Лишь пойдёт старуха к ней,
 Он, лесного зверя злей,
 На старуху. “Что за чудо?
 Видно, выпался он худо, —
 Ей царевна говорит: —
 На ж, лови!” — и хлеб летит.
 Старушонка хлеб поймала:
 “Благодарствую, — сказала. —
 Бог тебя благослови;
 Вот за то тебе, лови!”
 И к царевне наливное,
 Молодое, золотое,
 Прямо яблочко летит...
 Пёс как прыгнет, завизжит...

Но царевна в обе руки
 Хватъ — поймала. “Ради скуки
 Кушай яблочко, мой свет.
 Благодарствуй за обед”, —
 Старушоночка сказала,
 Поклонилась и пропала...
 И с царевной на крыльцо
 Пёс бежит и ей в лицо
 Жалко смотрит, грозно воет,
 Словно сердце пёсье ноет,
 Словно хочет ей сказать:
 Брось! — она его ласкать,
 Треплет нежною рукою;
 “Что, Соколко, что с тобою?
 Ляг!” — и в комнату вошла,
 Дверь тихонько заперла,
 Под окно за пряжу села
 Ждать хозяев, а глядела
 Всё на яблоко. Оно
 Соку спелого полно,
 Так свежо и так душисто,

Так румяно-золотисто,
Будто мёдом налилось!
Видны семечки насквозь...
Подождать она хотела
До обеда, не стерпела,
В руки яблочко взяла,
К алым губкам поднесла,
Потихоньку прокусила
И кусочек проглотила...
Вдруг она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Белы руки опустила,
Плод румяный уронила,
Закатались глаза.
И она под образа
Головой на лавку пала
И тиха, недвижна стала...

Братья в ту пору домой
Возвращались толпой
С молодецкого разбоя.

Им навстречу, грозно воя,
Пёс бежит и ко двору
Путь им кажется. "Не к добру! —
Братья молвили, — печали
Не минуем". Прискакали,
Входят, ахнули. Вбежав,
Пёс на яблочко стремглав
С лаем кинулся, озлился,
Проглотил его, свалился
И издох. Напоено
Было ядом, знать, оно.
Перед мёртвою царевной
Братья в горести душевной
Все поникли головой,
И с молитвою святой
С лавки подняли, одели,
Хоронить её хотели
И раздумали. Она,
Как под крылышком у сна,
Так тиха, свежа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не восстала ото сна.

Сотворив обряд печальный,
Вот они во гроб хрустальный
Труп царевны молодой
Положили – и толпой
Понесли в пустую гору,
И в полуночную пору
Гроб её к шести столбам
На цепях чугунных там
Осторожно привинтили
И решёткой оградили;
И, пред мёртвою сестрой
Сотворив поклон земной,
Старший молвил: “Спи во гробе;
Вдруг погасла, жертвой злобе,
На земле твоя краса;
Дух твой примут небеса.
Нами ты была любима
И для милого хранима –
Не досталась никому,
Только гробу одному”.

В тот же день царица злая,
Доброй вести ожидая,
Втайне зеркальце взяла
И вопрос свой задала:
“Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?”
И услышала в ответ:
“Ты, царица, спору нет,
Ты на свете всех милее,
Всех румяней и белее”.
За невестою своей
Королевич Елисей
Между тем по свету скачет.
Нет как нет! Он горько плачет,
И кого ни спросит он,
Всем вопрос его мудрён;
Кто в глаза ему смеётся,
Кто скорее отвернётся;
К красну солнцу наконец
Обратился молодец.
“Свет наш солнышко! ты ходишь
Круглый год по небу, сводишь
Зиму с тёплой весной,
Всех нас видишь под собой.

Аль откажешь мне в ответе?
Не видало ль где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей”. — “Свет ты мой, —
Красно солнце отвечало, —
Я царевны не видало.
Знать, её в живых уж нет.
Разве месяц, мой сосед,
Где-нибудь её да встретил
Или след её заметил”.
Тёмной ночи Елисей
Дождался в тоске своей.
Только месяц показался,
Он за ним с мольбой погнался.
“Месяц, месяц, мой дружок,
Позолоченный рожок!
Ты встаёшь во тьме глубокой,
Круглолицый, светлоокий,
И, обычай твой любя,
Звёзды смотрят на тебя.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете

Ты царевны молодой?
Я жених ей”. — “Братец мой, —
Отвечает месяц ясный, —
Не видал я девы красной.
На стороже я стою
Только в очередь мою.
Без меня царевна видно
Пробежала.” — “Как обидно!” —
Королевич отвечал.
Ясный месяц продолжал:
“Погоди; об ней, быть может,
Ветер знает. Он поможет.
Ты к нему теперь ступай,
Не печалься же, прощай”.
Елисей, не унывая,
К ветру кинулся, взывая:
“Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе.
Не боишься никого,
Кроме Бога одного.

Аль откажешь мне в ответе?
 Не видал ли где на свете
 Ты царевны молодой?
 Я жених её". — "Постой, —
 Отвечает ветер буйный, —
 Там за речкой тихоструйной
 Есть высокая гора,
 В ней глубокая нора;
 В той норе, во тьме печальной,
 Гроб качается хрустальный
 На цепях между столбов.
 Не видать ничьих следов
 Вкруг того пустого места:
 В том гробу твоя невеста".
 Ветер дале побежал.
 Королевич зарыдал
 И пошёл к пустому месту
 На прекрасную невесту
 Посмотреть ещё хоть раз.
 Вот идёт; и поднялась
 Перед ним гора крутая;

Вкруг неё страна пустая;
 Под горою тёмный вход.
 Он туда скорей идёт.
 Перед ним, во мгле печальной,
 Гроб качается хрустальный,
 И в хрустальном гробе том
 Спит царевна вечным сном.
 И о гроб невесты милой
 Он ударился всей силой.
 Гроб разбился. Дева вдруг
 Ожила. Глядит вокруг
 Изумлёнными глазами,
 И, качаясь над цепями,
 Привздохнув, произнесла:
 "Как же долго я спала!"
 И встаёт она из гроба...
 Ах!.. и зарыдали оба.
 В руки он её берёт
 И на свет из тьмы несёт,
 И, беседуя приятно,
 В путь пускаются обратно,
 И трубят уже молва:
 Дочка царская жива!

Дома в ту пору без дела
Злая мачеха сидела
Перед зеркальцем своим
И беседовала с ним,
Говоря: “Я ль всех милее,
Всех румяней и белее?”
И услышала в ответ:
“Ты прекрасна, слова нет,
Но царевна всё ж милее,
Всё румяней и белее”.
Злая мачеха, вскочив,
Об пол зеркальце разбив,
В двери прямо побежала
И царевну повстречала.
Тут её тоска взяла,
И царица умерла.
Лишь её похоронили,
Свадьбу тотчас учинили,
И с невестою своей
Обвенчался Елисей;
И никто с начала мира
Не видал такого пира;
Я там был, мёд, пиво пил,
Да усы лишь обмочил.

Вопросы и задания

1. Прочитайте начало и финал сказок “Иван-царевич и Серый волк” и “Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях”. Сравните их.

2. Выучите понравившийся отрывок и используйте его при пересказе текста.

3. Проследите за действиями Елисея. Напишите о них в рабочих листах.

4. Найдите в Интернете материал о ветрах. Чем они интересны?

5. Составьте ребус, где заглавным словом будет **ПУШКИН**, используя сюжеты пройденных произведений.

БРАТЬЯ ГРИММ

ХРАБРЫЙ ПОРТНЯЖКА

Жил да был один портной. Работал он однажды в своей мастерской у стола и вдруг услышал во дворе женский голос.

– Варенье, продаю варенье!

Портной выглянул из окна и крикнул:

– Подойдите сюда, милая женщина. Я куплю ваше варенье.

Торговка подхватила тяжёлую корзину, поднялась по крутым ступенькам в мастерскую портного и разложила перед ним свои варенья и мармелад.

Портной по очереди открыл все баночки и понюхал их содержимое. Наконец он сказал:

– Вот этого возьму три ложки.

Торговка была разочарована, что взял он так мало, но всё-таки отмерила мерку и отправилась восвояси.

Портной намазал вареньем кусок хлеба и положил на стол.

– Вот закончу эту рубашку и тогда съем, – сказал он себе.

На запах варенья вскоре слетелись мухи.

– Пошли прочь! – закричал портняжка. Но мухи не понимали его слов и продолжали кружить над вареньем.

Разгневанный портняжка замахнулся на них тряпкой и семь дохлых мух упало на пол.

– Сразу семь. Небывалое дело!
– воскликнул портняжка. – Все на свете должны узнать об этом.

Смастерил он себе кожаный ремень с надписью: “ОДНИМ МАХОМ СЕМЕРЫХ ПОБИВАХОМ”. Надел портняжка свой новый ремень и отправился по свету. А чтобы не проголодаться, положил в карман кусок сыра.

Нашёл на дворе птичку и тоже сунул её в карман. На окраине города портняжка встретил страшного великана.

— Здравствуйте, — сказал портной. — Я отправляюсь по свету в поисках богатства. Не пожелаете ли составить мне компанию?

Великан только расхохотался:

— Должно быть ты, несчастная кроха, совсем рехнулся.

До живого задело это протняжку:

— Посмотрите-ка на мой ремень, тогда узнаете, кто я такой.

Великан прочёл надпись и подумал, что портной убил семерых человек. Однако никак не мог поверить, что такой хилый с виду человечек мог быть таким силачом. Решил великан испытать протняжку. Схватил он камень и так сжал, что из камня потекла вода.

— Тебе это будет не под силу, — сказал он портному.

Протняжка вынул из кармана кусок сыра и сжал его так, что из сыра потекла сыворотка.

Однако не переубедило это великана. Он схватил камень и забросил его далеко-далеко.

— Попробуй-ка, — сказал великан.

— Неплохо, — согласился портной. — Но заметьте, камень всё же упал на землю.

С этими словами вытащил он из кармана птицу и метнул её в небо. Птица обрадовалась свободе и скрылась в небе.

— Но уж если ты такой силач, помоги мне поднять это дерево, — сказал великан, показав на огромный дуб.

— С удовольствием, — ответил портняжка. — Вы беритесь за ствол, а я понесу ветви, ведь их куда больше и они тяжелее.

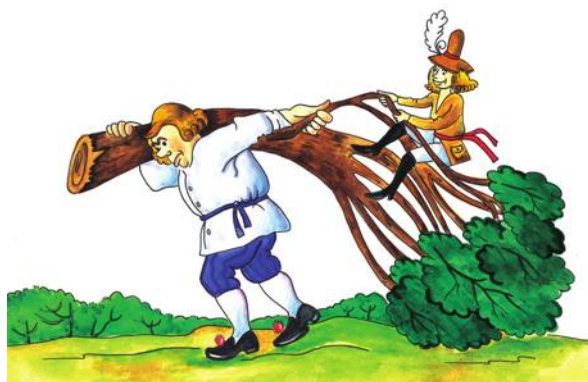
Великан шёл впереди и не заметил, что портной уселся среди ветвей.

Вскоре великан сказал:

— Я устал и должен передохнуть минутку.

Портняжка быстро соскочил с дерева, схватился за ветки и притворился будто он нёс дерево вместе с великаном.

— Видно, вы не так уж сильны, как думаете, — заметил портняжка.

Пошли они дальше, пока не увидели вишнёвое дерево, усыпанное ягодами. Самые спелые вишенки были на верхушке и великан наклонил дерево, чтобы портной мог их сорвать.

Но когда портняжка ухватился за верхушку, дерево вдруг распрямилось и портняжка одним махом перелетел на другую сторону.

— Тоже мне. Даже веточку не можешь удержать, — сказал великан.

— Конечно же могу, — ответил портняжка. — Это я специально перемахнул через дерево. Ну-ка попробуйте. Посмотрим, удастся ли.

Великан попробовал прыгнуть, да одной ногой запутался в ветвях.

В это время мимо проезжал король со своей свитой.

— Что здесь происходит? — спросил он.

— Да ничего особенного, Ваше Королевское Величество, — ответил портной. — Я всего лишь поймал великана.

Долгие годы досаждал великан местным жителям и благодарный король дал портняжке в награду мешок золота.

Новость о том, как храбрый портняжка поймал страшного великана, моментально разнеслась по всему свету. Так портняжка прославился и разбогател. И стал он жить-поживать да добра наживать.

Вопросы и задания

- 1. Прочитайте внимательно текст.*
- 2. Составьте цитатный план.*
- 3. Сколько раз соревновался портняжка с великаном? Докажите цитатами из текста.*
- 4. Какой ремень смастерил портняжка и что на нём написал?*
- 5. За что король наградил портняжку?*
- 6. Какая поговорка вошла в русский язык после появления этой сказки?*
- 7. Приведите случаи, в которых можно эту поговорку употребить.*
- 8. Какие сказки братьев Гримм вы читали? Чем они вам понравились?*
- 9. Что вы можете сказать о труде портных?*

ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН

(1805 – 1875)

СОЛОВЕЙ (в сокращении)

В Китае, как ты сам знаешь, и сам император, и все его подданные – китайцы. Дело было давно, но потому-то и стоит о нём послушать, пока оно не забудется совсем! В целом мире не нашлось бы дворца лучше императорского: он весь был из драгоценного фарфора, зато такой хрупкий, что страшно было до него дотронуться. В саду росли чудеснейшие цветы. Из сада можно было попасть прямо в густой лес; в чаще его таились глубокие озёра, и доходил он до самого синего моря.

Со всех концов стекались в столицу императора путешественники; все они дивились на великолепный дворец и на сад, но, услышав соловья, говорили: “Вот это лучше всего!”.

Возвращаясь домой, путешественники рассказывали обо всем виденном; учёные описывали столицу, дворец и сад императора, но не забывали упомянуть и о соловье и даже ставили его выше всего; поэты слагали в честь крылатого певца, жившего в лесу, на берегу синего моря, чудеснейшие стихи.

Книги расходились по всему свету, и вот некоторые из них дошли и до самого императора. Он восседал в своём золотом кресле, читал и поминутно кивал головой: ему очень приятно было читать похвалы своей столице, дворцу и саду. “Но соловей лучше всего!” – стояло в книге.

– Что такое? – удивился император. – Соловей? А я ведь не знаю его! Как? В моём государстве и даже в моём собственном саду живёт такая удивительная птица, а я ни разу и не слышал о ней! Пришлось вычитать о ней из книг!

И он позвал к себе первого из своих приближённых:

– Оказывается, у нас здесь есть замечательная птица по имени соловей. Её считают главной достопримечательностью моего великого государства! – сказал император. – Почему же мне ни разу не доложили о ней?

– Я даже и не слышал о ней! – отвечал первый приближённый. – Она никогда не была представлена ко двору!

— Я желаю, чтобы она была здесь и пела передо мной сегодня же вечером! — сказал император. — Весь свет знает, что у меня есть, а сам я не знаю!

У всех на языке был один вопрос: что это за соловей, которого знает весь свет, а при дворе ни одна душа не знает?

Наконец на кухне нашли одну бедную девочку, которая сказала:

— Господи! Как не знать соловья! Вот уж поёт-то! Мне позволено относить по вечерам моей бедной больной матушке остатки от обеда. Живёт матушка у самого моря, и вот, когда я иду назад и сажусь отдохнуть в лесу, я каждый раз слышу пение соловья!

И вот все отправились в лес, где обыкновенно распевал соловей. Шли, шли, вдруг замычала корова.

— О! — сказали молодые придворные. — Вот он! Какая, однако, сила! И это у такого маленького существа! Но мы, бесспорно, слышали его раньше!

— Это мычит корова! — сказала девочка. — Нам ещё далеко до места...

В пруду заквакали лягушки.

— Чудесно! — сказал придворный бонза. — Теперь я слышу! Точь-в-точь наши колокольчики в молельне!

— Нет, это лягушки! — сказала опять девочка.

И вот запел соловей!

— Вот это соловей! — сказала девочка. — Слушайте, слушайте! А вот и он сам!

И она указала пальцем на маленькую серенькую птичку, сидевшую на ветке.

— Неужели? — сказал первый приближённый императора. — Никак не вообразал себе его таким! Самая простая наружность.

— Соловушка! — громко закричала девочка. — Наш милосердный император желает послушать тебя!

— Очень рад! — ответил соловей и запел так, что просто чудо.

— Слово стеклянные колокольчики звенят! — сказал первый приближённый. — Глядите, как трепещет его маленькое горлышко!

При дворе шли приготовления к празднику. Посреди огромной залы, где сидел император, возвышался золотой шест для соловья. Все придворные были в полном сборе; позволили стоять в дверях и кухарочке, — теперь ведь она получила звание придворной поварихи.

И соловей запел так дивно, что у императора выступили на глазах слёзы и покатались по щекам. Император был очень доволен и сказал, что жалует соловью свою золотую туфлю на шею.

— Я видел на глазах императора слёзы — какой ещё награды желать мне! В слезах императора дивная сила! Видит Бог, я награждён с избытком!

Его оставили при дворе, отвели ему особую комнатку, разрешили гулять на свободе два раза в день и раз ночью и приставили к нему двенадцать слуг; каждый держал его за привязанную к его лапке шёлковую ленточку. Большое удовольствие было от такой прогулки!

Раз императору доставили большой пакет с надписью: “Соловей”.

— Ну вот, ещё новая книга о нашей знаменитой птице! — сказал император.

Но то была не книга, а затейливая штучка: в ящике лежал искусственный соловей, похожий на настоящего, но весь осыпанный бриллиантами, рубинами и сапфирами. Стоило завести птицу, и она начинала петь одну из мелодий настоящего соловья и поводить хвостиком, который отливал золотом и серебром. На шейке у птицы была ленточка с надписью: “Соловей императора японского жалок в сравнении с соловьём китайского”.

— Какая прелесть! — сказали все придворные, и явившегося с птицей посланца императора японского сейчас же утвердили в звании “чрезвычайного императорского поставщика соловьёв”.

Живого соловья объявили изгнанным из пределов государства.

Искусственная птица заняла место на шёлковой подушке возле императорской постели.

Но раз вечером искусственная птица только что распелась перед императором, лежавшим в постели, как вдруг внутри её зашипело, зажужжало, колёса завертелись, и музыка смолкла...

Прошло пять лет, и страну постигло большое горе: все так любили императора, а он, как говорили, был при смерти. Провозгласили уже нового императора, но народ толпился на улице и спрашивал первого приближённого императора о здоровье своего старого повелителя.

— Пф! — отвечал приближённый и покачивал головой. Бедный император почти не мог вздохнуть, и ему казалось, что кто-то сидит у него на груди.

Вдруг за окном раздалось чудное пение. Это прилетел, узнав о болезни императора, утешить и ободрить его живой соловей. Он пел, и кровь прилиwała к сердцу императора всё быстрее:

сама Смерть заслушалась соловья и всё повторяла: “Пой, пой ещё, соловушка!”...

Когда император проснулся, в окне уже светило солнце. Никто из его слуг не заглядывал к нему; все думали, что он умер, один соловей сидел у окна и пел.

– Ты должен остаться у меня! – сказал император. – Ты будешь петь, а искусственную птицу я разобью вдребезги!

– Не надо! – сказал соловей. – Пусть она остаётся у тебя по-прежнему!.. Позволь мне только прилетать к тебе, когда захочу. Я буду петь тебе о счастливых и о несчастных, о добре и о зле, что таятся вокруг тебя. Я люблю тебя за твоё сердце больше, чем за твою корону. Об одном прошу, не говори никому, что у тебя есть маленькая птичка, которая рассказывает тебе обо всём. Так дело пойдёт лучше!

И соловей улетел.

Слуги вошли поглядеть на мёртвого императора и застыли на пороге, а император сказал им:

– Здравствуйте!

Вопросы и задания

1. Прочитайте часть сказки, которая начинается со слов “Но то была не книга...” Найдите в этой части незнакомые слова, попробуйте объяснить их. Можете пользоваться словарём.

2. Составьте предложения с новыми словами, а из них текст на любую тему.

3. Спишите те предложения, в которых есть новые слова, чтобы лучше запомнить их.

4. Поясните для себя, в чём проявляется характер соловья.

5. Найдите материал о Китае. Чем интересна эта страна?

ЗАХИД ХАЛИЛ
(р. 1942 г.)

**СКАЗКА О ПАХАРЕ, ХИТРОМ
КОТЕ И ДОВЕРЧИВОМ ТИГРЕ**

Жил Пахарь в селеньи,
Трудился весь год.
Под вечер у дома
Встречал его Кот,
Мурлыкал приветливо,
Тёрся у ног.
Кто друга имеет –
Не так одинок.
Беда – не беда,
И не та нищета.
Ну, словом, любил
Этот Пахарь Кота.
А Кот... Я такого
Прогнал бы взащей:
По правде сказать,
Не ловил он мышей,
Умом плутоват,
И на лапу нечист,
И мастью не вышел,
И хвост не пушист.
Залезет с ушами
В гаймак и творог,
Как только хозяин
Шагнёт за порог,
Да сколько уж раз –

I

Не берусь сосчитать –
Хозяин ложился
Без ужина спать!
Однажды принёс
Он с базара цыплят:
Пускай погуляют,
Жирок наедят,
Как праздник настанет –
И сам будет сыт,
И нежной печёнкой
Кота угостит.
Назавтра хозяин
Приходит с бахчи –
Кругом пух и перья,
А Кот на печи.
Налипла пушинка
У хищного рта.
Подумал хозяин –
И выгнал Кота:
Не бил и рубаху
Не рвал на груди,
А дверь отворил
И сказал: – Уходи!
По правде сказать,
Горевал он потом,
Жалел, что расстался
С беспутным Котом.
А Кот по дороге
Шипел: – Не прощу!
Уж время настанет –
За всё отомщу!

Бродил он по свету
С одною мечтой —
О доме богатом
С приличной едой,
Да кто же котов
Подзаборных берёт —
И родом не вышел,
И возраст не тот.
В харчевне, куда
Он забрался тайком,
Кухарка его
Обдала кипятком.
Хотел к мяснику
Поступить в сторожа —
Едва увернуться
Успел от ножа.
Когда ж он бежал
Наутёк от собак,
Смеялись на улице
Стаи зевак.
Бродяга на весь
Белый свет осерчал.
От злобы и горя
Совсем одичал.
Ночами студёными
В чащах лесных
Винил он хозяина
В бедах своих.
Чем больше хотелось
Поспать и поесть,
Тем злее разбойник
Придумывал месть.

Сказать не берусь,
Что бы было с Котом,
Когда бы не Тигр,
Что залёг за кустом:
Охота сегодня
Была никуда!
А тут он приметил
Бродягу Кота.

Как кошка за мышкой,
Так Тигр за Котом:
Настиг его тотчас
Огромным прыжком,

Хотел уже было
Совсем придушить!
Но шкурой бродяга
Умел дорожить:
— Побойся аллаха,
Взгляни на меня!
Ведь ты же мой дядя,
По маме родня!
Я с детства тебя
Всей душой обожал... —

И Тигр с удивлением
Когти разжал:
Хоть мелок и жалок,
А всё же — похож!
— Ну, здравствуй, племянник,
Откуда идёшь?
Оправился Кот
И поплёл, и пошёл:
— Сироткою бедным
Я в люди ушёл.
Лупили меня
И сажали на цепь,
Чтоб только не вырос
И вовсе ослеп.
Вот так я и жил
Без питья, без еды.
Не полосы это —
От плётки следы.
А стоило мне
Их курёнка поймать —
Так сразу обида,
На улицу гнать!
По морде тигриной
Скатилась слеза,
От страшного рёва
Качнулись леса:
— О люди! Нет сердца
В их чёрствой груди!
Да где твой хозяин?
Скорее веди!
Давно рассчитаться
Пора бы с людьми
За все наши муки,
Шайтан их возьми!

И Кот побежал
 Перед Тигром вперёд,
 Где плыл он, там Тигр
 Переваливал вброд.
 Где путь преграждало
 Ущелье тропе,
 Сажал его Тигр
 На загривок себе.
 Неделя-другая прошла
 Или год –
 Увидел родное
 Селение Кот.

А Пахарь в то утро
 Распахивал луг.
 Волы волочили
 Затупленный плуг.
 И борозды мягко
 За плугом легли
 Тигриною шкурой
 На плечи земли.

Быть может, и жалость
 Проснулась в Коте,
 И совесть урчала в его животе,
 Но пламя дрожало
 В тигриных глазах,
 Сверкнули кинжалы
 В тигриных усах.
 И Кот промяукал:

– Я здесь обожду,
 Не дело – с хозяином
 Драться коту.
 А то бы ещё бы
 Не вышло чего... –

Но хищник лишь зло
 Посмотрел на него.
 И, пашню покрыв
 В два огромных прыжка,
 За шиворот лапой
 Поднял старика:

– Племянника бил?! –
 Пахарь – “Нет!” – головой.

– Цепями крутил?! –
 Пахарь – “Нет!” – головой.

– А где твоя плеть? –
 Пахарь руки развёл.

– Пришла твоя смерть! –
 Пахарь: смилуйся, мол,

Мозолистый я,
 Нехороший на вкус.
 Померимся силою,
 Если не трус.

И выпустил Пахаря
 Хищник, смеясь:

– Нахалов таких
 Не видал отродясь!
 Да как же ты вздумал
 Меня одолеть?

– Поймёшь, как придётся
 Чуток попотеть!

Уж если ты вправду
 Силён да не глуп,
 Попробуй-ка вырви
 Из пашни мой зуб,
 Да зубом вспаши
 Хоть одну борозду,
 А я за тобой
 Борозду проведу.
 Кто больше сумеет –
 Того и взяла!

В хомут полезай-ка,

Нельзя без тягла.
И выпряг крестьянин
Волов-работяг,
И Тигра в ярмо¹,
Как скотину, запряг.
Сам взялся за плуг,
Крикнул: “Хош, молодец!” –
И дёрнулась упряжь,
Запел бубенец.

Однако нелёгкое
Дело – хомут:
Узда и подпруга
Вздохнуть не дают,
Ярмо, словно коршун,
Долбит по хребту.
Что шаг – то мученье,
Спасибо Коту!

А Кот раньше Тигра
Смекнул, что почём,
И так рассудил:
“Я-то здесь ни при чём.
Какой он мне дядя,
Какая родня!
Эх, только хозяин
Простил бы меня!”

Совсем уже выбился
Хищник из сил,
Хвостом завилал
И воды попросил,
На влажную пашню
Хотел было лечь –
Не сбросить упряжки
С натруженных плеч!
А Пахарь ему:
– Потерпи, ничего,
Ты полборозды
И вспахал-то всего.
Раз был уговор,
Нарушать не изволь! –

И снова Кота
Проклиная и боль,
Тащил он, тащил
Неподатливый плуг,
Ни птичек, ни маков
Не видя вокруг.
И вдруг: – Мяу-мяу! –
Знакомая речь. –
Как можно, хозяин,
Себя не беречь!
Задать бы ленивой
Скотине кнута! –
И прут засвистел
В рыжей лапе Кота.
У Тигра от злобы
Отнялся язык.
У Пахаря вырвался
Радостный крик:
– Вернулся!.. Ах, как
Я грустил без тебя! –
Кота обнимал он.
Как прежде, любя.
А зверь полосатый
Заплакал навзрыд:
Ужасный позор,
Непростительный стыд!
Кому он доверился,
Старый глупец!
Он плакал,
И плакал над ним бубенец.
И жаль стало Пахарю
Тигра тогда.
С улыбкой домой
Он отправил Кота.
Взял с хищника клятву –
Сюда ни ногой!
И, упряжь снимая,
Качал головой:
– Эх, Кот!
Видно, дорог
И я для него...

¹Ярмо – деревянный хомут для рабочего рогатого скота.

Но Тигр и не слышал
Уже ничего.
Поплёлся он,
Хвост волоча по траве.
Весь мир помутился
В его голове:
“Умён человек.
Да и я не простака.
А Кот — он умнее.
Выходит, что так.
Эх, люди! Да я
Вам поклясться готов:
Все ваши несчастья —
От этих котов!
Меня только на день
Запряг человек.
А Кот человека —
Не на день — навек!”

Вопросы и задания

- 1. Прочитайте текст, соблюдая интонационные правила.*
- 2. Перескажите текст, цитируя понравившиеся отрывки.*
- 3. Почему добро в сказках всегда побеждает зло?*
- 4. Подумайте, чем отличается тигр от кошки.*
- 5. Перескажите содержание сказки Захида Халила. Придумайте сами новый финал (конец) сказки. Наказано ли зло в вашем варианте?*

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Басня. Аллегория

Вы уже знаете, какие жанры относятся к эпическому роду. Одним из таких жанров является басня.

Басня – это малый эпический жанр, который основывается на иносказании, поэтому персонажами произведений бывают чаще всего не люди, а животные, под которыми подразумеваются люди. Басня – это небольшой рассказ в стихах или прозе, в котором есть вывод, мораль, потому что задача басни – поучать с помощью иронии или сатиры.

Басня – это один из древнейших литературных жанров.

Аллегория – это вид иносказания, при котором какое-то отвлечённое или абстрактное понятие изображается в конкретном привычном образе. Например, изображение чаши со змеей обозначает медицину.

На аллегории основаны сказки и басни.

ЭЗОП

(VI в до н.э.)

ЖУК и МУРАВЕЙ

В летнюю пору Муравей, ползая по полям, собирал зёрна и колосья, накапливая себе корм на зиму. А Жук, увидев его, подивился его трудолюбию и тому, что он работает в ту пору, когда остальные твари, избавившись от трудов, живут беззаботно. Муравей промолчал тогда. Когда же пришла зима и дожди размывали навоз, голодный Жук пришёл к нему и попросил еды. А он ему сказал: “О Жук! Если бы ты тогда потрудился, когда я работал, – а ты смеялся надо мной, – не пришлось бы тебе теперь нуждаться в корме”.

ЛИСИЦА И ВИНОГРАД

Голодная Лисица заметила свесившуюся с лозы гроздь винограда и хотела было достать её, но не могла. Ушла она и говорит: “Он ещё не созрел”.

Иной не может доделать что-либо из-за недостатка сил, а винит в этой случай.

ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ

(1769 – 1844)

ВОЛК и ЯГНЁНОК

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим,
Но мы Истории не пишем;
А вот о том, как в баснях говорят.
Ягнёнок в жаркий день зашёл к ручью напиться:

И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягнёнка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питьё Моё
С песком и с илом?
За дерзость такову
Я голову с тебя сорву».

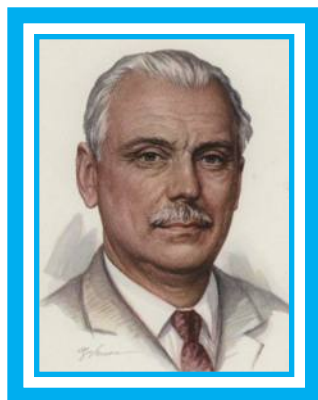
«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донести, что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью;
И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу».
«Поэтому я лгу!

Негодный! Слыхана ль такая дерзость в свете!

Да помнится, что ты ещё в запрошлом лете
Мне здесь же как-то нагрубил:
Я этого, приятель, не забыл!

«Помилуй, мне ещё и отроду нет году», —
 Ягнёнок говорит. «Так это был твой брат».
 — «Нет братьев у меня».
 — «Так это кум иль сват
 И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.
 Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
 Вы все мне зла хотите
 И, если можете, то мне всегда вредите,
 Но я с тобой за их разведаюсь грехи»
 «Ах, я в чём виноват?» — «Молчи! устал я слушать,
 Досуг мне разбирать вины твои, щенок!
 Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».
 Сказал и в тёмный лес Ягнёнка поволок.

**СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
МИХАЛКОВ**

(1913 – 2009)

СЛОН-ЖИВОПИСЕЦ

Слон-живописец написал пейзаж,
 Но раньше, чем послать его на вернисаж,
 Он пригласил друзей взглянуть на полотно:
 Что, если вдруг не удалось оно?
 Вниманием гостей художник наш польщён!
 Какую критику сейчас услышит он?
 Не будет ли жесток звериный суд?
 Низвергнут? Или вознесут?
 Ценители пришли. Картину Слон открыл.
 Кто дальше встал, кто подошёл поближе.
 “Ну, что же, — начал Крокодил, —
 Пейзаж хорош! Но Нила я не вижу...” —
 “Что Нила нет, в том нет большой беды! —
 Сказал Тюлень. — Но где снега? Где льды?! —
 “Позвольте! — удивился Крот. —
 Есть кое-что важней, чем лёд!
 Забыл художник огород”.

“Хрю-хрю, – прохрюкала Свинья, –
 Картина удалась, друзья!
 Но с точки зрения нас, свиней,
 Должны быть желуди на ней”.
 Все пожеланья принял Слон.
 Опять за краски взялся он
 И всем друзьям по мере сил
 Слоновой кистью угодил,
 Изобразив снега, и лёд,
 И Нил, и дуб, и огород,
 И даже – мёд!
 (На случай, если вдруг Медведь
 Придёт картину посмотреть...)
 Картина у Слона готова,
 Друзей созвал художник снова.
 Взглянули гости на пейзаж
 И прошептали: “Ералаш!”

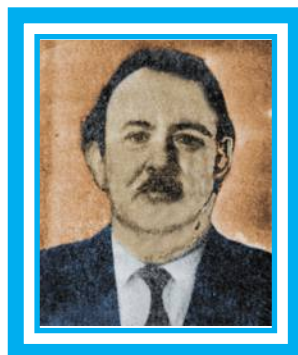
Мой друг! Не будь таким Слоном:
 Советам следуй, но с умом!
 На всех друзей не угодишь.
 Себе же только навредишь.

ХИКМЕТ ЗИЯ

(1930 – 2004)

КОВАРНАЯ ГЮРЗА

Волоча чешуйчатое тело,
 Извиваясь, подползла к Ежу
 Старая Гюрза
 И прошипела:
 «У меня к тебе, приятель, дело,
 Выслушай всё то, что я скажу.
 Знай: я на соседей не держу зла
 И потому открою душу, –
 Видит бог, соседскую межу
 Никогда я больше не нарушу!

Что нам враждовать с тобою, брат?
Ни к чему нам слухи, кривотолки...
Хочешь, в землю выпущу свой яд?!
Ну, а ты... сними с себя иголки!..
С грустной улыбкою в ответ
Ёж промолвил:
«Нет, соседка! Нет!
Я-то верность клятве сохраню,
Коль сниму колючую броню.
Но не обрасту я — вот беда! —
Иглами уж больше никогда.
Как могу Гюрзе поверить я?
Право, ясновидцем быть не надо,
Чтобы помнить истину:
Змея —
С давних пор сама источник яда...
И опять —
Чтоб жалить всех подряд —
У тебя в избытке будет яд...

Вопросы и задания

1. Прочитайте выразительно все басни, данные в учебнике. Какая из них вам понравилась?
2. Можно ли говорить о том, что басни “Лисица и виноград” Эзопа и “Волк и Ягнёнок” И. А. Крылова об одном и том же? Объясните свою позицию.
3. Сможете ли вы отличить басню от стихотворения? Докажите примерами. Как вы думаете, что есть в басне и чего нет в стихотворении?
4. Попросите в библиотеке книгу о И. А. Крылове, узнайте историю написания басни “Волк и ягнёнок”, подготовьте сообщение об этом и поделитесь знаниями с одноклассниками.

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Рифма и ритм

Прочитайте два предложения. Расставьте ударения в словах:

I. *Буря, крутя снежные вихри, кроет небо мглой.*

II. *Буря, мглой небо кроет, вихри снежные крутя.*

Если ударный слог обозначим **┐**, а безударный **◡**, то схема предложений будет выглядеть так:

I) $\overset{1}{\text{┐}} \text{◡} \text{◡} \overset{4}{\text{┐}} \overset{5}{\text{┐}} \text{◡} \text{◡} \overset{8}{\text{┐}} \text{◡} \overset{10}{\text{┐}} \text{◡} \overset{12}{\text{┐}} \text{◡} \overset{14}{\text{┐}} \text{◡}$

II) $\overset{1}{\text{┐}} \text{◡} \overset{3}{\text{┐}} \text{◡} \overset{5}{\text{┐}} \text{◡} \overset{7}{\text{┐}} \text{◡} \overset{9}{\text{┐}} \text{◡} \overset{11}{\text{┐}} \text{◡} \text{◡} \text{◡} \overset{15}{\text{┐}}$

т.е. ударные слоги I) 1, 4, 5, 8, 10, 12, 14

II) 1, 3, 5, 7, 9, 11, 15

Теперь прочитайте вслух предложения, выделяя ударные слоги. Подумайте, чем отличается первое предложение от второго.

Конечно же, ритмом.

Ритм — это чередование ударных и безударных слогов. Во втором примере ударные слоги разделяются одним безударным, что и придаёт предложению ритмичность. В первом примере количество безударных слогов между ударными постоянно меняется, следовательно в нём нет ритма.

Прочитай двистишие А.С.Пушкина:

В синем небе звёзды блещут,

В синем море волны плещут.

Что объединяет обе строки? Правильно, звуковое сходство последних слов. Эти строки рифмуются. **Рифма** — это повтор звуков, связывающих окончания двух или более строк.

В русском языке несколько **видов рифм**: *мужские, женские, дактилатические*. Вид рифмы зависит от последнего ударения в строке (стихе).

Расставь ударения в строках:

1) *Здесь тучи смиренно идут надо мной...*

2) *Нивы сжаты, рощи голы...*

3) *А хозяйка занимается...*

В первом стихе ударение падает на последний слог. Такая рифма называется мужской. Во втором примере ударение падает на предпоследний слог (второй с конца). Это женская рифма. В третьем примере ударение падает на третий с конца слог. Это дактилатическая рифма.

Способы рифмовки

Вы уже знаете, что такое ритм и рифма, узнали виды рифм.

А теперь узнаем, какие существуют способы рифмовки в русском стихосложении. Одинаковые окончания для наглядности будем обозначать одинаковыми буквами.

Прочитайте четверостишие и обозначьте окончания буквами:

<i>Перед ним, во мгле <u>печальной</u>,</i>	<i>а</i>
<i>Горб качается <u>хрустальный</u>,</i>	<i>а</i>
<i>И в хрустальном <u>гробе том</u></i>	<i>б</i>
<i>Спит царевна <u>вечным сном</u>.</i>	<i>б</i>

В данном четверостишии первая строка рифмуется со второй, а третья с четвёртой. Такой способ рифмовки называется смежной рифмой.

Определите способ рифмовки в следующем четверостишии:

<i>Две капли брызнули <u>в стекло</u>,</i>	<i>а</i>
<i>От лип душистым <u>мёдом тянет</u>,</i>	<i>б</i>
<i>И что-то к саду <u>подошло</u>,</i>	<i>а</i>
<i>По свежим листьям <u>барабанит</u>.</i>	<i>б</i>

Если в четверостишии первая строчка рифмуется с третьей, а вторая с четвёртой – это перекрёстная рифма.

Так же следует поступить и с третьим четверостишием:

<i>Те часики с эмалью, что <u>впотьмах</u></i>	<i>а</i>
<i>Бежали так легко и <u>торопливо</u>,</i>	<i>б</i>
<i>Давным-давно умолкли. И <u>крапива</u></i>	<i>б</i>
<i>Растёт в саду на мусорных <u>холмах</u>.</i>	<i>а</i>

Если в четверостишии первая строка рифмуется с четвёртой, а вторая с третьей, то такой способ рифмовки называется кольцевой.

Двусложные размеры стиха

Вы, конечно, знаете что ритм – это чередование ударных и безударных слогов. А стихотворный размер – это порядок чередований ударных и безударных слогов.

Основных размеров в русском стихосложении пять: хорей, ямб, дактиль, амфибрахий и анапест. Хорей и ямб – это двусложные размеры, т.е. каждая стопа состоит из двух слогов, остальные размеры – трёхсложные, т.е. стопа состоит из трёх слогов.

Спо́на – это часть строки, сочетание ударного и безударного слогов или наоборот.

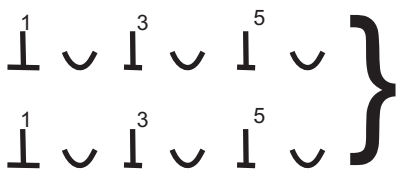
Попробуем сочинить несколько стихотворных строк. Например, придумаем продолжение к строке

Наша тётя Даша...

У нас может получиться такое двустишие:

*Наша тётя Даша
Очень любит кашу.*

Теперь расставим ударения, пронумеруем ударные слоги и составим схему. Она получится такой:

В каждой строке три ударных слога, значит это трёхстопный размер.

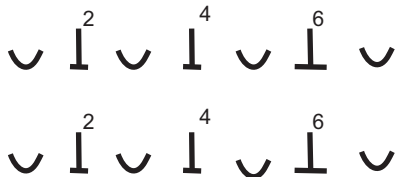
Хорей – это двусложный размер с ударением в стопе на первом слоге, а в строке – на 1, 3, 5 и т.д.

Сравним с придуманным двустишием и увидим, что эти строки написаны трёхстопным хореем.

А теперь придумайте продолжение к другой строке. Получится примерно так:

*У нашей тёти Даши
Попросим манной каши.*

Поступим так же, как с первым двустишием. Составленная схема будет такой:

Что же это за размер? Это – ямб.

Ямб – это двусложный размер с ударением в стопе на втором слоге, а в строке на 2, 4, 6 и т.д.

В данном двустишии трёхстопный ямб, так как в каждой строке по три стопы (или три ударных слога).

В двусложных размерах может встречаться **пиррихий**.

Это отсутствие ударения в стопе. Появление пиррихия объясняется тем, что в русском языке слова могут состоять не только из одного или двух, но и более слогов. (3, 4, 5 и т.д.). А вы знаете, что в слове чаще всего может быть только одно ударение. В двусложных размерах чередуются ударный и безударный слоги. Следовательно, ударный может заменяться безударным слогом.

Попробуйте сами определить стихотворный размер следующих двустиший:

I. *Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя.*

II. *Мороз и солнце, день чудесный!
Ещё ты дремлешь друг прелестный?*

Составь схему. Проверь себя.

$\begin{array}{cccccccc} \perp & \smile & \perp & \smile & \perp & \smile & \perp & \smile \\ \perp & \smile & \perp & \smile & \times & \smile & \perp & \end{array}$ } четырёхстопный хорей
(ударные слоги 1, 3, 5, 7)

$\times$ – так обозначается пиррихий¹

$\begin{array}{cccccccc} \smile & \perp & \smile & \perp & \smile & \perp & \smile & \perp \\ \smile & \perp & \smile & \perp & \smile & \perp & \smile & \perp \end{array}$ } четырёхстопный ямб
(ударные слоги 2, 4, 6, 8)

**ДЖОРДЖ НОЭЛЬ ГОРДОН
БАЙРОН**

(1788 – 1824)

***ТЫ КОНЧИЛ ЖИЗНИ ПУТЬ,
ГЕРОЙ!..***

Ты кончил жизни путь, герой!
Теперь твоя начнётся слава,
И в песнях родины святой
Жить будет образ величавый
Жить будет мужество твоё,
Освободившее её.

Пока свободен твой народ,
Он позабыть тебя не в силах,
Ты пал! Но кровь твоя течёт
Не по земле, а в наших жилах;
Отвагу мощную вдохнуть
Твой подвиг должен в нашу грудь.

Врага заставим мы бледнеть,
Коль назовём тебя средь боя;
Дев наших хоры станут петь
О смерти доблестной героя;
Но слёз не будет на очах:
Плач оскорбил бы славный прах.

**МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ
ЛЕРМОНТОВ**
(1814 – 1841)

БОРОДИНО

– Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, ещё какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

– Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри – не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
“Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?”

И вот нашли большое поле,
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут¹.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки –
Французы тут как тут.

¹ Редут – полевое укрепление разнообразной формы (круглое, квадратное)

Забил снаряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
 Постой-ка, брат мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдём ломить стеною,
Уж постоим мы головою
 За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
 Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
“Пора добратся до картечи!”
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилёг вздремнуть я у лафета¹,
И слышно было до рассвета,
 Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак² открытый:
Кто кивер³ чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
 Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
 Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рождён был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражён булатом,
 Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
“Ребята! не Москва ль за нами?
 Умрёмте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!”
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
 Мы в Бородинский бой.

¹ Лафёт — станок, на котором закреплён ствол пушки.

² Бивák — стоянка войск для ночлега вне населённых пунктов.

³ Кíвер — высокий жёсткий военный головной убор.

Ну ж был денёк! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы¹ с пёстрыми значками,
Драгуны² с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

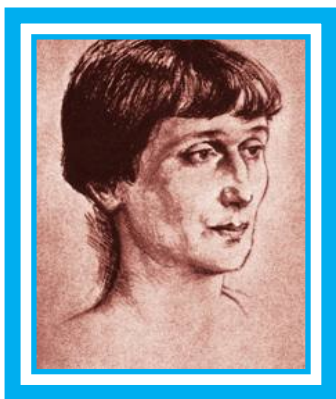
Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась, как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутро бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны –
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри – не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы!

¹ Уланы — лёгкая кавалерия.

² Драгуны — кавалерия.

АННА АНДРЕЕВНА

АХМАТОВА

(1889 – 1966)

КЛЯТВА

И та, что сегодня
 прощается с милым, –
Пусть боль свою
 в силу она переплавит.
Мы детям клянёмся,
 клянёмся могилам,
Что нас покориться никто не заставит.

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова –
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки!

Вопросы и задания

1. *Выразительно прочитайте стихотворения, соблюдая интонационные правила.*
2. *Прочитайте диалог солдат из стихотворения М.Ю.Лермонтова.*
3. *Определите тему стихотворений Дж. Байрона, М.Лермонтова и А.Ахматовой. Почему вы пришли к такому выводу?*
4. *Подумайте и объясните, почему слава героя начинается после его смерти.*
5. *Выпишите из всех стихотворений фразы о стойкости и мужестве. Запомните их.*
6. *Составьте синквейн с опорным словом **БОРОДИНО**.*

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Изобразительно-выразительные средства языка

Эпитет. Сравнение

Сравните два предложения:

Осенний светлый день.

Осенний хрустальный день.

Оба предложения содержат одну мысль, но в первом предложении – слова обычные, повседневные, употреблённые в прямом значении, а во втором – есть особое слово, которое придаёт предложению выразительность и эмоциональность. Оно использовано в переносном значении. Именно такие особые слова и создают художественный стиль.

Мысль, выраженную в обоих предложениях, нужно сохранить, чтобы не изменился смысл сказанного. Но одну и ту же мысль можно выразить с помощью слова, которое используется в переносном значении. Такое употребление слова в Древней Греции называли тропом, что означает “оборот”. К *тропам* относятся эпитеты, сравнения, метафоры, гиперболы и уже знакомая вам аллегория.

Во втором предложении использован троп. Чтобы определить вид тропа, мы вспомним, что *эпитет* – это художественное определение, придающее предмету или явлению образность и эмоциональность. Так, слово “хрустальный” означает, что день прозрачен, как стекло.

Прочитайте словосочетания и определите, где простые определения, а где эпитеты.

Берёзовая роща

Осенний дождь

Хрустальная ваза

Белая берёза

Золотая роща

Грустный дождь

Хрустальный день

Печальная берёза

А теперь подберите эпитеты к словам:

Лес, иней, судьба, шорох, гроза.

Выполнив это задание, вы легко справитесь и со следующим. Напишите сочинение-миниатюру об осени на одну из тем:

“Какого цвета сентябрь?”
“Хрустящий запах осени.”
“Воздух сентября.”

Прочитайте следующие строки:

А по нивам на просторе
Река раскинулась, как море,
Стального зеркала светлей,
И речка к ней на середину
За льдиной выпускает льдину,
Как будто стаю лебедей.

Вы, наверное, обратили внимание, что в этом стихотворении река уподобляется морю. Уподобление одного предмета или явления другому называется **сравнением**. Оно чаще всего имеет форму сравнительного оборота (т.е. образуется при помощи сравнительных союзов **как, словно, как будто, точно** и т.д.)

Расширьте предложения сравнениями:

Девушка стройна
Две реки обнялись

С чем можно сравнить осень, весну, лето, зиму? Опишите времена года, используя сравнения.

А.С.ПУШКИН

(1799 – 1837)

КАВКАЗ

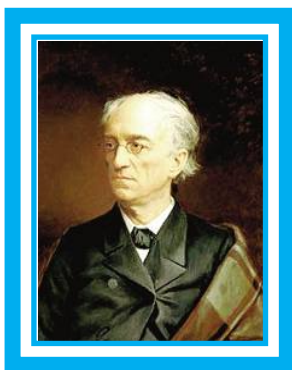
Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины:
Орёл, с отдалённой поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движение.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утёсов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зелёные сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к весёлым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых берегах,
И нищий наездник таится в ущелье,
Где Терек играет в свирепом веселье;

Играет и воет, как зверь молодой,
Завидевший птицу из клетки железной;
И бьётся о берег в вражде бесполезной
И лижет утёсы голодной волной...
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ

(1803 – 1873)

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

Ещё в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят
Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят...

Они гласят во все концы:
“Весна идёт, весна идёт!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперёд!”

Весна идёт, весна идёт!
И тихих, тёплых, майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней.

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.
Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.
С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной и шум нагорный –
Всё вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба¹,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

АФАНАСИЙ АФАНАСЬЕВИЧ ФЕТ

(1820 – 1892)

ЗРЕЕТ РОЖЬ

Зреет рожь над жаркой нивой,
И от нивы и до нивы
Гонит ветер прихотливый
Золотые переливы.

Робко месяц смотрит в очи,
Изумлён, что день не минул,
Но широко в область ночи
День объятия раскинул.

Над безбрежной жатвой хлеба
Меж заката и востока
Лишь на миг смежает небо
Огнедышащее око.

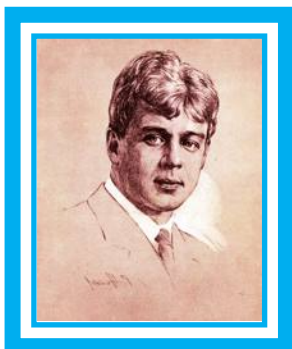
¹ Геба — в греч. мифологии богиня вечной юности, дочь Зевса и Геры, супруга Геракла на Олимпе. Геба подносила богам на пирах нектар.

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Еще светло перед окном,
В разрывы облак солнце блещет,
И воробей своим крылом,
В песке купаясь, трепещет.

А уж от неба до земли,
Качаясь, движется завеса,
И будто в золотой пыли
Стоит за ней опушка леса.

Две капли брызнули в стекло,
От лип душистым медом тянет,
И что-то к саду подошло,
По свежим листьям барабанит.

СЕРГЕЙ

АЛЕКСАНДРОВИЧ

ЕСЕНИН

(1895 – 1925)

НИВЫ СЖАТЫ

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребёнком
Запрягался в наши сани.

ЧЕРЁМУХА

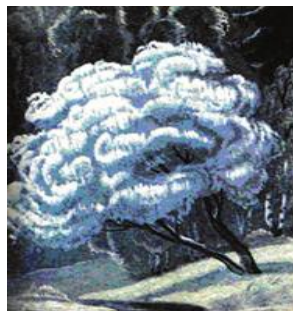
Черёмуха душистая
С весною расцвела,
И ветки золотистые,
Что кудри, завила.

Кругом роса медвяная
Сползает по коре,
Под нею зелень прятная
Сияет в серебре.

А рядом, у проталинки,
В траве, между корней,
Бежит, струится маленький
Серебряный ручей.

Черёмуха душистая,
Развесившись, стоит,
А зелень золотистая
На солнышке горит.

Ручей волной гремячу
Все ветки обдаёт
И вкрадчиво под кручею
Ей песенки поёт.

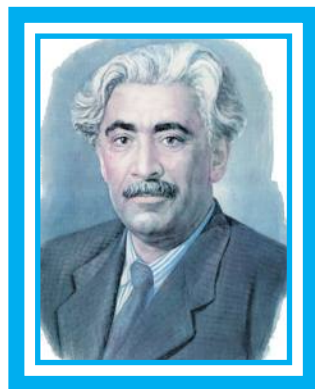
САМЕД ВУРГУН

(1906 – 1956)

ФИАЛКА

О вестница весны в стране родной!
Ты лепестки сочти свои, фиалка.
Тебя я вешней полюбил порой,
И сердце отдал я любви, фиалка.

Цветущая среди долин и гор,
Тебе вверял я тайны с давних пор.
И я грущу, к земле склоняя взор,
Когда ты никнешь в забыти, фиалка.
Дышал бы век твоею красотой.
Красавица в мечтах полна тобой,

Завидуя, что ты в тиши ночной
Даришь мне лепестки свои, фиалка.
Какой тоской, фиалка, ты полна?
Вагифа ль тайна в той тоске видна?
Ты не грусти о нём, — теперь весна,
Иль сердцу потонуть в крови, фиалка?

Так не клони головку ты свою.
Тебе я песню нежную спою...
С твоею красотой в родном краю
Вургуна стих всё оживит, фиалка!..

МИКАИЛ МУШФИК

(1908 – 1937)

КАВКАЗ (Отрывок)

О горы, вы, в небо глядящие горы,
Руду в своём сердце хранящие, горы...
Здесь кружатся тучи,
 рождается гром.
Здесь рек и лавин снеговое начало,
Здесь зелень ущелий меня привечала,
Тяжёлая сила есть в камне любом.
Не ты ль это всё мне
 вручил без возврата,
Кавказ величавый,
 Кавказ мой богатый.
Здесь всё совершенно,
 ни в чём нет изъяна,—
Гудят рудники на груди великана.
И уголь,
 и белого снега пласты.
Бакинская бухта, огни Рионгэса,
И нефть Сабунчей,
 и запасы железа,

Над Тереком выгнули спины мосты.
Пусть эхо мой голос вернёт многократно,
Кавказ величавый,

Кавказ мой богатый.
Нехоженный лес, покрывая отроги,
Хранит свою душу, торжественно строгий.
Иль, может, он ждёт, чтоб запела пила
И пояс огней обозначил поляны?
Одно есть желанье у рек Гурджистана,
Чтоб мощь водопадов турбина взяла.
Сыновней любовью

люблю тебя свято.
Кавказ изобильный,

Кавказ мой богатый...

МАРИНА ИВАНОВНА

ЦВЕТАЕВА

(1892 – 1941)

КРАСНОЮ КИСТЬЮ

Красною кистью
Рябина зажглась
Падали листья
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

Мне и донине
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

ОКА¹

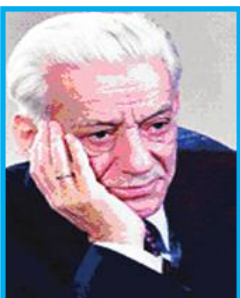
Бежит тропинка с бугорка,
Как бы под детскими ногами.
Всё так же сонными лугами
Лениво движется Ока;

Колокола звонят в тени,
Спешат удары за ударом,
И всё поют о добром, старом,
О детском времени они.

О, дни, где утро было рай,
И полдень рай и все закаты!
Где были шпагами лопаты
И замком царственным сарай.

Куда ушли, в какую даль вы?
Что между нами пролегло?
Всё так же сонно-тяжело
Качаются на клумбах мальвы² ...

БАХТИЯР ВАГАБЗАДЕ
(1925 – 2009)

ШЕКИ

Сколько песен сложил, но тебе ни одной,
Мой Шеки, посвятить не смел.
И поэтому горы, наверное, мной
Недовольны. Но есть ли предел

Для сыновней любви? Предложи, назови,
Слов таких в языке не найдёшь.
Разве матери сын признаётся в любви?
Я молчу, мой Шеки, ну и что ж?

Сын всегда перед матерью будет в долгу.
Твоим именем клясться не смел,
Но всё лучшее, что я припомнить могу
Из стихов своих, ты мне напел.

¹ Ока — река в России.

² Мálьва — травянистое растение с крупными яркими цветами.

Нашептал. Не твоих ли багровых цветов
В моих строчках разлит аромат?
Не слышна ли в них быстрая речь родников
Не твои ли чинары шумят?

Я бакинец, гянджинец, ширванец, клянусь,
Ленкорань, нет родней ничего,
А ещё я душой к Карабаху тянусь,
Но шекинец я прежде всего!

Вопросы и задания

- 1. Что общего в изученных стихотворениях? Докажите свою мысль чтением отрывков.*
- 2. Как строятся стихотворения. Подтвердите свою мысль чтением отрывков.*
- 3. Читая каждое из стихотворений, найдите в них изобразительно-выразительные средства, объясните, как вы их определяете.*
- 4. Что именно хотели подчеркнуть в своих стихотворениях М.Цветаева и Б.Вагабзаде?*
- 5. Выучителюбившиеся стихотворения наизусть.*
- 6. Напишите сочинение о величавости Кавказа, используя стихотворения А.С.Пушкина, М.Мушфика, Б.Вагабзаде.*
- 7. Попробуйте нарисовать какую-либо картину природы из понравившегося стихотворения.*
- 8. Составьте синквейн по материалам пройденных стихотворений с опорным словом **ПРИРОДА**.*

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Понятие о рассказе

Рассказ – один из жанров эпической литературы, малая её форма. Это прозаическое художественное произведение, посвящённое обычно отдельному событию в жизни человека, без детального изображения того, что с ним было до и после этого.

Рассказы писали И.С.Тургенев, Л.Н.Толстой, А.П.Чехов, А.Шаиг, С.С.Ахундов, Дж.Мамедкулизаде и др.

Искусство писателя состоит в том, что он в кратком эпизоде раскрывает существенные, типические черты жизни человека.

Повествование в рассказе ведётся от первого лица или от третьего.

Часто героям рассказов приходится выступать в роли рассказчика, своего рода автора произведения.

Новелла – это небольшой рассказ, который отличается от обычного рассказа оригинальностью и остротой повествования, с чётким построением и неожиданной концовкой. Как и рассказ, новелла является малым эпическим жанром. Новелла иногда обращается к фантастическим событиям, но чаще в ней рассказывается об интересных событиях в жизни людей.

Новеллы писали Н.В.Гоголь, А.М.Горький, А.П.Чехов и др.

Очерк – это жанр художественной прозы. Обычно в основе очерка лежат реальные события, происходящие с живыми людьми, часто современниками писателей. Повествуя о действительных событиях и людях, писатель обобщает, домысливает, преувеличивает.

К жанру очерка обращались Л.Н.Толстой, К.Паустовский и другие писатели.

СИМОН МАРКИШ

(1931 – 2003)

ПОХИЩЕНИЕ ОГНЯ
(Древнегреческий миф)

На этот раз Прометей провидел¹ всё, словно не было у него неразлучного брата-близнеца Эпиметея,

¹ Провидеть – предвидеть, видеть и знать наперед, по соображению, по догадкам, или видеть в духе, в ясновидении, или силою высшею, всеведением; прозревать, подразумевать, проникать в скрытое, тайное, будущее.

Крепкого Задним Умом. Он провидел неистовую злобу Зевса и наказание, которое его ожидает. Но он провидел и то, что наказание постигнет его не сразу, что Зевс будет медлить годы, а может, и столетия, откладывая месть и казнь, чтобы сломить дух Прометея страхом ожидания. Напрасные надежды! Эти годы, — а если посчастливится, то столетия, — пройдут не в жалких страхах, а в непрестанной работе. Он сделается учителем человечества, он уплатит свой долг сполна, до конца.

Он провидел и будущие свои муки, но не давал страху власти над собою. Настанет срок — и он не сможет думать ни о чём, кроме собственных мук, но что пользы думать? Нет, они неотвратимы! Но и спасение от мук придёт, придёт непременно! Каким оно будет, кто его принесёт и когда, Прометей не знал, но что оно придёт, знал наверное. И это помогало забыть до поры о казни.

Итак, надо достать огонь. Но Зевс крепко его караулит, опасаясь новых хитростей Иапетова¹ сына. Ничего не стоит, конечно, унести уголёк из горна в мастерской божественного кузнеца Гефеста². Гефест — друг Прометея, в глубине души он тоже не одобряет жестокости Зевса и жалеет людей. Но огонь из кузницы Гефеста — не божественный, а

обыкновенный, Прометею же необходим божественный, чтобы, вспыхнув, он уже не утасал никогда, чтобы он не только грел руки и спины, но разжигал души любовью к свету, к знанию. Такой огонь горел в очаге самого Зевса и нигде больше, а Зевс строго-настрого запретил обманщику Прометею появляться у него во дворце.

Прометей попросил помощи у Афины³, любимой дочери громовержца. Разумеется, он не открыл Афине, зачем хочет тайно проникнуть в дом её отца. Он сказал, будто мечтает взглянуть на новых прислужников Зевса, которых выковал ему из золота искусник Гефест. Гефест

¹ Иапёт (мифол.) — один из титанов, отец Прометея, родоначальник людей.

² Гефэст — в греч. миф. бог огня, покровитель кузнечного ремесла, сын Зевса и Геры, брат Аполлона, Афины и Гебы.

³ Афина — в греч. мифологии богиня войны, дочь Зевса и Геры.

уверял, что в домашних службах они расторопнее смертных и даже бессмертных: пол метут — ни соринки не пропустят, обносят гостей нектаром — питьем богов — ни капли не прольют.

И Афина, не заподозрив ничего дурного, прикрыла старого своего друга краем щита, и он, никем не замеченный, проскользнул в двери. Дальше он двинулся следом за богиней и, проходя мимо очага, на мгновение сунул в пламя стебелек нартекса¹: его сердцевина загорается легко, а тлеет очень долго, так что огонь оказывается словно бы запрятанным в футляр. Афина ничего не заметила и продол-

жала водить гостя по пустому дому. Показав ему, как ловко справляются со своим делом золотые прислужники, она снова укрыла Прометея за своим щитом и вывела наружу. К слову сказать, привратник² тоже был золотой и тоже вышел из рук Гефеста.

Люди учатся быть людьми

Людям на первых порах доставили немало хлопот свет и жар, принесённые с небес. Ведь в прежние времена огни никогда не гасли, они были таким же даром богов, как солнечное тепло, или прохладные воды ручья, или тень широколистного платана в полуденный час, — таким же щедрым и неиссякающим. А теперь оказалось, что огонь ненасытно прожорлив, что его надо без конца кормить, а не то он зачахнет, погибнет. Оказалось, что он не только греет, но и жжёт, что если за ним не следить, он вырывается на волю, и тогда из друга обратится в заклятого врага. Но зато дружба с ним приносила всё новые и новые плоды; оказалось, что без огня нельзя обойтись ни в одном из новых дел и занятий, которым учил Прометей.

Сказать по правде, новым было любое дело и любое занятие, потому что прежде люди вообще не трудились. Прометей учил их всему. Он умирил диких быков, запряг их в ярмо и первой сохой провёл первую борозду на первой пашне. Он

¹ Нартэкс — стебель зонтичного растения.

² Привратник — прислуга.

посеял, убрал и обмолотил хлеб, а потом пустил пал¹ по жнивью², чтобы зола удобрила землю для следующего посева.

Он вывёл людей из пещер, где они ютились, словно кроты или муравьи, и построил первые дома из брёвен, камней и кирпича.

Он добыл скрытые в горах руды и впервые выплавил железо, медь и серебро. Он поставил первую кузницу и выковал первые гвозди и ножи, топоры, крюки и скобы.

Он смастерил гончарный круг и сделал первые чашки, блюда, кувшины, а потом обжёг их в особой, нарочно для этого вырытой яме, и глина стала звонкой, твёрдой и прочной.

Он заложил коней в первую телегу и спустил на воду первый корабль, и поднял первый парус.

Он научил людей распознавать приметы осени и весны, лета и зимы, чтобы они трудились не без толку, а вовремя выходили в поле и вовремя собирали урожай в житницы. Он изобрёл для них важнейшую из наук – науку счёта, изобрёл буквы и искусство письма.

Он научил людей лечить болезни, открыл им целительные травы, мази и настойки, показал, как вправить вывихнутую руку, перевязать рану, соединить сломанную кость.

Он научил людей гадать о будущем по полёту хищных птиц, по сновидениям, по звёздам и воздвигнул первые храмы в честь бессмертных богов.

Всё перечислить невозможно, а главное, и нужды нет, потому что все искусства, все ремёсла и сноровки у людей от Прометея, все – от первого до последнего!

Не одну сотню лет, поколение за поколением, просвещал смертных бессмертный титан Прометей. А что же Зевс? Неужели он так и тайл про себя свою ярость? Нет, но гнев его сперва обрушился на людей и лишь под конец – на хитроумного их наставника.

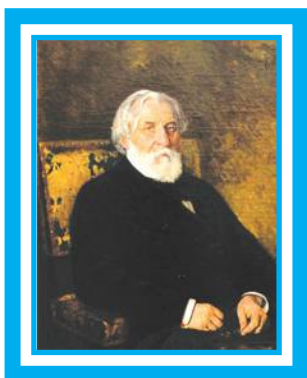
¹ Пал – пожар, огонь.

² Жнивье – стерня, нижняя часть стеблей зерновых культур, оставшаяся на корню после уборки урожая.

Вопросы и задания

1. Чему научил Прометей людей? Подтвердите своё мнение чтением отрывков из рассказа.
2. Оцените поступок Прометея. Правильно ли он сделал, похитив божественный огонь? Объясните своё мнение.
3. Что изменилось в жизни людей, после того как Прометей просветил их?
4. Составьте план, в котором будет отражена характеристика Прометея.
5. Перескажите текст. При пересказе можете цитировать текст.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ

(1818 – 1883)

МУМУ (в сокращении)

В одной из отдалённых улиц Москвы, в сером доме с белыми колоннами, антресолю и покривившимся балконом, жила некогда барыня, вдова, окружённая многочисленною дворней.

Сыновья её служили в Петербурге, дочери вышли замуж; она выезжала редко и уединённо доживала последние годы своей скупой и скучающей старости. День её, нерадостный и ненастный, давно прошёл; но и вечер её был чернее ночи.

Из числа всей её челяди самым замечательным лицом был дворник Герасим, мужчина двенадцати вершков роста, сложенный богатырём и глухонемой от рождения. Барыня взяла его из деревни, где он жил один, в небольшой избушке, отдельно от братьев, и считался едва ли не самым исправным тягловым мужиком. Одарённый необычайной силой, он работал за

четверых — дело спорилось в его руках, и весело было смотреть на него, когда он либо пахал и, налегая огромными ладонями на соху¹, казалось, один, без помощи лошадёнки, взрезывал упругую грудь земли, либо о Петров день так сокрушительно действовал косой, что хоть бы молодой берёзовый лесок смахивать с корней долой, либо проворно и безостановочно молотил трёхаршинным цепом, и как рычаг опускались и поднимались продолговатые и твёрдые мышцы его плечей. Постоянное безмолвие придавало торжественную важность его неистовой работе. Славный он был мужик, и не будь его несчастье, всякая девка охотно пошла бы за него замуж... Но вот Герасима привезли в Москву, купили ему сапоги, сшили кафтан² на лето, на зиму тулуп, дали ему в руки метлу и лопату и определили его дворником.

Крепко не полюбилось ему сначала его новое житьё. С детства привык он к полевым работам, к деревенскому быту. Отчуждённый несчастьем своим от сообщества людей, он вырос немой и могучий, как дерево растёт на плодородной земле...

Переселённый в город, он не понимал, что с ним такое делается, — скучал и недоумевал, как недоумевает молодой, здоровый бык, которого только что взяли с нивы, где сочная трава росла ему по брюхо, — взяли, поставили на вагон железной дороги — и вот, обдавая его тучное тело то дымом с искрами, то волнистым паром, мчат его теперь, мчат со стуком и визгом, а куда мчат — Бог весть! Занятия Герасима по новой его должности казались ему шуткой после тяжких крестьянских работ; в полчаса всё у него было готово, и он опять то останавливался посреди двора и глядел, разинув рот, на всех проходящих, как бы желая добиться от них решения загадочного своего положения, то вдруг уходил куда-нибудь в уголок и, далеко швырнув метлу и лопату, бросался на землю лицом и целые часы лежал на груди неподвижно, как пойманный зверь.

Но ко всему привыкает человек, и Герасим привык наконец к городскому житью. Дела у него было немного; вся обязанность его состояла в том, чтобы двор содержать в чистоте, два раза в день привезти бочку с водой, натаскать и наколоть дров для кухни и дома, да чужих не пускать и по ночам караулить. И надо сказать, усердно исполнял он свою обязанность: на дворе у него никогда ни щепок не валялось, ни сору; застрянет ли в грязную пору где-нибудь с бочкой отданная под его начальство разбитая водовозка, он только двинет

¹ Соха — орудие труда для вспашки земли.

² Кафта́н — старинная мужская верхняя одежда.

плечом — не только телегу, сам лошадь спихнёт с места; дрова ли примется колоть, топор так и звенит у него, как стекло, и летят во все стороны осколки и поленья; а что насчёт чужих, так после того, как он однажды ночью, поймав двух воров, стукнул их друг о дружку лбами, да так стукнул, что хоть в полицию их потом не води, все в околотке очень стали уважать его; даже днём проходившие, вовсе уже не мошенники, а просто незнакомые люди при виде грозного дворника отмахивались и кричали на него, как будто он мог слышать их крики.

Со всей остальной челядью Герасим находился в отношениях не то чтобы приятельских — они его побаивались, — а коротких: он считал их за своих. Они с ним объяснялись знаками, и он их понимал, в точности исполняя все приказания, но права свои тоже знал, и уже никто не смел садиться на его место в застолье¹.

Вообще Герасим был нрава строгого и серьёзного, любил во всём порядок; даже петухи при нём не смели драться, — а то беда! Увидит, тотчас схватит за ноги, повертит раз десять на воздухе колесом и бросит врозь. На дворе у барыни водились тоже гуси; но гусь, известно, птица важная и рассудительная; Герасим чувствовал к ним уважение, ходил за ними и кормил их; он сам смахивал на степенного гусака.

Ему отвели над кухней каморку; он устроил её себе сам, по своему вкусу, соорудил в ней кровать из дубовых досок на четырёх чурбанах, — истинно богатырскую кровать; сто пудов² можно было положить на неё — не погнулась бы; под кроватью находился сундук; в уголку стоял столик такого же крепкого свойства, а возле столика — стул на трёх ножках, да такой прочный и приземистый, что сам Герасим, бывало, поднимет его, уронит и ухмыльнётся. Каморка запиралась на замок, напоминавший своим видом калач, только чёрный; ключ от этого замка Герасим всегда носил с собой на пояске. Он не любил, чтобы к нему ходили.

Так прошёл год, по окончании которого с Герасимом случилось небольшое происшествие.

Старая барыня, у которой он жил в дворниках, во всём следовала древним обычаям и прислугу держала многочисленную; в доме у ней находились не только прачки, швеи, столяры, портные и портнихи, — был даже один шорник³, он же считался ветеринарным врачом и лекарем для людей, был

¹ Застóлица — здесь: во время обеда.

² Пуд — 16 кг. Сто пудов *здесь*: — очень много.

³ Шóрник — ремесленник, изготавливающий лошадиную упряжь.

домашний лекарь для госпожи, был, наконец, один башмачник, по имени Капитон Климов, пьяница горький. Вот зашла однажды о нём речь у барыни с её главным дворецким, Гаврилой, человеком, которому, судя по одним его жёлтым глазкам и утиному носу, сама судьба, казалось, определила быть начальствующим лицом. Барыня сожалела об испорченной нравственности Капитона, которого накануне только что отыскали где-то на улице.

— А что, Гаврила, — заговорила вдруг она, — не женить ли нам его, как ты думаешь? Может он остепенится.

— Отчего же не женить-с? Можно-с, — ответил Гаврила, — и очень даже будет хорошо-с.

— Да; только кто ж за него пойдёт?

— Конечно-с. А впрочем, как вам будет угодно-с. Всё же он, так сказать, на что-нибудь может быть потребен; из десятка его не выкинешь.

— Кажется, ему Татьяна нравится?

Гаврила хотел было что-то возразить, да сжал губы.

— Да!.. пусть посватает Татьяну, — решила барыня, с удовольствием понюхивая табачок, — слышишь?

— Слушаю-с, — произнёс Гаврила и удалился.

Возвратясь в свою комнату (она находилась во флигеле¹ и была почти вся загромождена коваными сундуками), Гаврила сперва выслал вон свою жену, а потом подсел к окну и задумался. Неожиданное распоряжение барыни его, видимо, озадачило. Наконец он встал и велел кликнуть Капитона. Капитон явился... Но прежде чем мы передадим читателям их разговор, считаем нелишним рассказать в немногих словах, кто была эта Татьяна, на которой приходилось Капитону жениться, и почему повеление барыни смутило дворецкого.

Татьяна, состоявшая в должности прачки (впрочем, ей, как искусной и учёной прачке, поручалось одно тонкое бельё), была женщина лет двадцати восьми, маленькая, худая, белокурая, с родинками на левой щеке... Татьяна не могла похвалиться своей участью. С ранней молодости её держали в чёрном теле;

¹ Флигель — жилая пристройка к главному зданию.

работала она за двоих, а ласки никакой никогда не видала; одевали её плохо, жалованье она получала самое маленькое; родни у ней всё равно что не было: один какой-то старый ключник, оставленный за негодностью в деревне, доводился ей дядей да другие дядья у ней в мужиках состояли, — вот и всё. Когда-то она слыла красавицей, но красота с неё очень скоро соскочила. Права она была весьма смиренного или, лучше сказать, запуганного, к самой себе она чувствовала полное равнодушие, других боялась смертельно; думала только о том, как бы работу к сроку кончить, никогда ни с кем не говорила и трепетала при одном имени барыни, хотя та её почти в глаза не знала.

Когда Герасима привезли из деревни, она чуть не обмерла от ужаса при виде его громадной фигуры, всячески старалась не встречаться с ним, даже жмурилась, бывало, когда ей случалось пробежать мимо него, спеша из дому в прачечную. Герасим сперва не обращал на неё особенного внимания, потом стал посмеиваться, когда она ему попадалась, потом и заглядываться на неё начал, наконец, и вовсе глаз с неё не спускал. Полюбилась она ему; кротким ли выражением лица, робостью ли движений — Бог знает!

Вот однажды пробиралась она по двору, осторожно поднимая на растопыренных пальцах накрахмаленную барынину кофту... кто-то вдруг сильно схватил её за локоть; она обернулась и так и вскрикнула: за ней стоял Герасим. Глупо смеясь и ласково мыча, протягивал он ей пряничного петушка, с сусальным золотом на хвосте и крыльях. Она было хотела отказаться, но он насильно впихнул его ей прямо в руку, покачал головой, пошёл прочь и, обернувшись, ещё раз промычал ей что-то очень дружелюбное. С того дня он уж ей не давал покоя: куда, бывало, она ни пойдёт, он уж тут как тут, идёт ей навстречу, улыбается, мычит, машет руками, ленту вдруг вытащит из-за пазухи и всучит ей, метлой перед ней пыль расчистит.

Бедная девка просто не знала, как ей быть и что делать. Скоро весь дом узнал о проделках немого дворника; насмешки, прибауточки, колкие словечки посыпались на Татьяну. Над Герасимом, однако, глумиться¹ не все решались: он шуток не любил; да и её при нём оставляли в покое. Рада не рада, а попала девка под его покровительство.

Как все глухонемые, он очень был догадлив и очень хорошо понимал, когда над ним или над ней смеялись.

¹ Глумиться — издеваться над кем-то.

Однажды за обедом кастелянша¹, начальница Татьяны, принялась её, как говорится, шпынять и до того её довела, что та, бедная, не знала куда глаза деть и чуть не плакала с досады. Герасим вдруг приподнялся, протянул свою огромную ручищу, наложил её на голову кастелянши и с такой угрюмой свирепостью посмотрел ей в лицо, что та так и пригнулась к столу. Все умолкли. Герасим снова взялся за ложку и продолжал хлебать щи. “Вишь, глухой чёрт, леший!” – пробормотали все вполголоса, а кастелянша встала да ушла в девичью, где тотчас упала в обморок.

А то в другой раз, заметив, что Капитон, тот самый Капитон, о котором сейчас шла речь, как-то слишком любезно раскалякался с Татьяной, Герасим подозвал его к себе пальцем, отвёл в каретный сарай да, ухватив за конец стоявшее в углу дышло², слегка, но многозначительно погрозил ему им. С тех пор уж никто не заговаривал с Татьяной.

И всё это ему сходило с рук.

Герасим собирался уже отправиться к барыне с просьбой, не позволит ли она ему жениться на Татьяне. Он только ждал нового кафтана, обещанного ему дворецким, как вдруг барыне пришла в голову мысль выдать Татьяну за Капитона...

Появление Капитона прервало нить Гаврилиных размышлений.

Гаврила посмотрел на Капитона и застучал пальцами по косяку окна. Капитон только прищурил немного свои оловянные глазки, но не опустил их, даже усмехнулся слегка и провёл рукой по своим белесоватым волосам, которые так и ерошились во все стороны. “Ну да, я, мол, я. Чего глядишь?”

– Хорош, – Хорош, нечего сказать!

Капитон только плечиками передёрнул. “А ты небось лучше?” – подумал он про себя.

– Ну, посмотри на себя, ну, посмотри, – продолжал с укоризной Гаврила, – ну, на кого ты похож?

– Ведь вот ты опять пьян был, – начал Гаврила, – ведь опять? А? ну, отвечай же.

– По слабости здоровья спиртным напиткам подвергался действительно, – возразил Капитон.

– По слабости здоровья!... Мало тебя наказывают – вот что; а в Питере ещё был в ученье... Многому ты выучился в ученье! Только хлеб даром ешь.

¹ Кастелянша – женщина, которая ведала барским бельём.

² Дышло – толстая оглобля для лошадиной повозки, длинная тяжёлая палка.

– В этом случае, Гаврила Андреевич, один мне судья, – сам Господь Бог, и больше никто. Тот один знает, каков я человек на сём свете суть и точно ли даром хлеб ем. А что касается в соображении до пьянства, то и в этом случае виноват не я, а более один товарищ; сам же меня он сманул, да и сполитиковал, ушёл то есть, а я ...

– А ты остался, гусь, на улице. Ах ты забубённый¹ человек! Ну, да дело не в том, – продолжал дворецкий, – а вот что. Барыне... – тут он помолчал, – барыне угодно, чтоб ты женился. Слышишь? Оне палагают, что ты остепенишься, женившись. Понимаешь?

– Как не понимать-с.

– Ну да. По-моему, лучше бы тебя хорошенько в руки взять. Ну, да это уж их дело. Что ж? Ты согласен?

Капитон ослабилсЯ.

– Женитьба – дело хорошее для человека, Гаврила Андреевич; и я, со своей стороны, с очень моим приятным удовольствием.

– Ну, да, – возразил Гаврила и подумал про себя: “Нечего сказать, аккуратно говорит человек”. – Только вот что, – продолжал он вслух, – невесту-то тебе приискали неладную.

– А какую позвольте полюбопытствовать?...

– Татьяну.

– Татьяну?

И Капитон вытаращил глаза и отделился от стены.

– Ну чего ж ты всполохнулся?... Разве она тебе не по нраву?

– Какое не по нраву, Гаврила Андреич! Девка она ничего, работница, смирная девка... Да ведь вы сами знаете, Гаврила Андреич, ведь тот-то, леший, кикимора-то степная, ведь он за ней...

– Знаю, брат, всё знаю, – с досадой прервал его дворецкий, – да ведь...

– Да помилуйте, Гаврила Андреич! Ведь он меня убьёт, как муху какую-нибудь прихлопнет; ведь у него рука... Конечно, мне теперь уже всё нипочём: обдержался, обтерпелся человек, обмаслился, как коломенский горшок, – всё же я, однако, человек, а не какой-нибудь в самом деле ничтожный горшок.

– Знаю, знаю, не расписывай...

– Господи Боже мой! – с жаром продолжал башмачник, – когда же конец? когда, Господи! Горемыка я, горемыка неисходная!

¹ Забубённый – отчаянный, разгульный человек.

– Эх ты, мочальная душа, – проговорил Гаврила. – Чего распространяешься, право!

– Как чего, Гаврила Андреич! Не побоев я боюсь, Гаврила Андреич. Накажи меня господин в стенах, да подай мне при людях приветствие, и всё я в числе человеков, а тут ведь от кого приходится...

– Ну пошёл вон, – нетерпеливо перебил его Гаврила.

Капитон отвернулся и поплёлся вон.

– А положим его бы не было, – крикнул ему вслед дворецкий, – ты-то сам согласен?

– Изъявляю, – возразил Капитон и удалился.

Красноречие его не покидало даже в крайних случаях.

Дворецкий несколько раз прошёлся по комнате.

– Ну, позовите теперь Татьяну, – промолвил он наконец.

Через несколько мгновений Татьяна вошла чуть слышно и остановилась у порога.

– Что прикажете, Гаврила Андреич? – проговорила она тихим голосом.

Дворецкий пристально посмотрел на неё.

– Ну, – промолвил он, – Танюша, хочешь замуж идти? Барыня тебе жениха сыскала.

– Слушаю, Гаврила Андреич. А кого они мне в женихи назначают? – прибавила она с нерешительностью.

– Капитона, башмачника.

– Слушаю-с.

– Он легкомысленный человек – это точно. Но госпожа в этом случае на тебя надеется. Одна беда... ведь этот глухарь-то, Гераська, он за тобой ухаживает. Ну, хорошо, – прибавил он, – мы ещё поговорим с тобой, а теперь ступай, Танюша.

Татьяна повернулась, оперлась легонько о притолку и ушла.

“А ведь может быть, барыня-то завтра забудет об этой свадьбе, – подумал дворецкий, – я-то из чего растревожился?”

А барыню так заняла мысль о Капитоновой свадьбе, что она даже ночью только об этом разговаривала с одной из своих компаньенок, которая держалась у ней в доме единственно на случай бессоницы и, как ночной извозчик, спала днём. Когда Гаврила вошёл к ней после чаю с докладом, первым её вопросом было: а что наша свадьба, идёт? Он, разумеется, отвечал, что идёт как нельзя лучше и что Капитон сегодня же к ней явится с поклоном, а возвратившись к себе в комнату, созвал совет. Дело требовало особенного обсуждения. Думали, думали и выдумали наконец. Неоднократно было замечено, что Герасим терпеть не мог пьяниц... Сидя за воротами, он

всякий раз, бывало, с негодованием отворачивался, когда мимо него неверными шагами и с козырьком фуражки на ухе проходил какой-нибудь нагруженный человек. Решили научить Татьяну, чтобы она притворилась хмельной и прошла бы, пошатываясь и покачиваясь, мимо Герасима.

Хитрость удалась как нельзя лучше. Увидев Татьяну, он сперва, по обыкновению, с ласковым мычанием закивал головой; потом взгляделся, уронил лопату, вскочил, подошёл к ней, придвинул своё лицо к самому её лицу... Она от страха ещё более зашаталась и закрыла глаза... Он схватил её за руку, помчал через весь двор и, войдя с ней в комнату, толкнул её прямо к Капитону. Татьяна так и обмерла... Герасим постоял поглядел на неё, махнул рукой, усмехнулся и пошёл, тяжело ступая, в свою каморку...

Когда же на другой день Герасим вышел из каморки, в нём особенной перемены нельзя было заметить. Он только стал как будто поугрюмее, а на Татьяну и на Капитона не обращал ни малейшего внимания. В самый день свадьбы Герасим не изменил своего поведения ни в чём; только с реки он приехал без воды.

Всё это произошло весною. Прошёл год, в течение которого Капитон окончательно спился и, как человек решительно никуда не годный, был отправлен с обозом в дальнюю деревню вместе со своею женой. В день отъезда Герасим вышел из своей каморки, приблизился к Татьяне и подарил ей на память красный бумажный платок... Он хотел проводить её до заставы и пошёл сперва с телегой, но вдруг остановился на Крымском броду, махнул рукой и отправился вдоль реки.

Дело было к вечеру. Он шёл тихо и глядел на воду. Вдруг ему показалось, что что-то барахтается в тине у самого берега. Он нагнулся и увидел небольшого щенка, белого с чёрными пятнами, который, несмотря на все свои старания, никак не мог вылезти из воды, бился, скользил и дрожал всем своим мокреньким и худеньким телом. Герасим поглядел на несчастную собачонку, подхватил её одной рукой, сунул к себе за пазуху и пустился большими шагами домой. Он вошёл в свою каморку, уложил спасённого щенка на кровати, прикрыл его своим тяжёлым армяком¹, сбегал сперва в конюшню за соломой, потом в кухню за чашечкой молока. Осторожно откинув армяк и разостлав солому, поставил он молоко на кровать. Бедной собачонке было всего недели три, глаза у ней прорезались недавно; один глаз даже казался немножко боль-

¹ Армяк — крестьянская старинная верхняя одежда из толстого сукна в виде халата.

ше другого; она ещё не умела пить из чашки и только дрожала и щурилась. Герасим взял её легонько двумя пальцами за голову и принагнул её мордочку к молоку. Собачка вдруг начала пить с жадностью, фыркая, трясясь и захлёбываясь. Герасим глядел, глядел да как засмеётся вдруг... Всю ночь он возился с ней, укладывал её, обтирал и заснул наконец сам возле неё каким-то радостным и тихим сном.

Ни одна мать так не ухаживает за своим ребёнком, как ухаживал Герасим за своей питомицей. Она страстно привязалась к Герасиму и не отставала от него ни на шаг, всё ходила за ним, повиливая хвостиком. Он и кличку ей дал – немые знают, что мычание их обращает на себя внимание других, – он назвал её Муму.

В господский дом Муму не ходила и, когда Герасим носил в комнаты дрова, всегда оставалась назади и нетерпеливо выжидала его у крыльца, наострив уши и поворачивая голову то направо, то вдруг налево, при малейшем стуке за дверями...

Так прошёл ещё год. Герасим продолжал свои дворнические занятия и очень был доволен своей судьбой, как вдруг произошло одно неожиданное обстоятельство...

В один прекрасный летний день барыня со своими приживалками расхаживала по гостинной. Она была в духе, смеялась и шутила.

Со сладкой улыбкой на сморщенных губах гуляла барыня по гостинной и подошла к окну. Перед окном был разбит палисадник, и на самой средней клумбе, под розовым кусточком, лежала Муму и тщательно грызла кость. Барыня увидела её.

– Боже мой! – воскликнула она вдруг, – что это за собака?

Приживалка, к которой обратилась барыня, заметалась, бедненькая, с тем тоскливым беспокойством, которое обыкновенно овладевает подвластным человеком, когда он ещё не знает хорошенько, как ему понять восклицание начальника.

– Н...н...е знаю-с, – пробормотала она, – кажется, немого.

– Боже мой! – прервала барыня, – да она премиленькая собачка! Велите её привести. Давно она у него? Как же это я её не видала до сих пор?... Велите её привести.

Приживалка тотчас порхнула в переднюю.

– Человек, человек! – закричала она, – приведите поскорей Муму! Она в палисаднике.

– А её Муму зовут, – промолвила барыня, – очень хорошее имя.

– Ах, очень-с! – возразила приживалка. – Скорей, Степан!

Степан принёс её в гостиную и поставил на паркет. Барыня начала её ласковым голосом подзывать к себе.

– Ах, какая же ты! – промолвила барыня, подходя к ней, нагнулась и хотела погладить её, но Муму судорожно повернула голову и оскалила зубы. Барыня проворно отдернула руку...

Произошло мгновенное молчание.

– Отнесите её вон, – проговорила изменившимся голосом старуха. – Скверная собачонка! Какая она злая! ..

Степан, уловив удобное мгновение, внезапно бросился на неё, как коршун на цыплёнка, придавил её грудью к земле, сгрёб в охапку и, не надев даже картуза, выбежал с нею на двор, сел на первого попавшего извозчика и поскакал в Охотный ряд. Там он скоро отыскал покупателя, которому уступил её за полтинник, с тем только, чтобы он по крайней мере неделю подержал её на привязи, и тотчас вернулся.

Впрочем, его беспокойство было напрасно: Герасима уже не было на дворе. Выйдя из дому, он тотчас хватился Муму; он ещё не помнил, чтобы она когда-нибудь не дождалась его возвращения, стал повсюду бегать, искать её, кликать по-своему... бросился в свою каморку, на сеновал, выскочил на улицу туда-сюда... Пропала! Он обратился к людям, с самыми отчаянными знаками спрашивал о ней, показывая на поларшина от земли, рисовал её руками... Иные точно не знали, куда девалась Муму, и только головами качали, другие знали и посмеивались ему в ответ, а дворецкий принял чрезвычайно важный вид и начал кричать на кучеров. Тогда Герасим побежал со двора долой.

Настала ночь, лунная, ясная. Тяжело вздыхая и беспрестанно поворачиваясь, лежал Герасим на сеновале и вдруг почувствовал, как будто его дёргают за полу; он весь затрепетал, однако не поднял головы, даже зажмурился; но вот опять его дёрнули, сильнее прежнего; он вскочил... перед ним, с обрывком на шее, вертелась Муму. Протяжный крик

радости вырвался из его безмолвной груди; он схватил Муму, стиснул её в своих объятиях; она в одно мгновение облизала ему нос, глаза, усы и бороду... Он постоял, подумал, осторожно слез с сеника, оглянулся и, удостоверившись, что никто его не увидит, благополучно пробрался в свою каморку.

Никогда немой так не усердствовал, как в тот день: вычистил и выскреб весь двор, выполол все травки до единой, собственноручно повыдергал все колышки в заборе палисадника, чтобы удостовериться, довольно ли они крепки, и сам же их потом вколотил, — словом, возился и хлопотал так, что даже барыня обратила внимание на его радение. В течение дня Герасим раза два украдкой ходил к своей затворнице; когда же наступила ночь, он лёг спать вместе с ней, а во втором часу вышел погулять с ней на чистом воздухе. Походив с ней довольно долго по двору, он уже было, собиравшись вернуться, как вдруг за забором, со стороны переулка, раздался шорох. Муму наострила уши, зарычала, подошла к забору, понюхала и залилась громким и пронзительным лаем. Какой-то пьяный человек вздумал там угнездиться на ночь. В это самое время барыня только что засыпала после продолжительного “нервического волнения”: эти волнения у неё всегда случались после слишком сытного ужина. Внезапный лай её разбудил; сердце у ней забилося и замерло “..Собака, опять собака! Ох!” — и она закинула голову назад, что должно было означать обморок.

Между тем несчастная Муму продолжала лаять, а Герасим напрасно старался отозвать её от забора, затем схватил Муму под мышку, вбежал в коморку и заперся. Через некоторое время пять человек ломились в его дверь, но, почувствовав сопротивление засова, остановились... На следующий день целая толпа людей направилась к каморке Герасима.

Герасим неподвижно стоял на пороге. Герасим глядел на всех этих людишек в немецких кафтанах сверху, слегка уперши руки в бока; в своей красной крестьянской рубашке он казался каким-то великаном перед ними. Гаврила сделал шаг вперёд.

— Смотри, брат, — промолвил он, — у меня не озорничай.

И он начал ему объяснять знаками, что барыня, мол, непременно требует твоей собаки: подавай, мол, её сейчас, а то беда будет.

Герасим посмотрел на него, указал на собаку, сделал знак рукою у своей шеи, как бы затягивая петлю, и с вопросительным лицом взглянул на дворецкого.

— Да, да, — кивнул тот головой, — да, непременно.

Герасим опустил глаза, потом вдруг встряхнулся, опять указал на Муму, которая всё время стояла возле него, невинно пома-

хивая хвостом и с любопытством поводя ушами, повторил знак удушения над своей шеей и значительно ударил себя в грудь, как бы объявляя, что он сам берёт на себя уничтожить Муму.

Спустя час после всей этой тревоги дверь каморки растворилась, и показался Герасим. На нём был праздничный кафтан; он вёл Муму на верёвочке.

В трактире знали Герасима и понимали его знаки. Он спросил себе щей с мясом и сел, опершись руками на стол. Муму стояла подле его стула, спокойно поглядывая на него своими умными глазами. Шерсть на ней так и лоснилась: видно было, что её недавно вычесали. Принесли Герасиму щей. Он накрошил туда хлеба, мелко изрубил мясо и поставил тарелку на пол. Муму принялась есть с обычной своей вежливостью, едва прикасаясь мордочкой до кушанья. Герасим долго глядел на неё; две тяжёлые слезы выкатились вдруг из его глаз: одна упала на крутой лобик собачки, другая во щи. Он заслонил лицо своей рукой. Муму съела полтарелки и отошла, облизываясь. Герасим встал, заплатил за щи и вышел вон, сопровождаемый несколько недоумевающим взглядом полового.

Герасим шёл не торопясь и не спускал Муму с верёвочки. Дойдя до угла улицы, он остановился, как бы в раздумье, и вдруг быстрыми шагами отправился прямо к Крымскому броду. На дороге он зашёл на двор дома, к которому пристраивался флигель, и вынес оттуда два кирпича под мышкой.

От Крымского брода он повернул по берегу, дошёл до одного места, где стояли две лодочки с вёслами, привязанными к колышкам (он уже заметил их прежде), и вскочил в одну из них вместе с Муму.

...Вот уже Москва осталась позади. Вот уже потянулись по берегам луга, огороды, поля, рощи, показались избы. Повеяло деревней. Он бросил вёсла, приник головой к Муму, которая сидела перед ним на сухой перекладинке: дно было залито водой, – и остался недвижимым, скрестив могучие руки у ней на спине, между тем как лодку волной помаленьку относило назад к городу.

Наконец Герасим выпрямился, поспешно, с каким-то болезненным озлоблением в лице, окутал верёвкой взятые им кир-

пичи, приделал петлю, надел её на шею Муму, поднял её над рекой, в последний раз посмотрел на неё... Она доверчиво и без страха поглядывала на него и слегка махала хвостиком. Он отвернулся, зажмурился и разжал руки... Герасим ничего

не слышал: ни быстрого визга падающей Муму, ни тяжёлого всплеска воды; для него самый шумный день был безмолвен и беззвучен, как ни одна самая тихая ночь не беззвучна для нас, и когда он снова раскрыл глаза, по-прежнему спешили по реке, как бы гоняясь друг за дружкой, маленькие волны, по-прежнему поплёскивали они о бока лодки, и только далеко назади к берегу разбегались какие-то широкие круги.

...По Т...у шоссе усердно и безостановочно шагал какой-то великан, с мешком за плечами и с длинной палкой в руках. Это был Герасим. Он спешил без оглядки, спешил домой, к себе в деревню, на родину. Утопив бедную Муму, он прибежал в свою каморку, проворно уложил кое-какие пожитки в старую попону, связал её узлом, взвалил на плечо да и был таков. Дорогу он хорошо заметил ещё тогда, когда его везли в Москву; деревня, из которой барыня его взяла, лежала всего в двадцати пяти верстах от шоссе.

Только что наступившая летняя ночь была тиха и тепла; с одной стороны, там, где солнце закатилось, край неба ещё белел и слабо румянился последним отблеском исчезавшего дня, — с другой стороны, уже вздымался синий, седой сумрак. Ночь шла оттуда. Перепела сотнями гремели кругом, взапуски перекликались коростели... Герасим не мог их слышать, не мог он слышать также чуткого ночного шушуканья деревьев, мимо которых его проносили сильные его ноги, но он чувствовал знакомый запах поспевающей ржи, которым так и веяло с тёмных полей, чувствовал, как ветер, летевший ему навстречу, — ветер с родины, — ласково ударял в его лицо, играл в его волосах и бороде; видел перед собой белеющую дорогу домой, прямую как стрела; видел в небе несчётные звёзды, светившие ему в пути, и как лев выступал сильно и бодро, так что когда восходящее солнце озарило своими влажно-красными лучами только что расходившегося молодца, между Москвой и им легло уже тридцать пять вёрст...

Через два дня он уже был дома, в своей избёнке... А в Москве, на другой день после побега Герасима, спохватились. Пошли в каморку, обшарили её, сказали Гавриле. Дали знать полиции, доложили барыне. Барыня разгневалась, велела отыскать его во что бы то ни стало, уверяла, что она никогда не приказывала уничтожить собаку...

Вопросы и задания

- 1. Нарисуйте словесные портреты барыни, Герасима.*
- 2. Читая отрывки, предложенные учителем, найдите изобразительно-выразительные средства и назовите их.*
- 3. Что вы можете сказать об отношении героев к собачке?*
- 4. Подберите соответствующие цитаты из текста к иллюстрациям.*
- 5. Чем выделяется Герасим среди крестьян?*
- 6. Какие чувства вызвал у вас рассказ? Каким вы хотели бы видеть финал рассказа?*

ДАНИЕЛЬ ДЕФО

(1660 – 1731)

РОБИНЗОН КРУЗО
(Глава шестая)

*Робинзон на необитаемом острове.
Он добывает вещи с корабля и строит себе жильё.*

Проснулся я поздно. Погода была ясная, ветер утих, море перестало бесноваться¹.

Я взглянул на покинутый нами корабль и с удивлением увидел, что на прежнем месте его уже нет. Теперь его прибило ближе к берегу. Он очутился неподалёку от той самой скалы, о которую меня чуть не расшибло волной. Должно быть,

¹ Бесноваться — быть в гнев, неистовствовать, беситься.

ночью его приподнял прилив, сдвинул с мели и пригнал сюда. Теперь он стоял не дальше мили от того места, где я ночевал. Волны, очевидно, не разбили его: он держался на воде почти прямо.

Я тотчас же решил пробраться на корабль, чтобы запастись провизией и разными другими вещами.

Спустившись с дерева, я ещё раз осмотрелся кругом. Первое, что я увидел, была наша шлюпка, лежавшая по правую руку, на берегу, в двух милях отсюда — там, куда её швырнул ураган. Я пошёл было в том направлении, но оказалось, что прямой дорогой туда не пройдёшь: в берег глубоко врезалась бухта, шириною в полмили, и преграждала путь. Я повернул назад, потому что мне было гораздо важнее попасть на корабль: я надеялся найти там еду.

После полудня волны совсем улеглись, и отлив был такой сильный, что четверть мили до корабля я шёл по сухому дну.

Тут снова у меня заныло сердце: мне стало ясно, что все мы теперь были бы живы, если бы не испугались бури и не покинули свой корабль.

Нужно было только выждать, чтобы шторм прошёл, и мы благополучно добрались бы до берега, и я не был бы теперь вынужден бедствовать в этой безлюдной пустыне.

При мысли о своём одиночестве я заплакал, но, вспомнив, что слёзы никогда не прекращают несчастий, решил продолжать свой путь и во что бы то ни стало добраться до разбитого судна. Раздевшись, я вошёл в воду и поплыл.

Но самое трудное было ещё впереди: взобраться на корабль я не мог. Он стоял на мелком месте, так что почти целиком выступал из воды, а ухватиться было не за что. Я долго плавал вокруг него и вдруг заметил корабельный канат (удивляюсь, как он сразу не бросился мне в глаза!). Канат свешивался из люка, и конец его приходился так высоко над водой, что мне с величайшим трудом удалось поймать его. Я поднялся по канату до кубрика¹. Подводная часть корабля была пробита, и трюм был наполнен водой. Корабль стоял на твёрдой песчаной отмели, корма его сильно приподнялась, а нос почти касался воды. Таким образом, вода не попала в корму, и ни одна из вещей, находившихся там, не подмокла. Я поспешил туда, так как мне раньше всего хотелось узнать, какие вещи испортились, а какие уцелели.

Оказалось, что весь запас корабельной провизии остался совершенно сухим. А так как меня мучил голод, то я первым

¹ Кубрик — помещение для матросов в носовой части корабля.

делом пошёл в кладовую, набрал сухарей, продолжая осмотр корабля, ел на ходу, чтобы не терять времени. В кают-компании я нашёл бутылку рома и отхлебнул из неё несколько хороших глотков, так как очень нуждался в подкреплении сил для предстоящей работы.

Прежде всего мне нужна была лодка, чтобы перевезти на берег те вещи, которые могли мне понадобиться. Но лодку было неоткуда взять, а желать невозможного бесполезно. Нужно было придумать что-нибудь другое. На корабле были запасные мачты, стеньги¹ и рей². Из этого материала я решил построить плот и горячо принялся за работу.

Выбрав несколько бревён полегче, я выбросил их за борт, обвязав предварительно каждое бревно канатом, чтобы их не унесло. Затем я спустился с корабля, притянул к себе четыре бревна, крепко связал их с обоих концов, скрепив ещё сверху двумя или тремя дощечками, положенными накрест, и у меня вышло нечто вроде плота.

Меня этот плот отлично выдержал, но для большого груза он был слишком лёгок и мал.

Пришлось мне снова взбираться на корабль. Там разыскал я пилу нашего корабельного плотника и распилил запасную мачту на три бревна, которые и приладил к плоту. Плот стал шире и гораздо устойчивее. Эта работа стоила мне огромных усилий, но желание запастись всем необходимым для жизни поддерживало меня, и я сделал то, на что при обыкновенных обстоятельствах у меня не хватило бы сил.

Теперь мой плот был широк и крепок, он мог выдержать значительный груз.

Чем же нагрузить этот плот и что сделать, чтобы его не смыло приливом? Долго раздумывать было некогда, нужно было торопиться.

Раньше всего я уложил на плоту все доски, какие нашлись на корабле; потом взял три сундука, принадлежавшие нашим матросам, взломал замки и выбросил всё содержимое. Потом я отобрал те вещи, которые могли понадобиться мне больше всего, и наполнил ими все три сундука. В один сундук я сложил съестные припасы: рис, сухари, три круга голландского сыру, пять больших кусков вяленой козлятины, служившей нам на корабле главной мясной пищей, остатки ячменя, который мы везли из Европы для бывших на судне кур; кур мы давно уже съели, а немного зерна осталось. Этот ячмень был перемешан с пшеницей; он очень пригодился бы мне, но, к сожалению, как потом оказалось, был сильно попорчен кры-

¹ Стеньга — вертикальный брус, составляющий продолжение мачты.

² Рей — подвижный поперечный брус на мачтах.

сами. Кроме того, я нашёл несколько ящиков вина и до шести галлонов¹ рисовой водки, принадлежащих нашему капитану.

Эти ящики я тоже поставил на плот, рядом с сундуками.

Между тем, покуда я был занят погрузкой, начался прилив, и я с огорчением увидел, что мой кафтан, рубашку и камзол, оставленные мной на берегу, унесло в море.

Теперь у меня остались только чулки да штаны (полотняные, короткие, до колен), которые я не снял, когда плыл к кораблю. Это заставило меня подумать о том, чтобы запастись не только едой, но и одеждой. На корабле было достаточное количество курток и брюк, но я взял пока одну только пару, потому что меня соблазняло гораздо больше многое другое, и прежде всего рабочие инструменты.

После долгих поисков я нашёл ящик нашего плотника, и это была для меня поистине драгоценная находка, которой я не отдал бы в то время за целый корабль, наполненный золотом. Я поставил на плот этот ящик, даже не заглянул в него, так как мне было отлично известно, какие инструменты находятся в нём.

Теперь мне оставалось запастись оружием и зарядами. В каюте я нашёл два хороших охотничьих ружья и два пистолета, которые я уложил на плоту вместе с пороховницей, мешочком дробы и двумя старыми, заржавленными шпагами. Я знал, что у нас на корабле было три бочонка пороху, но не знал, где они хранятся. Однако после тщательных поисков все три бочонка нашлись. Один оказался подмоченным, а два других были сухи, и я перетащил их на плот вместе с ружьями и шпагами. Теперь мой плот был достаточно нагружен, и надо было отправляться в путь. Добраться до берега на плоту без паруса, без руля — нелёгкая задача: довольно было самого слабого встречного ветра, чтобы всё моё сооружение опрокинулось.

К счастью, море было спокойно. Начинался прилив, который должен был погнать меня к берегу. Кроме того, поднялся

¹ Галлón — английская мера жидких тел, равна 3,78 литра.

небольшой ветерок, тоже попутный. Поэтому, захватив с собой сломанные вёсла от корабельной шлюпки, я поспешил в обратный путь. Вскоре мне удалось высмотреть маленькую бухту, к которой я и направил свой плот. С большим трудом я провёл его поперёк течения и наконец вошёл в эту бухту, упёршись в дно веслом. Едва начался отлив, мой плот со всем грузом оказался на сухом берегу.

Теперь мне предстояло осмотреть окрестности и выбрать себе удобное местечко для жилья — такое, где я мог бы сложить всё своё имущество, не

боясь, что оно погибнет. Я всё ещё не знал, куда я попал: на материк или на остров. Живут ли здесь люди? Водятся ли здесь хищные звери? В полумиле от меня или немного дальше виднелся холм, крутой и высокий. Я решил подняться на него, чтобы осмотреться кругом. Взяв ружьё, пистолет и пороховницу, я отправился на разведку.

Взбираться на вершину холма было трудно. Когда же я наконец взобрался, я увидел, какая горькая участь выпала мне на долю: я был на острове! Кругом со всех сторон расстилалось море, за которым нигде не было видно земли; если не считать торчавших в отдалении нескольких рифов да двух островков, лежавших в милях девяти к западу. Эти островки были маленькие, гораздо меньше моего.

Я сделал и другое открытие: растительность на острове была дикая, нигде не было видно ни клочка возделанной земли. Значит, людей здесь и в самом деле не было!

Хищные звери здесь тоже как будто не водились, по крайней мере я не заметил ни одного. Зато птицы водились во множестве, все каких-то неизвестных мне пород, так что потом, когда мне случалось подстрелить птицу, я никогда не мог определить по виду, годится в пищу её мясо или нет.

Спускаясь с холма, я подстрелил одну птицу, очень большую: она сидела на дереве у опушки леса.

Я думаю, это был первый выстрел, раздавшийся в этих диких местах. Не успел я выстрелить, как над лесом взвилась туча птиц. Каждая кричала на свой лад, но ни один из этих криков не походил на крики знакомых мне птиц.

Убитая мною птица напоминала нашего европейского ястреба и окраской перьев, и формой клюва. Только когти у неё были гораздо короче. Мясо её отдавало падалью, и я не мог его есть.

Таковы были открытия, которые я сделал в первый день.

Потом я воротился к плоту и принялся перетаскивать вещи на берег. Это заняло у меня весь остаток дня.

К вечеру я снова стал думать, как и где мне устроиться на ночь.

Лечь прямо на землю я боялся: что, если мне грозит нападение какого-нибудь хищного зверя? Поэтому, выбрав на берегу удобное местечко для ночлега, я загородил его со всех сторон сундуками и ящиками, а внутри этой ограды соорудил из досок нечто вроде шалаша.

Беспокоил меня также вопрос, как я буду добывать себе пищу, когда у меня выйдут запасы: кроме птиц да двух каких-то зверьков, вроде нашего зайца, выскочивших из лесу при звуке моего выстрела, никаких живых существ я здесь не видел.

Впрочем, в настоящее время меня гораздо больше занимало другое. Я увёз с корабля далеко не всё, что можно было взять: там осталось много вещей, которые могли мне пригодиться, и прежде всего паруса и канаты. Поэтому я решил, если мне ничто не помешает, снова побывать на корабле. Я был уверен, что при первой же буре его разобьёт в щепки. Нужно было отложить все другие дела и спешно заняться разгрузкой судна. Нельзя успокаиваться, пока я не свезу на берег все вещи, до последнего гвоздика.

Придя к такому решению, я стал думать, ехать ли мне на плоту или отправиться вплавь, как в первый раз. Я решил, что удобнее отправиться вплавь. Только на этот раз я разделся в шалаше, оставшись в одной нижней клетчатой сорочке, в полотняных штанах и кожаных туфлях на босу ногу.

Как и в первый раз, я взобрался на корабль по канату, затем сколотил новый плот и перевёз на нём много полезных вещей. Во-первых, я захватил всё, что нашлось в чуланчике нашего плотника, а именно: два или три мешка с гвоздями (большими и мелкими), отвёртку, дюжины две топоров, а главное — такую полезную вещь, как точило.

Потом я прихватил несколько вещей, найденных мною у нашего канонира¹: три железных лома, два бочонка с ружейными пулями и немного пороху. Потом я разыскал на корабле целый ворох всевозможного платья да прихватил ещё запасной парус, гамак, несколько тюфяков и подушек.

¹ Канонір — пушкарь, артиллерист.

Всё это я сложил на плоту и, к великому моему удовольствию, доставил на берег в целости.

Отправляясь на корабль, я боялся, как бы в моё отсутствие на провизию не напали бы какие-нибудь хищники. К счастью, этого не случилось.

Только какой-то зверёк прибежал из лесу и уселся на одном из моих сундуков. Увидев меня, он отбежал немного в сторону, но тотчас же остановился, встал на задние лапы и с невозмутимым спокойствием, без всякого страха поглядел мне в глаза, словно хотел познакомиться со мной.

Зверёк был красивый, похожий на дикую кошку. Я прицелился в него из ружья, но он, не догадываясь об угрожающей ему опасности, даже не тронулся с места. Тогда я бросил ему кусок сухаря, хотя это было с моей стороны неразумно, так как сухарей у меня было мало и мне следовало их беречь. Всё же зверёк так понравился мне, что я выделил ему этот кусок сухаря. Он подбежал, обнюхал сухарь, съел его и облизнулся с большим удовольствием. Видно было, что он ждёт продолжения. Но больше я не дал ему ничего. Он посидел немного и ушёл.

После этого я принялся строить себе палатку. Я сделал её из паруса и жердей, которые нарезал в лесу. В палатку я перенёс всё, что могло испортиться от солнца и дождя, а вокруг нагромоздил пустые ящики и сундуки, на случай внезапного нападения людей или диких зверей.

Вход в палатку я загородил снаружи большим сундуком, поставив его боком, а изнутри загородился досками. Затем я разостлал на земле постель, положил у изголовья два пистолета, рядом с постелью – ружьё и лёг.

После кораблекрушения это была первая ночь, которую я провёл в постели. Я крепко проспал до утра, так как в предыдущую ночь спал очень мало, а весь день работал без отдыха: сперва грузил вещи с корабля на плот, а потом переправлял их на берег.

Ни у кого, я думаю, не было такого огромного склада вещей, какой был теперь у меня. Но мне всё казалось мало. Корабль был цел, и покуда не отнесло его в сторону, покуда на нём оставалось хоть одна вещь, которой я мог воспользоваться, я считал необходимым свезти оттуда на берег всё, что возможно. Поэтому каждый день я отправлялся туда во время отлива и привозил с собою всё новые и новые вещи.

Особенно успешным было моё третье путешествие. Я разобрал все снасти и взял с собой все веревки. В этот раз я привёз большой кусок запасной парусины, служившей у нас для починки парусов, и бочонок с подмокшим порохом,

который я было оставил на корабле. В конце концов я переправил на берег все паруса; только пришлось разрезать их на куски и перевезти по частям. Впрочем, я не жалел об этом: паруса были нужны мне отнюдь не для мореплавания, и вся их ценность заключалась для меня в парусине, из которой они были сшиты.

Теперь с корабля было взято решительно всё, что под силу поднять одному человеку. Остались только громоздкие вещи, за которые я и принялся в следующий рейс. Я начал с канатов. Каждый канат я разрезал на куски такой величины, чтобы мне не было слишком трудно управляться с ними, и по кускам перевёз три каната. Кроме того, я взял с корабля все железные части, какие мог отодрать при помощи топора. Затем, отрубив все оставшиеся реи, я построил из них плот побольше. погрузил на него все эти тяжести и пустился в обратный путь.

Но на этот раз счастье изменило мне: мой плот был так тяжело нагружен, что мне было очень трудно им управлять.

Когда, войдя в бухточку, я подходил к берегу, где было сложено остальное моё имущество, плот опрокинулся, и я упал в воду со всем моим грузом. Утонуть я не мог, так как это произошло неподалёку от берега, но почти весь груз очутился под водой, главное, затонуло железо, которым я так дорожил.

Правда, когда начался отлив, я вытащил на берег почти все куски каната и несколько кусков железа, но мне приходилось нырять за каждым куском, и это очень утомило меня.

Мои поездки на корабль продолжались изо дня в день, и каждый раз я привозил что-нибудь новое.

Уже тринадцать дней я жил на острове и за это время побывал на корабле одиннадцать раз, перетаскивая на берег решительно всё, что в состоянии поднять пара человеческих рук. Не сомневаюсь, что, если бы тихая погода продержалась дольше, я перевёз бы по частям весь корабль.

Делая приготовления к двенадцатому рейсу, я заметил, что поднимается ветер. Тем не менее, дождавшись отлива, я отправился на корабль. Во время прежних своих посещений я так основательно обшарил нашу каюту, что мне казалось, будто там уже ничего невозможно найти. Но вдруг мне бросился в глаза маленький шкаф с двумя ящиками: в одном я нашёл три бритвы, ножницы и около дюжины хороших вилок и ножей; в другом ящике оказались деньги, частью европейской, частью бразильской серебряной и золотой монетой – всего до тридцати шести фунтов стерлингов. Я усмехнулся при виде этих денег.

– Негодный мусор, – проговорил я, – на что ты мне теперь? всю кучу золота я охотно отдал бы за любой из этих грошовых ножей. Мне некуда тебя девать. Так отправляйся же

на дно морское. Если бы ты лежал на полу, право, не стоило бы труда нагнуться, чтобы поднять тебя. Но, поразмыслив немного, я всё же прихватил их с собой.

Море бушевало всю ночь, и, когда поутру я выглянул из своей палатки, от корабля не осталось и следа. Теперь я мог всецело заняться вопросом, который тревожил меня с первого дня: что мне делать, чтобы на меня не напали ни хищные звери, ни дикие люди? Какое жильё мне устроить? Выкопать пещеру или поставить палатку? В конце концов я решил сделать и то и другое.

К этому времени мне стало ясно, что выбранное мною место на берегу не годится для постройки жилища: это было болотистое, низменное место, у самого моря. Жить в подобных местах очень вредно. К тому же поблизости не было пресной воды. Я решил найти другой клочок земли, более пригодный для жилья. Мне было нужно, чтобы жильё моё было защищено и от солнечного зноя, и от хищников, чтобы оно стояло в таком месте, где нет сырости, чтобы вблизи была пресная вода. Кроме того, мне непременно хотелось, чтобы из моего дома было видно море.

Может случиться, что неподалёку от острова появится корабль, говорил я себе, а если я не буду видеть моря, я могу пропустить этот случай.

Как видите, мне всё ещё не хотелось расставаться с надеждой.

После долгих поисков я нашёл наконец подходящий участок для постройки жилища. Это была небольшая гладкая полянка на скате высокого холма. От вершины до самой полянки холм спускался отвесной стеной, так что я мог не опасаться нападения сверху. В этой стене у самой полянки было небольшое углубление, как будто вход в пещеру, но никакой пещеры не было. Вот тут-то, прямо против этого углубления, на зелёной полянке, я и решил разбить палатку. Место это находилось на северо-западном склоне холма, так что почти до самого вечера оно оставалось в тени. А перед вечером его озаряло заходящее солнце.

Прежде чем ставить палатку, я взял заострённую палку и описал перед самым углублением полукруг ярдов¹ десяти в диаметре. Затем по всему полукругу я вбил в землю два ряда крепких высоких кольев, заострённых на верхних концах. Между двумя рядами кольев я оставил небольшой промежуток и заполнил его до самого верха обрезками канатов, взятых с корабля. Я сложил их рядами, один на другой, а изнутри укрепил ограду подпорками. Ограда вышла у меня

¹ Ярд — английский мера длины, равна 0,9144 метра.

на славу: ни пролезть сквозь неё, ни перелезть через неё не мог ни человек, ни зверь. Эта работа потребовала много времени и труда. Особенно трудно было нарубить в лесу жердей, перенести их на место постройки, обтесать и вбить в землю. Забор был сплошной, двери не было. Для входа в мое жилище мне служила лестница. Я приставлял её к частоколу всякий раз, когда мне нужно было войти или выйти.

Вопросы и ответы

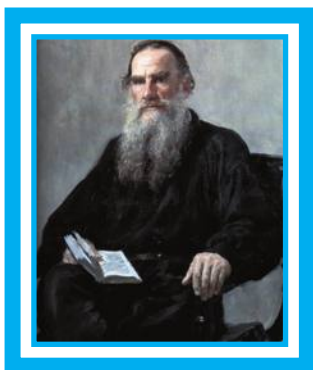
1. Вы познакомились с отрывком из романа Д.Дефо “Робинзон Крузо”. Можно ли отнести его к приключенческой литературе?

2. Расскажите о Робинзоне и его действиях на острове. Что помогло ему выжить на острове?

3. Что вы знаете об этом герое? Кого называют “робинзоном”?

4. Герой Даниеля Дефо Робинзон Крузо записывал все перенесённые им горести, а рядом всё, что случилось с ним радостного, или, как он говорил, “отрадного”. Составьте от имени Робинзона дневник, разделив всё, что произошло с героем, на две части:

“Добро”	“Зло”

**ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ
ТОЛСТОЙ**

(1828 – 1910)

**КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК
(Быль)**

1

Служил на Кавказе офицером один барин. Звали его Жилин. Пришло раз ему письмо из дома. Пишет ему старуха-мать: «Стара я уже стала, и хочется перед смертью повидать любимого сынка. Приезжай со мной проститься, похорони, а там и с богом, поезжай опять на службу. А я тебе и невесту подыскала: умная и хорошая, и именье есть. Полюбится тебе, может, и женишься и совсем останешься».

Жилин и раздумался: «И в самом деле: плоха уже старуха стала; и не придётся увидеть. Поехать; а если невеста хороша — и жениться можно».

На Кавказе тогда война была. По дорогам ни днём, ни ночью не было проезда. Чуть кто из русских отъедет или отойдёт от крепости, татары или убьют, или уведут в горы. И было заведено, что два раза в неделю из крепости в крепость ходили провожатые солдаты. Спереди и сзади идут солдаты, а в середине едет народ.

Ехать было 25 верст¹. Обоз шёл тихо; то солдаты останавливаются, то в обозе колесо у кого соскочит, или лошадь станет, и все стоят — ждут.

Дело было летом. Собрались на зорьке обозы за крепость, вышли провожатые солдаты и тронулись по дороге. Жилин ехал верхом, а телега с его вещами шла в обозе.

Выехал Жилин вперёд, остановился и ждёт, пока подойдёт обоз. Слышит, сзади на рожке заиграли, — опять стоят. Жилин и подумал: «А не уехать ли одному, без солдат? Лошадь подо мной добрая, если и нападу на татар, ускачу. Или не ездить?..».

Остановился, раздумывает. И подъезжает к нему на лошади другой офицер, Костылин, с ружьём, и говорит:

— Поедем, Жилин, одни. Мочи нет, есть хочется, да и жара. На мне рубаху хоть выжми. — А Костылин мужчина

¹ Верста — русская мера длины, равная 1.06 км.

грузный, толстый, весь красный, а пот с него так и льёт. Подумал Жилин и говорит:

— А ружьё заряжено?

— Заряжено.

— Ну так поедем. Только уговор — не разъезжаться.

И поехали они вперёд по дороге. Едут степью, разговаривают да поглядывают по сторонам. Кругом далеко видно.

Только кончилась степь, пошла дорога промеж двух гор в ущелье, Жилин и говорит:

— Надо выехать на гору, поглядеть, а то тут, пожалуй, выскочат из-за горы и не увидишь.

А Костылин говорит:

— Что смотреть? Поедем вперёд.

Жилин не послушал его.

— Нет, — говорит, — ты подожди внизу, а я только взгляну. И пустил лошадь налево, на гору.

Лошадь под Жилиным была охотничья (он за неё сто рублей заплатил в табуне жеребёнком и сам выездил); как на крыльях взнесла его на круч¹. Только выскакал, глядь а перед ним, на десятину места, стоят татары верхами², — человек тридцать. Он увидел, стал назад поворачивать; и татары его увидели, пустились к нему, сами на скаку выхватывают ружья из чехлов. Приступил³ Жилин под круч во все лошадиные ноги, кричит Костылину:

— Вынимай ружьё! — а сам думает на лошадь свою: «Матушка, вынеси, не зацепись ногой, спотыкнёшься — пропал. Доберусь до ружья, я им не дамся».

А Костылин, вместо того чтобы подождать, только увидал татар, закатился⁴ что есть духу к крепости.

Плетью ожаривает лошадь то с того бока, то с другого. Только в пыли видно, как лошадь хвостом вертит.

¹ Круч (круча) — крутое место, обрыв.

² Стоят татары верхами — стояли, сидя на лошадях.

³ Приступил — помчался с кручи вниз.

⁴ Закатился — поскакал, помчался.

Жилин видит — дело плохо. Ружьё уехало, с одной шашкой ничего не сделаешь. Пустил лошадь назад к солдатам — думал уйти. Видит, ему наперерез катят шестеро. Под ним лошадь добрая, а под теми ещё добрее, да и наперерез скачут. Стал он окорачивать, хотел назад поворотить, да уж разнеслась лошадь, не удержит, прямо на них летит. Видит — близится к нему с красной бородой татарин на сером коне. Визжит, зубы оскалил, ружьё наготове.

«Ну, — думает Жилин, — знаю вас, чертей, если живого возьмут, посадят в яму, будут плетью пороть. Не дамся же живой».

А Жилин хоть невелик ростом, а удал был. Выхватил шашку, пустил лошадь прямо на красного татарина, думает: «Либо лошадью сомну, либо срублю шашкой».

На лошадь места не доскакал¹ Жилин, выстрелили по нём сзади из ружей и попали в лошадь. Ударилась лошадь оземь со всего маху, — навалилась Жилину на ногу.

Хотел он подняться, а уж на нём два татарина вонючие сидят, крутят ему назад руки. Рванулся он, скинул с себя татар, — да ещё соскакали с коней трое на него, начали бить прикладами² по голове. Помутилось у него в глазах, и зашатался. Схватили его татары, сняли с сёдел подпруги³ запасные, закрутили ему руки за спину, завязали татарским узлом, поволокли к седлу. Шапку с него сбили, сапоги стащили, всё обшарили, деньги, часы вынули, платье всё изорвали.

Один татарин подошёл к лошади, стал седло снимать. Сняли татары седло, сбрую. Сел татарин с красной бородой на лошадь, а другие подсадили Жилина к нему на седло; а чтобы не упал, притянули его ремнём за пояс к татарину и повезли в горы.

Сидит Жилин за татаринком, покачивается. Только и видит перед собой здоровенную татарскую спину, да шею жилистую, да бритый затылок из-под шапки синеется. Голова у Жилина разбита, кровь запеклась над глазами. И нельзя ему ни поправиться на лошади, ни кровь обтереть. Руки так закручены, что в ключице ломит.

Ехали они долго с горы на гору, переехали вброд реку, выехали на дорогу и поехали лощиной⁴.

Хотел Жилин примечать дорогу, куда его везут, — да глаза замазаны кровью, а повернуться нельзя.

Стало смеркаться. Переехали ещё речку, стали подниматься по каменной горе, запахло дымом, забрехали⁵ собаки.

¹ На лошадь места не доскакал — не доехал до места на расстояние длиной с лошадь.

² Приклад — часть огнестрельного оружия, упирающаяся в плечо стрелка.

³ Подпруги — ремень седла, затягиваемый под брюхом лошади.

⁴ Лощина — низменная впадина, долина.

⁵ Забрехали — залаяли.

Приехали в аул¹. Послезли с лошадей татары, собрались ребята татарские, окружили Жилина, пищат, радуются, стали камнями пулять в него. Татарин отогнал ребят, снял Жилина с лошади. Развязали Жилину руки, надели колодки и повели в сарай: толкнули его туда и заперли дверь. Жилин упал на навоз. Полежал, ощупал в темноте, где помягче, и лёг.

2

Почти всю ночь не спал Жилин. Ночи короткие были. Видит в щёлке светиться стало. Встал Жилин, раскопал щёлку побольше, стал смотреть.

Видна ему из щёлки дорога под гору идёт, направо сакля² татарская, два дерева подле неё.

Собака чёрная лежит на пороге, коза с козлятами ходит, хвостиками подергивают. Видит — из-под горы идёт татарка молоденькая, в рубахе цветной, распояской, в штанах и сапогах, голова кафтаном покрыта, а на голове большой кувшин жестяной с водой. Идёт, в спине подрагивает, перегибается, а за руку татарчонка ведёт бритого, в одной рубашке. Прошла татарка в саклю с водой, вышел татарин вчерашний с красной бородой, в бешмете³ шёлковом, на ремне кинжал серебряный, в башмаках на босу ногу. На голове шапка высокая, баранья, чёрная, назад заломлена. Вышел, потягивается, бороду красную сам поглаживает. Постоял, велел что-то работнику и пошёл куда-то.

Проехали потом на лошадях двое ребят к водопою. У лошадей храп мокрый. Выбежали ещё мальчишки бритые, в одних рубашках, без порток⁴, собрались кучкой, подошли к сараю, взяли хворостину и суют в щёлку. Жилин как ухнет на них: завизжали ребята, закатились бежать прочь, только коленки голые блестят.

А Жилину пить хочется, в горле пересохло; думает — хоть бы кто пришёл проведать. Слышит — отпирают сарай. Пришёл красный татарин, а с ним другой, поменьше ростом, черноватенький. Глаза чёрные, румяный, борода маленькая, подстрижена; лицо весёлое, всё смеётся. Одет черноватый ещё лучше; бешмет шёлковый синий, галунчиком⁵ обшит. Кинжал на поясе большой, серебряный; башмачки красные, *сафьянные*, тоже серебром обшиты. А на тонких башмачках другие толстые башмаки. Шапка высокая, белого барашка.

¹ Ау́л — селение на Кавказе.

² Са́кля — жилище кавказских горцев.

³ Бешме́т — стёганный полукафтан.

⁴ Портки́ — штаны.

⁵ Галу́н — нашивка из золотой или серебряной тесьмы на форменной одежде.

Красный татарин вошёл, проговорил что-то, точно ругается, и стал; облокотился на притолку¹, кинжалом пошевеливает, как волк исподлобья косится на Жилина. А черноватый, — быстрый, живой, так весь на пружинах и ходит, — подошёл прямо к Жилину, сел на корточки, оскаливается, потрепал его по плечу, что-то начал часто-часто по-своему лопотать, глазами подмигивает, языком прищёлкивает, всё приговаривает: «корошо урус! корошо урус!».

Ничего не понял Жилин и говорит: «Пить, воды пить дайте!».

Чёрный смеётся. «Корош урус», — всё по-своему лопочет.

Жилин губами и руками показал, чтоб пить ему дали.

Чёрный понял, засмеялся, выглянул в дверь, кликнул² кого-то: «Дина!».

Прибежала девочка, тоненькая, худенькая, лет тринадцати, одета в рубаху длинную, синюю, с широкими рукавами и без пояса. На полах, на груди и на рукавах оторочено³ красным. На ногах штаны и башмачки, а на башмачках другие с высокими каблуками; на шее монисто, всё из русских полтинников. Голова непокрытая, коса чёрная, и в косе лента, а на ленте привешены бляхи и рубль серебряный.

Велел ей что-то отец. Убежала и опять пришла, принесла кувшинчик жестяной. Подала воду, сама села на корточки, вся изогнулась так, что плечи ниже колен ушли. Сидит, глаза раскрыла, глядит на Жилина, как он пьёт, как на зверя какого.

Ушли татары, заперли опять дверь.

Погодя немного, приходит к Жилину ногаец⁴ и говорит:

— Айда, хозяин, айда!

Тоже не знает по-русски. Только понял Жилин, что велит идти куда-то.

Пошёл Жилин с колодкой, хромает, ступить нельзя, так и воротит ногу в сторону. Вышел Жилин за ногойцем. Видит — деревня татарская, домов десять, и церковь ихняя, с башенкой. У одного дома стоят три лошади в сёдлах. Мальчишки держат в поводу. Выскочил из этого дома черноватый татарин, замахал рукой, чтобы к нему шёл Жилин. Сам смеётся, всё говорит что-то по-своему, и ушёл в дверь. Пришёл Жилин в дом.

Вскочил чёрный, велел посадить Жилина в сторонке, не на ковёр, а на голый пол, залез опять на ковёр, угощает гостей блинами и бузой⁵.

¹ Притолока — верхний брус в дверях.

² Кликнул — позвал.

³ Оторочено — обшито по краям тканью, мехом, кожей.

⁴ Ногаец — представитель народа, живущие на Северном Кавказе.

⁵ Буза — лёгкий хмельной напиток.

Потом один из гостей-татар повернулся к Жилину, стал говорить по-русски.

— Тебя, — говорит, — взял Кази-Мугамет, — сам показывает на красного татарина, — и отдал тебя Абдул-Мурату, — показывает на черноватого. — Абдул-Мурат теперь твой хозяин. — Жилин молчит.

Заговорил Абдул-Мурат и всё показывает на Жилина, и смеётся, и приговаривает: «Солдат урус, хорошо урус».

Переводчик говорит: «Он тебе велит домой письмо писать, чтоб за тебя выкуп прислали. Как пришлют деньги, он тебя пустит».

Жилин подумал и говорит: «А много ли он хочет выкупа?»

Поговорили татары, переводчик и говорит:

— Три тысячи монет.

— Нет, — говорит Жилин, — я этого заплатить не могу.

— Тысячу рублей дай.

Жилин стал на своём: «Больше пятисот рублей не дам. А убьёте, ничего не возьмёте»

Поговорили татары, послали куда-то работника, а сами то на Жилина, то на дверь поглядывают. Пришёл работник, и идёт за ним человек какой-то, толстый, босиком и ободраный, на ноге тоже колодка.

Так и ахнул Жилин, — узнал Костылина. И его поймали. Посадили их рядом; стали они рассказывать друг другу, а татары молчат, смотрят. Рассказал Жилин, как с ним дело было; Костылин рассказал, что лошадь под ним стала, и ружьё осеклось, и что этот самый Абдул нагнал его и взял.

Вскочил Абдул, показывает на Костылина, что-то говорит.

Перевёл переводчик, что они теперь оба одного хозяина, и кто прежде выкуп даст, того прежде отпустят.

— Вот, — говорит Жилину, — ты всё серчаешь¹, а товарищ твой смирный: он написал письмо домой, пять тысяч монет пришлют. Вот его и кормить будут хорошо и обижать не будут.

Жилин и говорит:

— Товарищ, как хочет; он, может, богат, а я не богат. Я, — говорит, — как сказал, так и будет. Хотите убивайте, — пользы вам не будет, а больше пятисот рублей не напишу.

Помолчали. Вдруг как вскочит Абдул, достал сундучок, вынул перо, бумагу, лоскут и чернила, сунул Жилину, хлопнул по плечу, показывает: «пиши». Согласился на 500 рублей.

— Погодите ещё, — говорит Жилин переводчику, — скажи ты ему, чтоб он нас кормил хорошо, одел-обул, как следует,

¹ Серчаешь — сердисься.

чтоб держал вместе, — нам веселей будет, и чтобы колодку снял. — Сам смотрит на хозяина и смеётся. Смеётся и хозяин. Выслушал и говорит:

— Одёжу самую лучшую дам: и черкеску¹, и сапоги, хоть жениться. Кормить буду, как князей. А коли хотят жить вместе — пускай живут в сарае. А колодку нельзя снять — уйдут. На ночь только снимать буду. — Подскочил, треплет по плечу. — Твоя хорош, моя хорош!

Написал Жилин письмо, а на письме адрес не так написал, чтоб не дошло. Сам думает: «Я уйду».

Отвели Жилина с Костылиным в сарай, принесли им туда соломы кукурузной, воды в кувшине, хлеба, две черкески старые и сапоги истрёпанные, солдатские. Видно, с убитых солдат стащили. На ночь сняли с них колодки и заперли в сарай.

3

Жил так Жилин с товарищем месяц целый. Хозяин всё смеётся.

— Твоя, Иван, хорош, — моя, Абдул, хорош.

Костылин ещё раз писал домой, всё ждал присылки денег и скучал. По целым дням сидит в сарае и считает дни, когда письмо придёт, или спит. А Жилин знал, что его письмо не дойдёт, а другого не писал.

«Где, — думает, — матери столько денег взять, за меня заплатить. И то она тем больше жила, что я посылал ей. Если её пятьсот рублей собрать, надо разориться вконец. Бог даст — и сам выберусь».

А сам всё высматривает, выпытывает, как ему бежать. Ходит по аулу, насвистывает, а то сидит, что-нибудь рукодельничает, или из глины кукол лепит, или плетёт плетёнки из прутьев. А Жилин на всякое рукоделье мастер был.

Слепил он раз из глины куклу, с носом, с руками, с ногами и в татарской рубахе, и поставил куклу на крышу.

Пошли татарки за водой. Хозяйская дочь Динка увидела куклу, позвала татарок. Составили² кувшины, смотрят, смеются. Жилин снял куклу, подаёт им. Они смеются, а не смеют взять. Оставил он куклу, ушёл в сарай и смотрит, что будет?

Подбежала Дина, оглянулась, схватила куклу и убежала.

Наутро смотрит, на зорьке Дина вышла на порог с куклой. А куклу уж лоскутками красными убрала и качает, как ребёнка, сама по-своему прибаюкивает.

¹ Черкёска — у кавказцев узкий длинный кафтан.

² Состáвили — поставили рядом.

Вышла старуха, забранилась на неё, выхватила куклу, разбила её, услала куда-то Дину на работу.

Сделал Жилин другую куклу, ещё лучше, — отдал Дине. Принесла раз Дина кувшинчик, поставила, села и смотрит на него, сама смеётся, показывает на кувшин.

«Чего она радуется?» — думает Жилин. Взял кувшин, стал пить. Думает, вода, а там молоко. Выпил он молоко, «хорошо», — говорит. Как обрадовалась Дина!

— Хорошо, Иван, хорошо! — вскочила, забила в ладоши, вырвала кувшин и убежала.

И с тех пор стала она ему каждый день, крадучи¹, молока носить. А то делают татары из козьего молока лепешки сырные и сушат их на крышах, — так она эти лепешки ему тайком принашивала. А то раз резал хозяин барана, — так она ему кусок баранины принесла в рукаве. Бросит и убежит.

Была раз гроза сильная, и дождь час целый как из ведра лил. И помутились все речки, где брод был, там на три аршина вода пошла, камни ворочает. Повсюду ручьи текут, гул стоит по горам. Вот как прошла гроза, везде по деревне ручьи бегут. Жилин выпросил у хозяина ножик, вырезал валик, дощечки, колесо оперил, а к колесу на двух концах кукол приделал.

Принесли ему девчонки лоскутков, — одел он кукол: одна — мужик, другая — баба; утвердил их, поставил колесо на ручей. Колесо вертится, а куколки прыгают.

Собралась вся деревня: мальчишки, девочки, бабы; и татары пришли, языком щёлкают:

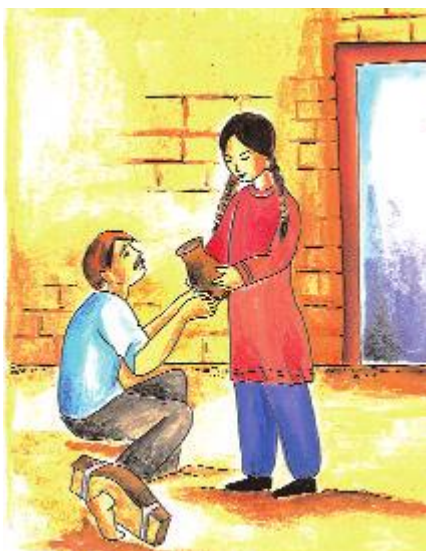
— Ай, урус! Ай, Иван!

Были у Абдула часы русские, сломанные. Позвал он Жилина, показывает, языком щёлкает. Жилин говорит:

— Давай починю.

Взял, разобрал ножичком, разложил; опять сладил, отдал. Идут часы.

Обрадовался хозяин, принёс ему бешмет свой старый, весь в ломотях, подарил. Нечего делать, взял, — и то годится покрыться ночью.

¹ Крадучи — украдкой, тайком, скрытно.

С тех пор прошла про Жилина слава, что он мастер. Стали к нему из дальних деревень приезжать: кто замок на ружьё или пистолет починить принесёт, кто часы. Привёз ему хозяин снасть: и щипчики, и буравчики, и подпилочек.

Заболел раз татарин, пришли к Жилину: «Поди, полечи». Жилин ничего не знает, как лечить. Пришёл, посмотрел, думает: «Авось поздоровеет сам». Ушёл в сарай, взял воды, песку, помешал. При татарях нашептал на воду, дал выпить. Выздоровел на его счастье татарин. Стал Жилин немножко понимать по-ихнему. И которые татары привыкли к нему, — когда нужно, кличут: «Иван, Иван!» — а которые всё, как на зверя, косятся.

Был у них ещё старик. Жил он не в ауле, а приходил из-под горы. Видал его Жилин только, когда он в мечеть приходил богу молиться. Он был ростом маленький, на шапке у него белое полотенце обмотано, борода и усы подстрижены, — белые, как пух; а лицо сморщенное и красное, как кирпич. Нос крючком, как у ястреба, а глаза серые, злые и зубов нет — только два клыка. Идёт, бывало, в чалме своей, костылём подпирается, как волк, озирается. Как увидит Жилина, так захрапит и отвернётся.

Пошёл раз Жилин под гору посмотреть, где живёт старик. Сошёл по дорожке, видит садик, ограда каменная; из-за ограды — черешни, шепталы¹ и избушка с плоской крышей. Подошёл он ближе; видит — ульи стоят, плетённые из соломы, и пчёлы летают, гудят. И старик стоит на коленочках, что-то хлопочет у улья. Поднялся Жилин повыше, посмотреть и загремел колодкой. Старик оглянулся — как визгнет; выхватил из-за пояса пистолет, в Жилина выпалил. Чуть успел он за камень притулиться².

Пришёл старик к хозяину жаловаться. Позвал хозяин Жилина, сам смеётся и спрашивает:

— Зачем ты к старику ходил?

— Я, — говорит, — ему худого не сделал. Я хотел посмотреть, как он живёт.

Передал хозяин. А старик злится, шипит, что-то лопочет, клыки свои выставил, махает руками на Жилина.

Жилин не понял всего; но понял, что старик велит хозяину убить русских, а не держать их в ауле. Ушёл старик.

Стал Жилин спрашивать хозяина: что это за старик? Хозяин и говорит:

¹ Шепталы — абрикосовые или персиковые деревья.

² Притулиться — расположиться кое-как, примоститься.

³ Передался — перешёл на сторону русских.

— Это большой человек! Он первый джигит был, он много русских побил, богатый был. У него было три жены и восемь сынов. Все жили в одной деревне. Пришли русские, разорили деревню и семь сыновей убили. Один остался и передался³ русским. Старик поехал и сам передался русским. Пожил у них три месяца, нашёл там своего сына, сам убил его и бежал. С тех пор он бросил воевать, пошёл в Мекку¹ — богу молиться. От этого у него чалма². Кто в Мекке был, тот называется хаджи и чалму надевает. Не любит он вашего брата. Он велит тебя убить; да мне нельзя убить, — я за тебя деньги заплатил; да я тебя, Иван, полюбил; я тебя не то, что убить, я бы тебя и выпускать не стал, кабы слова не дал. — Смеётся, сам приговаривает по-русски: «твоя, Иван, хорош, моя, Абдул, хорош!».

4

Прожил так Жилин месяц. Днём ходит по аулу или рукодельничает, а как ночь придёт, затихнет в ауле, так у себя в сарае копает. Трудно было копать от камней, да он подпилком камни тёр, и прокопал он под стеной дыру, что впору пролезть. «Только бы, — думает, — мне место хорошенько узнать, в какую сторону идти. Да не сказывают никто татары».

Вот он выбрал время, как хозяин уехал; пошёл после обеда за аул на гору, — хотел оттуда место посмотреть. А когда хозяин уезжал, он приказал малому за Жилиным ходить, с глаз его не спускать. Бежит малый за Жилиным, кричит:

— Не ходи! Отец не велел. Сейчас народ позову!

Стал его Жилин уговаривать.

— Я, — говорит, далеко не уйду, — только на ту гору поднимусь: мне траву надо найти ваш народ лечить. Пойдём со мной; я с колодкой не убегу. А тебе завтра лук сделаю и стрелы.

Уговорил малого, пошли. Смотреть на гору — не далеко, а с колодкой трудно; шёл, насилу взобрался. Сел Жилин, стал место разглядывать. На полдни, за горой, лощина, табун ходит, и аул другой в низочке виден. От аула другая гора — ещё круче, а за той горой ещё гора. Промеж гор лес синеется, а там ещё горы всё выше и выше поднимаются. А выше всех — белые, как сахар, горы стоят под снегом. И одна снеговая гора выше других шапкой стоит. На восход и на закат — всё такие же горы; кое-где аулы дымятся в ущельях. «Ну, —

¹ Мекка — город в Саудовский Аравии. Священный город мусульман, в котором родился пророк Магомед, место паломничества, хаджа.

² Чалма — головной убор у мусульман.

думает, — это все ихняя сторона». Стал смотреть в русскую сторону: под ногами речка, аул свой, садики кругом. На речке, как куклы маленькие, видно, — бабы сидят, бельё полоскают. За аулом, пониже, гора, и через неё ещё две горы, по ним лес; а промеж двух гор синее ровное место, и на ровном месте, далеко-далеко, точно дым стелется. Стал Жилин вспоминать, когда он в крепости дома жил, где солнце всходило и где заходило. Видит: так точно, в этой долине должна быть наша крепость. Туда, промеж этих двух гор, и бежать надо.

Стало солнышко закатываться. Стали снеговые горы из белых — алые; в чёрных горах потемнело; из лощин пар поднялся, и самая та долина, где крепость наша должна быть, как в огне загорелась от заката. Стал Жилин вглядываться, — маячит что-то в долине, точно дым из труб. И так и думается ему, что это самое — крепость русская.

Уж поздно стало. Слышно — мулла прокричал. Стадо гонят, коровы ревут. Малый всё зовёт: «Пойдём», а Жилину и уходить не хочется.

Вернулись они домой...

«Ну, — думает Жилин, — нынче бежать надо». На беду, к вечеру вернулись татары. Бывало, приезжают они — гонят с собою скотину и приезжают весёлые. А на этот раз ничего не пригнали, а привезли на седле своего убитого татарина, брата рыжего. Приехали сердитые, собрались все хоронить. Вышел и Жилин посмотреть. Завернули мёртвого в полотно, без гроба, вынесли под чинары за деревню, положили на траву. Пришёл мулла, собрались старики, полотенцами повязали шапки, разулись, сели рядом на пятки перед мёртвым.

Спереди мулла, сзади три старика в чалмах, рядом, а сзади их ещё татары. Сели, потупились и молчат. Долго молчали. Поднял голову мулла и говорит:

— Алла! (значит Бог) — Сказал это одно слово, и опять потупились и долго молчали; сидят, не шевелятся. Опять поднял голову мулла:

— Алла! — и все проговорили: «Алла» — и опять замолчали. Мёртвый лежит на траве не шелохнётся, и они сидят как мёртвые. Не шевельнётся ни один. Только слышно, на чинаре листочки от ветерка поворачиваются. Потом прочёл мулла молитву, все встали, подняли мёртвого на руки, понесли. Принесли к яме. Яма вырыта не простая, а подкопана под землю, как подвал. Взяли мёртвого под мышки, да под

¹ Лытки (разг.) — икры, голени, часть ноги от колена до пятки.

лытки¹, перегнули, спустили полегонечку, подсунули сидья под землю, заправили ему руки на живот.

Притащил ногаец камышу зелёного, заклали камышом яму, живо засыпали землёй, сровняли, а в головы к мертвецу камень стоймя поставили. Утоптали землю, сели опять рядом перед могилой. Долго молчали.

— Алла! Алла! Алла! — Вдохнули и встали.

Раздал рыжий денег старикам, потом встал, взял плеть, ударил себя три раза по лбу и пошёл домой.

Наутро видит Жилин — ведёт красный кобылу за деревню, а за ним трое татар идут. Вышли за деревню, снял рыжий бешмет, засучил рукава, — ручки здоровые, — вынул кинжал, поточил на бруске... Вся деревня собралась к рыжему поминать покойника.

Три дня ели кобылу, бузу пили, покойника поминали. Все татары дома были. На четвёртый день, видит Жилин, в обед куда-то собираются. Привели лошадей, убрались и поехали человек десять, и красный поехал: только Абдул дома остался. Месяц только родился, ночи ещё тёмные были.

«Ну, — думает Жилин, — нынче бежать надо», и говорит Костылину. А Костылин заробел.

— Да как же бежать? Мы и дороги не знаем.

— Я знаю дорогу.

— Да и не дойдём в ночь.

— А не дойдём — в лесу переночуем. Я вот лепёшек набрал. Что ж ты будешь сидеть? Хорошо, пришлют денег, а то ведь и не соберут. А татары теперь злые — за то, что ихнего русские убили. Поговаривают — нас убить хотят.

Подумал, подумал Костылин.

— Ну, пойдём.

5

Полез Жилин в дыру, раскопал пошире, чтобы и Костылину пролезть, и сидят ждут, чтобы затихло в ауле.

Только затих народ в ауле, Жилин полез под стену, выбрался. Шепчет Костылину: «Полезай». Полез и Костылин, да зацепил камень ногой, загремел. Услыхал хозяйский пёс Уляшин, забрежал и кинулся, а за ним другие собаки. Жилин чуть свистнул, кинул лепёшки кусок, Уляшин узнал, замахал хвостом и перестал брехать.

Поднялся Жилин, говорит товарищу: «Ну, брат, айда!».

Тронулись; только отошли, слышат: запел мулла на крыше: «Алла! Бесмилла! Ильрахман!» — значит пойдёт народ в мечеть. Сели опять, притаившись под стенкой. Долго сидели, дожидались, пока народ пройдёт. Опять затихло.

— Ну, с Богом! — Перекрестились, пошли. Прошли через двор под кручь к речке, перешли речку, пошли лощиной. Туман густой, да низом стоит, а над головой звёзды видненьки. Жилин по звёздам примечает, в какую сторону идти. В тумане свежо, идти легко, только сапоги неловки — стоптались. Жилин снял свои, бросил, пошёл босиком. Попрыгивает с камушка на камушек да на звёзды поглядывает. Стал Костылин отставать.

— Тише, — говорит, иди: сапоги проклятые, все ноги стёрли.

— Да ты сними, легче будет.

Пошёл Костылин босиком — ещё того хуже: изрезал все ноги по камням и всё отстаёт. Жилин ему говорит:

— Ноги обдерёшь — заживут, а догонят — убьют — хуже.

Костылин ничего не говорит, идёт, покряхтывает. Шли они низом долго. Слышат — вправо собаки забрежали. Жилин остановился, осмотрелся, полез на гору, руками ощупал.

— Эх, — говорит, — ошиблись мы, — вправо забрали. Тут аул чужой, я его с горы видел; назад надо, да влево в гору. Тут лес должен быть.

А Костылин говорит:

— Подожди хоть немножко, дай вздохнуть, — у меня ноги в крови все.

— Э, брат, заживут; ты легче прыгай. Вот так!

И побежал Жилин назад, влево в гору, в лес. Костылин всё отстаёт и охает. Жилин шикнет-шикнет на него, а сам всё идёт.

Поднялись на гору. Так и есть — лес. Вошли в лес, — по колючкам изодрали всё платье последнее. Напились на дорожку в лесу. Идут.

— Стой! — Затопало копытами по дороге. Остановились, слушают. Потопало, как лошадь, и остановилось. Костылин так и упал со страху. А Жилин смеётся, говорит:

— Это олень. Слышишь, как рогами лес ломит? Мы его боимся, а он нас боится.

Пошли дальше. А туда ли идут, нет ли, — не знают. Думается так Жилину, что по этой самой дороге его везли и что до своих — верст десять ещё будет; а приметы верной нет, да и ночь — не разберёшь. Вышли на полянку. Костылин сел и говорит:

— Как хочешь, а я не дойду, — у меня ноги не идут.

Стал его Жилин уговаривать.

— Нет, — говорит, — не дойду, не могу.

Рассердился Жилин, плюнул, обругал его.

— Так я же один уйду, — прощай.

Костылин вскочил, пошёл. Прошли они версты четыре. Туман в лесу ещё гуще сел, ничего не видать перед собой, и звёзды уж чуть видны.

Вдруг слышат, впереди топает лошадь. Слышно — подковами за камни цепляется. Лег Жилин на брюхо, стал по земле слушать.

— Так и есть, — сюда, к нам конный едет.

Сбежали они с дороги, сели в кусты и ждут. Жилин подполз к дороге, смотрит верховой татарин едет, корову, гонит, сам себе под нос мурлычет что-то. Проехал татарин. Жилин вернулся к Костылину.

— Ну, пронёс бог, — вставай, пойдём.

Стал Костылин вставать и упал.

— Не могу, — ей богу, не могу; сил моих нет.

Мужчина грузный, пухлый, запотел; да как обхватило его в лесу туманом холодным, да ноги ободраны, — он и расхолодел. Стал его Жилин силой поднимать. Как закричит Костылин:

— Ой, больно!

Жилин так и обмер.

— Что кричишь? Ведь татарин близко, услышит. А сам думает: «Он и вправду расслаб; что мне с ним делать? Бросить товарища не годится».

— Ну, — говорит, — вставай, садись на закорки¹, снесу, коли уж идти не можешь.

Посадил на себя Костылина, подхватив руками под ляжки, вышел на дорогу, поволок.

Видно, услышал татарин, как Костылин закричал. Слышит Жилин, едет кто-то сзади, кличет по-своему. Бросился Жилин в кусты. Татарин выхватил ружье, выпалил, — не попал, завизжал по-своему и поскакал прочь по дороге.

— Ну, — говорит Жилин, — пропали, брат! Он, собака, сейчас сберёт татар за нами в погоню. Коли не уйдём версты три, — пропали. А сам думает на Костылина: «И чёрт меня дёрнул колоду эту с собой брать. Один я бы давно ушёл».

Костылин говорит: — Иди один, за что тебе из-за меня пропадать.

— Нет, не пойду, не годится товарища бросать.

Подхватил опять на плечи, попёр. Прошёл он так с версту.

Слышат голоса татарские; остановились татары на том самом месте, где они с дороги свернули. Поговорили, потом зауськали, как собак притравливают. Слышат, трещит что-то

¹ Закорки — заплечье и поясница.

по кустам, прямо к ним собака чужая чья-то. Остановилась, забрехала. Лезут и татары — тоже чужие; схватили, связали, посадили на лошадей, повезли.

Проехали версты три, — встречает их Абдул-хозяин с двумя татарами. Поговорил что-то с татарами, пересадили на своих лошадей, повезли назад в аул.

Абдул уже не смеётся и ни слова не говорит с ними.

Привезли на рассвете в аул, посадили на улице. Сбежались ребята. Камнями, плётками бьют их, визжат.

Собрались татары в кружок, и старик из-под горы пришёл. Стали говорить. Слышит Жилин, что судят про них, что с ними делать. Одни говорят: надо их дальше в горы услать, а старик говорит: «надо убить». Абдул спорит, говорит: «я за них деньги отдал, я за них выкуп возьму». А старик говорит: «ничего они не заплатят, только беды наделают. И грех русских кормить. Убить, — и кончено».

Разошлись. Подошёл хозяин к Жилину, стал ему говорить:

— Если, — говорит, — мне не пришлют за вас выкуп, я через две недели вас запорю. А если затеешь опять бежать, — я тебя как собаку убью. Пиши письмо, хорошенько пиши!

Принесли им бумаги, написали они письма. Набили на них колодки, отвели за мечеть. Там яма аршин пяти, и спустили их в яму.

6

Житьё им стало совсем дурное. Колодки не снимали и не выпускали на вольный свет. Кидали им туда тесто непечёное, как собакам, да в кувшине воду спускали. Вонь в яме, духота, мокрота. Костылин совсем разболелся, распух, и ломота во всём теле стала; и всё стонет или спит. И Жилин приуныл. И не знает, как выбраться.

Начал он было подкапываться, да землю некуда кидать; увидал хозяин, пригрозил убить.

Сидит он раз в яме на корточках, думает об вольном житье, и скучно ему. Вдруг прямо ему на коленки лепёшка упала, другая, и черешни посыпались. Поглядел кверху, а там Дина. Поглядела на него, посмеялась и убежала. Жилин и думает: «не поможет ли Дина?».

Расчистил он в яме местечко, наковырлял глины, стал лепить кукол. Наделал людей, лошадей, собак, думает: «как придёт Дина, брошу ей».

Только на другой день нет Дины. А слышит Жилин — затопали лошади, проехали какие-то, и собрались татары у мечети, спорят, кричат и поминают про русских. И слышит голос старика. Хорошенько не разобрал он, а догадывается, что русские близко подошли, и боятся татары, как бы в аул не зашли, и не знают, что с пленными делать.

Поговорили и ушли. Вдруг слышит — что-то наверху. Видит: Дина присела на корточки, коленки выше головы торчат, свесилась, монисты висят, болтаются над ямой. Глазёнки так и блестят, как звёздочки; вынула из рукава две сырны лепёшки, бросила ему. Жилин взял и говорит:

— Что давно не бывала? А я тебе игрушек наделал. На вот! — Стал ей швырять по одной. А она головой мотает, не смотрит.

— Не надо, — говорит. Помолчала, посидела и говорит: — Иван! Тебя убить хотят. — Сама себе рукой на шею показывает.

— Кто убить хочет?

— Отец, ему старики велят. А мне тебя жалко.

Жилин и говорит:

— А коли тебе меня жалко, так ты мне палку длинную принеси.

Она головой мотает, — что «нельзя». Он сложил руки, молится ей:

— Дина, пожалуйста! Динушка, принеси!

— Нельзя, — говорит, — увидят, все дома, — и ушла.

Вот сидит вечером Жилин. Вдруг на голову ему глина посыпалась. Поглядел вверх: звёзды высоко на небе блестят; и над самую ямой, как у кошки, у Дины глаза в темноте светятся. Нагнулась она лицом на край ямы и шепчет: «Иван, Иван!» а сама руками у лица всё машет, — что «тише мол».

— Что? — говорит Жилин.

— Уехали все, только двое дома.

Жилин и говорит:

— Ну, Костылин, пойдём, попытаемся последний раз; я тебя подсажу.

Костылин и слушать не хочет.

— Нет, — говорит, уж мне, видно, отсюда не выйти. Куда я пойду, когда и поворотиться нет сил?

— Ну, так прощай, — не поминай лихом.

Поцеловался с Костылиным. Ухватился за шест, принесённый Диной, полез. Раза два он обрывался, — колодка мешала.

Поддержал его Костылин, — выбрался кое-как наверх. Дина его тянет ручонками за рубаху, изо всех сил, сама смеётся.

Взял Жилин шест и говорит:

— Снеси на место, Дина, а то хватятся, — прибьют тебя.

Потащила она шест, а Жилин под гору пошёл. Слез под кручь, взял камень вострый, стал замок с колодки выворачивать. А замок крепкий, — никак не сойдёт, да и неловко. Слышит, бежит кто-то с горы, легко попрыгивает. Думает: «верно, опять Дина». Прибежала Дина, взяла камень и говорит: — Дай я.

Села на коленочки, начала выворачивать. Да ручки тонкие, как прутики, — ничего силы нет. Бросила камень, заплакала. Принялся опять Жилин за замок, а Дина села подле него на корточках, за плечо его держит. Оглянулся Жилин, видит — налево за горой зарево красное загорелось, месяц встаёт. «Ну, — думает, — до месяца надо лощину пройти, до лесу добраться». Поднялся, бросил камень. Хоть в колодке, — да надо идти.

— Прощай, — говорит, — Динушка. Век тебя помнить буду.

Ухватила за него Дина; шарит по нём руками, ищет — куда бы лепёшки ему засунуть. Взял он лепёшки.

— Спасибо, — говорит, — умница. Кто тебе без меня кукол делать будет? — И погладил её по голове.

Как заплачет Дина, закрылась руками, побежала на гору, как козочка прыгает. Только в темноте слышно — монисты в косе по спине побрякивают.

Перекрестился Жилин, подхватил рукой замок на колодке, чтобы не бренчал, пошёл по дороге, — ногу волочит, а сам все на зарево поглядывает, где месяц встает. Дорогу он узнал. Прямоком идти вёрст восемь. Только бы до лесу дойти прежде, чем месяц совсем выйдет. Перешёл он речку, — побелел уже свет за горой. Пошёл лощиной, идёт, сам поглядывает: не видать ещё месяца. Уж зарево посветлело и с одной стороны лощины всё светлее, светлее становится. Ползёт под гору тень, всё к нему приближается.

Идёт Жилин, всё тени держится. Он спешит, а месяц ещё скорее выбирается; уж и направо засветились макушки. Стал подходить к лесу, выбрался месяц из-за гор, — бело, светло совсем, как днём. На деревьях все листочки видны. Тихо, светло по горам, как вымерло всё. Только слышно — внизу речка журчит.

Дошёл до лесу — никто не попался. Выбрал Жилин местечко в лесу потемнее, сел отдыхать.

Отдохнул, лепёшку съел. Нашёл камень, принялся опять колодку сбивать. Все руки избил, а не сбил. Поднялся, пошёл по дороге. Прошёл с версту, выбился из сил, — ноги ломит. Ступит шагов десять и остановится. «Нечего делать, — думает, — буду тащиться, пока сила есть. А если сесть, так и не встану. До крепости мне не дойти, а как рассветёт, — лягу, переднюю, а ночью опять пойду».

Всю ночь шёл. Вышел на край леса совсем светло... Вгляделся — видит: ружья блестят, казаки, солдаты.

Жилин, собрался с последними силами, пошёл под гору. А сам думает: «избави бог, тут, в чистом поле, увидит конный татарин, хоть близко, а не уйдёшь». Только подумал, глядь: налево, на бугре стоят трое татар. Увидали его, пустились к нему. Так сердце у него и оборвалось. Замахал руками, закричал что было духу своим.

— Братцы! Выручай, братцы!

Услыхали наши, выскочили казаки верховые. Пустились к нему, наперерез татарам.

Казакам далеко, а татарам близко. Да уж и Жилин собрался с последней силой, подхватил рукой колодку, бежит к казакам, а сам себя не помнит, крестится и кричит:

— Братцы! братцы, братцы!

Казаков человек пятнадцать было.

Испугались татары, стали останавливаться. И подбежал Жилин к казакам.

Окружили его казаки, спрашивают: «кто он, что за человек, откуда?». А Жилин сам себя не помнит, плачет и приговаривает:

— Братцы! Братцы!

Выбежали солдаты, обступили Жилина: кто ему хлеба, кто каши, кто водки, кто шинелью прикрывает, кто колодку разбивает.

Узнали его офицеры, повезли в крепость. Обрадовались солдаты, товарищи собрались к Жилину.

Рассказал Жилин, как с ним всё дело было и говорит:

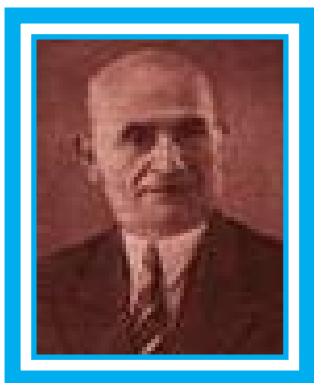
— Вот я и домой съездил, женился! Нет, уж, видно, не судьба моя.

И остался служить на Кавказе. А Костылина только ещё через месяц выкупили за пять тысяч. Еле живого привезли.

Вопросы и задания

1. Выпишите незнакомые слова, характеризующие мир татар. С какой целью автор вводит их в текст без перевода?
2. Охарактеризуйте Жилина и Костылина? Прочитайте фрагменты, связанные с их поведением.
3. Составьте диаграмму Венна и сравните главных героев.
4. Чем отличается Дина от других детей в ауле? Какие изобразительно-выразительные средства использует автор описывая её?
5. Каким вы представляете Кавказ того времени? Что вы знаете о войне? Что надо делать, чтобы был мир на Земле? Устройте по этому поводу диспут.
6. Определите основную мысль произведения.
7. Чему учит нас рассказ Л.Толстого?

**СУЛЕЙМАН САНИ
АХУНДОВ**

(1875-1939)

ЧЕРНУШКА
(в сокращении)

К вечеру Гусейнкули-ага со своими друзьями вернулся с охоты домой. Лай собак, ржание коней, крики слуг и конюхов, голоса охотников – всё слилось в радостный гул.

На шум выбежала во двор, без разрешения гувернантки, дочка Гусейнкули-аги Агджа-ханум, маленькая белокурая и белолицая девочка. Заметив стоящую в стороне Чернушку, она подошла к ней. Несколько минут они молча разглядывали друг друга. Как непохожи были они! У одной родители богатые дворяне, другая сирота. Одна изнеженное, слабое существо, другая сильная и здоровая, крепкая, как сталь. Много перевидала она на своём маленьком веку и, несмотря ни на что, сохранила гордый и независимый характер. Агджа-ханум протянула Чернушке свою тоненькую ручку с хрупкими пальчиками, и та крепко сжала её огрубевшей и сильной ладонью. От этого пожатия Агджа-ханум слегка вскрикнула, но тут же рассмеялась. Через минуту между девочками завязался разговор.

В это время Гусейнкули-ага, забыв о существовании Чернушки, развлекал своих гостей. Периджахан-ханум, увидев, что дочь её оживлённо болтает с какой-то незнакомой черномазой девочкой, позвала гувернантку и сердито накинулась на неё:

– Вы забываете о своих обязанностях, сударыня! Посмотрите, с кем беседует ваша воспитанница! Немедленно уведите её в детскую и оставьте без ужина!

– Пожалей нашу дочку, Периджахан. Ведь она изнывает в

одиночестве, без подруг. Пусть играет с этой девочкой. Может, она хоть немного окрепнет и поздоровеет. Это не цыганка, да если бы даже так, что в этом дурного? Ведь гувернантка всегда будет при них. Если она заметит что-нибудь нехорошее, тут же скажет нам.

Но эти слова нисколько не подействовали на Периджахан-ханум.

— Мы с тобой договорились, что ты не будешь вмешиваться в воспитание дочери. Почему же теперь ты нарушаешь своё слово? Пусть эта девочка сейчас же убирается отсюда. Больше ничего и слышать не желаю.

— Нет! — твёрдо сказал Гусейнкули-ага. — Как я сказал, так и будет. Чернушка будет жить у старого садовника Пири.

— Это, пожалуйста, — сказала Периджахан-ханум примирительно. — Но только с условием, чтобы она не встречалась с Агджой...

В этот вечер Чернушка была отдана на попечение бабушки Пири. Садовник очень обрадовался Чернушке.

Однажды Гусейнкули-ага с дочкой отправились к садовнику. Дедушка Пири сидел на пороге и плёл корзину, а Чернушка мыла посуду.

При виде Гусейнкули-аги бедняжка не на шутку перепугалась. Она вынесла для него подушку и положила её на мягкую траву. Опустившись на подушку, он сказал:

— Идите, девочки, поиграйте в саду.

Чернушка захватила с собой бубен и убежала со своей новой подружкой. По дороге девочки условились, что теперь будут встречаться там.

Чернушка учила Агджу-ханум играть на бубне и танцевать. Маленькая барышня была счастлива, но лицо её омрачалось и сердце тоскливо сжималось, когда она вспоминала, что скоро вернётся мать и лишит её этого удовольствия.

К вечеру вернулись из города Периджахан-ханум и Марья Ивановна.

Однажды у Гусейнкули-ага собралось много гостей. В разгар пира он послал своего слугу к бабушке Пири за Чернушкой. Девочка была больна и лежала в кровати. Старик не пустил её.

Узнав об этом, захмелевший бек сильно разгневался и вторично послал слуг с приказанием немедленно вытащить Чернушку из постели и привести к гостям. Дедушка Пири ничего не мог поделать. Чернушка надела своё нарядное платье, взяла бубен и пошла.

Она очень любила танцевать и даже в этот вечер, больная, плясала так искусно, с таким увлечением, что все в молчаливом

восхищении любовались ею. Она забыла обо всём, никого не видела, ничего не замечала.

Закончив танец, Чернушка закружилась с такой быстротой, что стала похожа на маленький яркий шар. Зрители восторженно захлопали ей. А она опустилась на одно колено и, подняв руку с бубном над головой, левую приложила к бедру.

Гости просили Чернушку повторить танец, но она отказалась. Даже Гусейнкули-ага на мог заставить её.

В этот момент в круг неожиданно вышла Агджа-ханум и приказала музыкантам играть. Все с удивлением смотрели на неё. Грянула музыка, и девочка начала плясать. Движения её были такие же стремительные и красивые, как у Чернушки. Покружившись немного, она пригласила вступить в танец Чернушку. Та тотчас подскочила к барышне, и они стали танцевать вдвоём.

Весть об этом облетела весь дом и донеслась до Периджахан-ханум. Она вихрем влетела в зал и, увидев, что дочь танцует вместе с нищей цыганкой, не зная, что делать от гнева.

Девочки кончили танец. Все громко аплодировали и наперебой хвалили их. Счастливый Гусейнкули-ага заключил дочь в объятия.

Через минуту явилась служанка и вызвала Агджу-ханум к госпоже. Гусейнкули-ага тотчас догадался, что девочка будет наказана. Так и случилось. Не прошло и минуты, как из соседней комнаты донёсся раздражённый крик Периджахан-ханум.

Гусейнкули-ага, извинившись перед гостями, пошёл к жене. Когда он появился в дверях, Агджа-ханум горько плакала, а мать неистово кричала:

– Сейчас же скажи, кто тебя выучил этим танцам!

– Я тебе отвечу, – выступил вперёд Гусейнкули-ага. – Её научила Чернушка. Что ещё хочешь?

– Как же Чернушка могла её научить? Я же запретила им видаться.

– Ты запретила, а я разрешил. Кто, в конце концов, хозяин в этом доме, я или ты? Кто смеет перечить мне?

Периджахан-ханум никогда ещё не приходилось видеть своего мужа в таком гнев...

Солнце уже давно поднялось, а Чернушка всё лежала в постели с открытыми глазами и о чём-то напряжённо думала.

– Ты сегодня заспалась, дочка! – сказал ей дедушка Пири.

– Ты никогда не вставала так поздно. Уж не заболела ли?

– Нет, дедушка. Я здорова. Просто не хочется вставать.

Дедушка Пири отворил настежь дверь.

– Посмотри, какой чудесный день! В такое время одни лентяи лежат в постели.

Чернушка начала медленно одеваться. В это время Агджа-ханум находилась со своей гувернанткой в цветнике. Марья Ивановна читала, а маленькая барышня строила из песка домик. Потом она набрала цветов и стала украшать его.

Внезапно ядовитая змея, гревшаяся на солнце, подползла и ужалила Агджу-ханум в голую руку, чуть выше кисти.

Девочка с горьким криком бросилась к гувернантке.

Растерявшись, Марья Ивановна бросилась к дому за водой, оставив Агджу-ханум одну. Та с криком бежала за гувернанткой.

– Постой, дочка! – воскликнул дедушка Пири. – Послушай-ка, что это за крики на господском дворе?

– Дедушка, это голос Периджахан-ханум! И Чернушка бросилась туда.

Когда она вбежала во двор, Агджа-ханум стояла бледная. Из руки её сочилась кровь.

Периджахан-ханум иступлённо кричала, умоляя слуг:

– Милые, спасите, помогите! Спасите мою дочку! Отсосите кровь из ранки!..

Но ни один из слуг не решался на это рискованное дело – отсасывать змеиный яд из ранки.

Услышав слова Периджахан-ханум, Чернушка тотчас же побежала к Агдже-ханум и, крепко прижавшись губами к ранке, стала изо всех сил сосать её; она отсасывала и выплёвывала кровь.

Когда перевязывали бинтом ранку на руке барышни, подошёл дедушка Пири.

– Видел, дед, какая беда стряслась с нами? – жалобно говорила всё ещё не пришедшая в себя от страха Периджахан-ханум.

– Видел! – глухо отозвался старик. – Видел, как ты спасла своего ребёнка ценой жизни этой бедной сиротки! И он окинул барыню гневным взглядом.

У Чернушки оказалась царапинка на десне, и, когда она

отсасывала ранку Агджи-ханум, яд проник в кровь и отравил девочку. Жизнь маленькой сиротки угасала. Но дедушка Пири всё же надеялся спасти её...

Наконец, приехал Гусейнкули-ага из города и привёз врача.

— Жизнь Агджи-ханум вне опасности, — заявил доктор, осмотрев её. — Яд отсосали во-

время, и он не успел проникнуть в кровь! У неё небольшой жар, но я выпишу лекарство, и всё пройдёт.

Мать и отец беленькой девочки радостно вздохнули и вместе с врачом направились к избушке садовника.

Опухшие, налитые кровью глаза Чернушки были закрыты.

— Положение весьма тяжёлое! — сказал врач после осмотра. — Яд попал в кровь, и надежды на спасение мало...

— Доктор, — сдерживая гнев, сказал старик, — как бы вы назвали женщину, которая ради спасения своей дочери губит другого ребёнка?

— Молчать, собака! — взревел Гусейнкули-ага. — Ты ставишь мою дочь рядом с какой-то безродной цыганкой?

Врач успокоил бека и дал Чернушке привезённое из города лекарство. Он оставил склянку у дедушки Пири, велел почаще поить из неё больную...

Вопросы и задания

1. Найдите в тексте фрагменты со знакомой вам лексикой азербайджанского языка. Прочитайте их .

2. Определите тему и идею рассказа.

3. Составьте план-сравнение Чернушки и Агджи-ханум.

4. Перескажите текст, дополняя его цитатами.

5. Как вы понимаете слово дружба? Была ли дружба девочек настоящей?

6. Поразмышляйте над поговоркой: “Друг познаётся в беде”.

7. Подберите пословицы и поговорки на тему “Дружба”.

ЭЛЬЧИН

(р. 1943г.)

ХОДЯТ ПО ЗЕМЛЕ ПОЕЗДА
(в сокращении)

Много было на свете поездов: Баку-Москва и Баку-Новороссийск, Харьков-Баку и Баку-Одесса, Махачкала-Баку. А как только начиналось лето, появлялись летние поезда Баку-Кисловодск и Баку-Сочи.

Во всех вагонах было полно людей, и люди были разные, по-разному одетые. Были даже совсем чёрные, были жёлтые-жёлтые, и все они тоже проезжали в поездах мимо селения, где жил Абили.

Село, где жил Абили, было в полукилометре от железной дороги. Почти двенадцать месяцев здесь шли дожди и плыли с гор туманы, сквозь эти туманы и дожди днём и ночью мимо селения, стоящего под самой горой, шли поезда.

По ночам шум поездов наполнял все дома, и Абили, лежавший в постели, постланной прямо на полу, словно видел сквозь стенку длинный, проносющийся мимо, поезд.

А утром, пригнав корову в стадо, а овец и баранов в отару деревенского пастуха Ильдрыма, стреножив на зелёной лужайке за домом гнедого коня и почистив сарай, Абили шёл в школу. Потом, вернувшись из школы и приготовив уроки, он спускался к железной дороге, шёл рядом с рельсами до тех пор, пока селение у подножия горы совсем не пропадало из виду. Тогда он садился в зарослях клевера, под алычовым деревом, которое росло здесь, и смотрел на мелькающие мимо вагоны и цистерны.

Однажды один из поездов, Баку-Ростов, неожиданно остановился перед самым селением. Он простоял здесь ровно четыре часа. Говорили, впереди что-то произошло неладное с путями. За эти четыре часа в селе не осталось ни одного яйца, ни одной курицы, ни сыра, ни мяса все хотели обязательно что-нибудь продать едущим в поезде, на деревьях даже яблок и груш не осталось, не осталось алычи и абрикосов.

Пока все деревенские были заняты торговлей, Абили стоял в стороне и смотрел на детей из поезда, играющих на ровной площадке у подножия горы.

Вдруг перед Абили остановилась девочка в розовых туфельках и в розовых чулочках, в розовом пальто и розовой шапочке с яркими розовыми щеками. Она удивлённо посмотрела на его ноги в калошах и шерстяных носках и спросила:

— А как тебя зовут?

Никогда ещё в жизни у Абили так не падало сердце в груди. Никогда ещё в жизни Абили не был вот так растерян. Наконец он ответил еле слышно:

— Абили.

Розовая девочка переспросила изумлённо:

— Как?

И Абили повторил:

— Абили.

Розовая девочка ещё постояла секунду, изумлённо глядя на него, потом умчалась так быстро, словно Абили уже понимал, что так будет. Розовая девочка розовая, а Абили — это Абили. Да и откуда знать Розовой девочке, что настоящее имя Абили Абульфат, это мать с отцом называют его ласково А-би-ли, потому что очень его любят. Нет, Абили не обиделся, он обиделся на другое.

Розовая девочка показала издали на него Зелёным, Жёлтым, Красным девочкам и смеялась, и Зелёные, Жёлтые, Красные девочки тоже смотрели на Абили и смеялись.

Потом мамы и папы из окон вагонов стали звать детей. А через некоторое время поезд ушёл, и наступила обычная для этих мест тишина.

А потом пришло лето, и однажды Абили, лёжа на траве у железнодорожного полотна, думал печально и совсем уже как взрослый о том, что годы тоже, как поезда, — приходят и уходят, и уже становятся невидимыми.

Потом, как всегда, показался поезд, замелькали мимо вагоны, и девушка в одном из вагонов вытряхнула из салфетки мусор: пустую бутылку, бумагу, яичную скорлупу, огрызки помидоров и книжку.

Книга перевернулась в воздухе и упала в пяти шагах от Абили. Когда поезд промчался, Абили встал и поднял книгу.

Обложки не было, а на первой, когда-то чистой, без названия странице, теперь измятой, со следами от стаканов и пятен помидорного сока, было наискосок синими чернилами очень старательно написано:

Я не Пушкин, не Крылов,
Не могу писать стихов,
Но пишу тебе три слова:
Живи, учись и буд здорова!

Вечно твой Руфат.

Прошло время, Абили закончил школу, таким же летним днём, сев в колхозный ГАЗ-51, приехал в Баку. Он сдал вступительные экзамены в университет и получил все пятёрки. А потом стало известно, что его, вместе с двумя другими ребятами, решили послать учиться в Московский университет.

Первый раз в жизни своей Абили сел, наконец, в поезд. Это был поезд Баку-Москва. Долго ли, коротко ли шёл этот поезд по ущельям, через холмы, через равнины, но, наконец, он приблизился к маленькому селению у подножия горы...

Абили стоял у окна вагона и глядел, как мелькают среди деревьев черепичные крыши у подножия горы, и вдруг он сделал для себя открытие, что тот поезд, три года назад, увёз совсем не его сердце. А его сердце вот оно!... оно остаётся здесь...

И он понял, что всю свою жизнь он будет помнить эти места, эти дожди и туманы, они ему будут сниться. И всё, что он сделает потом, когда-нибудь в будущей жизни, имеет далёкое начало – маленькое село у подножия горы...

Вопросы и задания

1. Разделите текст на части. Перескажите его по частям.

2. Каким вам представляется Абили в начале рассказа, а каким в конце? Охарактеризуйте его.

3. Почему автор называет девочку Розовой? Что так задело Абили?

4. О чём, по-вашему, думал мальчик, глядя на проезжающие мимо поезда?

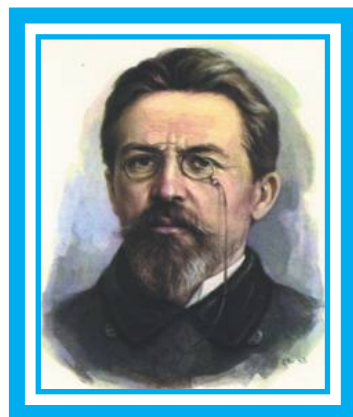
5. Почему его сердце “осталось здесь”?

АНТОН ПАВЛОВИЧ

ЧЕХОВ

(1860 – 1904)

ВАНЬКА (в сокращении)

Ванька Жуков, девятилетний мальчик, отданный три месяца тому назад в ученье к сапожнику Аляхину, в ночь под Рождество не ложился спать. Дождавшись, когда хозяева и подмастерья ушли к заутрене, он достал из хозяйского шкафа пузырёк с чернилами, ручку с заржавленным пером и, разложив перед собой измятый лист бумаги, стал писать.

“Милый дедушка, Константин Макарыч! – писал он. – Я пишу тебе письмо. Поздравляю вас с Рождеством и желаю тебе всего от Господа Бога. Нету у меня ни отца, ни маменьки, только ты у меня один остался”.

Ванька вздохнул, умакнул перо и продолжал писать:

“А вчера же мне была выволочка. Хозяин выволок меня за волосы на двор и отчесал шпандырем¹ за то, что я качал ихнего ребящёнка в люльке и по нечаянности заснул. А на неделе хозяйка велела мне почистить селёдку, а я начал с хвоста, а она взяла селёдку и ейной мордой начала меня в харю тыкать. Подмастерья надо мной насмеваются, посылают в кабаки за водкой и велют красть у хозяев огурцы, а хозяин бьёт чем попадя...

А Москва – город большой. Дома всё господские и лошадей много, а овец нету и собаки незлые. Со звездой тут ребята не ходят и на клирос² петить никого не пускают, а раз я видал в одной лавке на окне крючки продаются прямо с леской и на всякую рыбу, очень стоящие, даже такой есть один крючок, что пудового³ сома

¹Шпандырь – ремень, которым сапожник крепит свою работу к ноге.

²Клирос – место для певчих в церкви.

³Пуд – мера веса, 16 кг

удержит. И видал некоторые лавки, где ружья всякие на манер бариновых, так что небось рублей сто каждое... А в мясных лавках и тетерева, и рябцы¹, и зайцы, а в котором месте их стреляют, про то сидельцы² не рассказывают.”

Ванька судорожно вздохнул и опять уставился на окно. Он вспомнил, что за ёлкой для господ всегда ходил в лес дед и брал с собою внука. Весёлое было время! И дед кричал, и мороз кричал, а глядя на них, и Ванька кричал. Бывало, прежде чем вырубить ёлку, дед выкуривает трубку, долго нюхает табак, посмеивается над озябшим Ванюшкой... Молодые ёлки, окутанные инеем, стоят неподвижно и ждут, которой из них помирать. Откуда ни возьмись по сугробам летит стрелой заяц... Дед не может, чтоб не крикнуть:

– Держи, держи... держи! Ах, куцый дьявол!

Срубленную ёлку дед тащил в господский дом, а там принимались убирать её...

“Приезжай, милый дедушка, – продолжал Ванька, – Христом-богом тебя молю, возьми меня отсюда. Пожалей ты меня, сироту несчастную, а то меня все колотят и кушать страсть хочется, а скука такая, что и сказать нельзя, всё плачу. А на медни хозяин колодкой по голове ударил, так что упал и на силу очухался. Пропавшая моя жизнь, хуже собаки всякой... А ещё кланяюсь Алёне, кривому Егорке и кучеру, а гармонию мою никому не отдавай. Остаюсь твой внук Иван Жуков, милый дедушка, приезжай”.

Ванька свернул вчетверо исписанный лист и вложил его в конверт, купленный накануне за копейку... Подумав немного, он умакнул перо и написал адрес:

На деревню дедушке

Потом почесался, подумал и прибавил: “*Константину Макарычу*”. Довольный тем, что ему не помешали писать, он надел шапку и, не набрасывая на себя шубейки, прямо в рубахе выбежал на улицу...

Ванька добежал до первого почтового ящика и сунул драгоценное письмо в щель...

Убаюканный сладкими надеждами, он час спустя крепко спал... Ему снилась печка. На печи сидит дед,

¹Рябцы – рябчики.

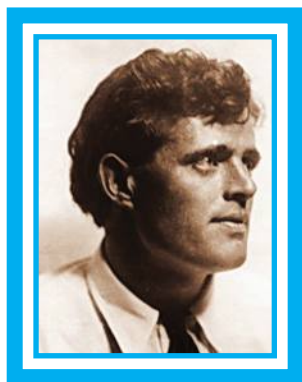
²Сиделец – продавец в лавке.

свесив босые ноги, и читает письмо кухаркам... Около печи ходит Вьюн и вертит хвостом...

Вопросы и задания

- 1. Подумайте, как построен рассказ, какие части в нём чередуются.*
- 2. Случайно ли, что Ванька пишет письмо в ночь под Рождество?*
- 3. Охарактеризуйте Ваньку. Можно ли назвать его сообразительным и наблюдательным? Приведите примеры из текста.*
- 4. Перепишите письмо Ваньки. Проверьте, не допустили ли вы ошибки. Соблюдает ли Ванька правила вежливости?*
- 5. Почему же мальчик так промахнулся с адресом?*
- 6. Придумайте свой вариант финала рассказа.*

ДЖЕК ЛОНДОН

(1876 – 1916)

СКАЗАНИЕ О КИШЕ

Давным-давно у самого Полярного моря жил Киш. Долгие и счастливые годы был он первым человеком в своём посёлке, умер, окружённый почётом, и имя его было у всех на устах. Так много воды утекло с тех пор, что только старики помнят его имя, помнят и правдивую повесть о нём, которую они слышали от своих отцов и которую сами передадут своим детям и детям своих детей, а те – своим, и так она будет переходить из уст в уста до конца времён. Зимней полярной ночью, когда северная буря завывает над ледяными просторами, а в воздухе

носятся белые хлопья и никто не смеет выглянуть наружу, хорошо послушать рассказ о том, как Киш, что вышел из самой бедной иглу¹ достиг почёта и занял высокое место в своём посёлке.

Киш, как гласит сказание, был смышлённым мальчиком, здоровым и сильным и видел уже тринадцать солнц. Так считают на Севере годы, потому что каждую зиму солнце оставляет землю во мраке, а на следующий год поднимается над землёй новое солнце, чтобы люди снова могли согреться и поглядеть друг другу в лицо. Отец Киша был отважным охотником и встретил смерть в голодную годину, когда хотел отнять жизнь у большого полярного медведя, чтобы даровать жизнь своим соплеменникам. Один на один он схватился с медведем, и тот переломал ему все кости; но на медведе было много мяса, и это спасло народ. Киш был единственным сыном, и, когда погиб его отец, он стал жить вдвоём с матерью. Но люди быстро всё забывают, забыли и о подвиге его отца, а Киш был всего только мальчик, мать его — всего только женщина, и о них тоже забыли, и они жили так, забытые всеми, в самой бедной иглу.

Но как-то вечером в большой иглу вождя Клош-Квана собрался совет, и тогда Киш показал, что в жилах у него горячая кровь, а в сердце — мужество мужчины, и он ни перед кем не станет гнуть спину. С достоинством взрослого он поднялся и ждал, когда наступит тишина и стихнет гул голосов.

— Я скажу правду, — так начал он. — Мне и матери моей даётся положенная доля мяса. Но это мясо часто бывает старое и жёсткое, и в нём слишком много костей.

Охотники — и совсем седые, и только начавшие сесть, и те, что были в расцвете лет, и те, что были ещё юны, — все разинули рот. Никогда не доводилось им слышать подобных речей. Чтобы ребёнок говорил, как взрослый мужчина, и бросал им в лицо дерзкие слова!

Но Киш продолжал твёрдо и сурово:

— Мой отец, Бок, был храбрым охотником, вот почему я говорю так. Люди рассказывают, что Бок один приносил больше мяса, чем любые два охотника, даже из самых лучших, что своими руками он делил это мясо и своими глазами следил за тем, чтобы самой древней старухе и самому хилому старику досталась справедливая доля.

— Вон его! — закричали охотники. — Уберите отсюда этого мальчишку! Уложите его спать. Мал он ещё разговаривать с седоголовыми мужчинами.

¹ Ёглу — хижина канадских эскимосов, сложенная из снежных плит.

Но Киш спокойно ждал, пока не уляжется волнение.

– У тебя есть жена, Уг-Глук, – сказал он, – и ты говоришь за неё. А у тебя, Массук, – жена и мать, и за них ты говоришь. У моей матери нет никого, кроме меня, и потому говорю я. И я сказал: Бок погиб потому, что он был храбрым охотником, а теперь я, его сын, и Айкига, мать моя, которая была его женой, должны иметь вдоволь мяса до тех пор, пока есть вдоволь мяса у племени. Я, Киш, сын Бока, сказал.

Он сел, но уши его чутко прислушивались к буре протеста и возмущения, вызванной его словами.

– Разве мальчишка смеет говорить на совете? – прошептал старый Уг-Глук.

– С каких это пор грудные младенцы стали учить нас, мужчин? – зычным голосом спросил Массук. – Или я уже не мужчина, что любой мальчишка, которому захотелось мяса, может смеяться мне в лицо?

Гнев их кипел ключом. Они приказали Кишу сейчас же идти спать, грозили совсем лишить его мяса, обещали задать ему жестокую порку за дерзкий поступок. Глаза Киша загорелись, кровь забурилась и жарким румянцем прилила к щекам. Осыпавшись бранью, он вскочил с места.

– Слушайте меня, вы, мужчины! – крикнул он. – Никогда больше не стану я говорить на совете, никогда, прежде чем вы не придёте ко мне и не скажете: "Говори, Киш, мы хотим, чтобы ты говорил". Так слушайте же, мужчины, моё последнее слово. Бок, мой отец, был великий охотник. Я, Киш, его сын, тоже буду охотиться и приносить мясо и есть его. И знайте отныне, что делёж моей добычи будет справедлив. И ни одна вдова, ни один беззащитный старик не будут больше плакать ночью оттого, что у них нет мяса, в то время как сильные мужчины стонут от тяжкой боли, ибо съели слишком много. И тогда будет считаться позором, если сильные мужчины станут объедаться мясом! Я, Киш, сказал всё.

Насмешками и глумлением проводили они Киша, когда он выходил из иглу, но он стиснул зубы и пошёл своей дорогой, не глядя ни вправо, ни влево.

На следующий день он направился вдоль берега, где земля встречается со льдами. Те, кто видел его, заметили, что он взял с собой лук и большой запас стрел с костяными наконечниками, а на плече нес большое охотничье копьё своего отца. И много было толков и много смеха по этому поводу. Это было невиданное событие. Никогда не случалось, чтобы мальчик его возраста ходил на охоту, да ещё один. Мужчины только пока-

чивали головой да пророчески что-то бормотали, а женщины с сожалением смотрели на Айкигу, лицо которой было строго и печально.

— Он скоро вернётся, — сочувственно говорили женщины.

— Пусть идёт. Это послужит ему хорошим уроком, — говорили охотники. — Он вернётся скоро, тихий и покорный, и слова его будут кроткими.

Но прошёл день и другой, и на третий поднялась жестокая пурга, а Киша всё не было. Айкига рвала на себе волосы и вымазала лицо сажей в знак скорби, а женщины горькими словами корили мужчин за то, что они плохо обошлись с мальчиком и послали его на смерть; мужчины же молчали, готовясь идти на поиски тела, когда утихнет буря.

Однако на следующий день рано утром Киш появился в посёлке. Он пришёл с гордо поднятой головой. На плече он нёс часть туши убитого им зверя. И поступь его стала надменной, а речь звучала дерзко.

— Вы, мужчины, возьмите собак и нарты и ступайте по моему следу, — сказал он. — За день пути отсюда найдёте много мяса на льду — медведицу и двух медвежат.

Айкига была вне себя от радости, он же принял её восторги, как настоящий мужчина, сказав:

— Идём, Айкига, надо поесть. А потом я лягу спать, ведь я очень устал.

И он вошёл в иглу и сытно поел, после чего спал двадцать часов подряд.

Сначала было много сомнений, много сомнений и споров. Выйти на полярного медведя — дело опасное, но трижды и три раза трижды опаснее — выйти на медведицу с медвежатами. Мужчины не могли поверить, что мальчик Киш один, совсем один, совершил такой великий подвиг. Но женщины рассказывали о свежем мясе только что убитого зверя, которое

принёс Киш, и это поколебало их недоверие. И вот, наконец, они отправились в путь, ворча, что если даже Киш и убил зверя, то, верно, он не позаботился освежевать его и разделать тушу. А на Севере это нужно делать сразу, как только зверь убит, — иначе мясо замёрзнет так крепко, что

его не возьмёт даже самый острый нож; а взвалить мороженую тушу в триста фунтов на нарты и везти по неровному льду — дело нелёгкое. Но, придя на место, они увидели то, чему не хотели верить: Киш не только убил медведей, но рассёк туши на четыре части, как истый охотник, и удалил внутренности.

Так было положено начало тайне Киша. Дни шли за днями, и тайна эта оставалась неразгаданной. Киш снова пошёл на охоту и убил молодого, почти взрослого медведя, а в другой раз — огромного медведя-самца и его самку.

Обычно он уходил на три-четыре дня, но бывало, что пропадал среди ледяных просторов и целую неделю. Он никого не хотел брать с собой, и народ только диву давался. "Как он это делает? — спрашивали охотники друг у друга. — Даже собаки не берёт с собой, а ведь собака — большая подмога на охоте".

— Почему ты охотишься только на медведя? — спросил его как-то Клош-Кван.

И Киш сумел дать ему надлежащий ответ:

— Кто же не знает, что только на медведе так много мяса.

Но в поселке стали поговаривать о колдовстве.

— Злые духи охотятся вместе с ним, — утверждали одни. — Поэтому его охота всегда удачна. Чем же иначе можно это объяснить, как не тем, что ему помогают злые духи?

— Кто знает? А может, это не злые духи, а добрые? — говорили другие.

— Ведь его отец был великим охотником. Может, он теперь охотится вместе с сыном и учит его терпению, ловкости и отваге. Кто знает!

Так или не так, но Киша не покидала удача, и нередко менее искусным охотникам приходилось доставлять в посёлок его добычу. И в дележе он был справедлив. Так же, как и отец его, он следил за тем, чтобы самый хилый старик и самая древняя старуха получали справедливую долю, а себе оставлял ровно столько, сколько нужно для пропитания. И поэтому-то, и ещё потому, что он был отважным охотником, на него стали смотреть с уважением и побаиваться его и начали говорить, что он должен стать вождём после смерти старого Клош-Квана. Теперь, когда он прославил себя такими подвигами, все ждали, что он снова появится в совете, но он не приходил, и им было стыдно позвать его.

— Я хочу построить себе новую иглу, — сказал Киш однажды Клош-Квану и другим охотникам. — Это должна быть просторная иглу, чтобы Айкиге и мне было удобно в ней жить.

– Так, – сказали те, с важностью кивая головой.

– Но у меня нет на это времени. Моё дело – охота, и она отнимает всё моё время. Было бы справедливо и правильно, чтобы мужчины и женщины, которые едят мясо, что я приношу, построили мне иглу.

И они выстроили ему такую большую просторную иглу, что она была больше и просторнее даже жилища самого Клош-Квана. Киш и его мать перебрались туда, и впервые после смерти Бока Айкига стала жить в довольстве. И не только одно довольство окружало Айкигу: она была матерью замечательного охотника, и на неё смотрели теперь, как на первую женщину в посёлке, и другие женщины посещали её, чтобы испросить у неё совета, и ссылались на её мудрые слова в спорах друг с другом или со своими мужьями.

Но больше всего занимала все умы тайна чудесной охоты Киша. И как-то раз Уг-Глук бросил Кишу в лицо обвинение в колдовстве.

– Тебя обвиняют, – злоеце сказал Уг-Глук, – в сношениях со злыми духами; вот почему твоя охота удачна.

– Разве вы едите плохое мясо? – спросил Киш. – Разве кто-нибудь в посёлке заболел от него? Откуда ты можешь знать, что тут замешано колдовство? Или ты говоришь наугад – просто потому, что тебя душит зависть?

И Уг-Глук ушёл пристыженный, и женщины смеялись ему вслед. Но как-то вечером на совете после долгих споров было решено послать соглядатаев по следу Киша, когда он снова пойдёт на медведя, и узнать его тайну. И вот Киш отправился на охоту, а Бим и Боун, два молодых, лучших в посёлке охотника, пошли за ним по пятам, стараясь не попасться ему на глаза. Через пять дней они вернулись, дрожа от нетерпения, – так хотелось им поскорее рассказать то, что они видели. В жилище Клош-Квана был срочно созван совет, и Бим, тараща от изумления глаза, начал свой рассказ.

– Братья! Как нам было приказано, мы шли по следу Киша. И уж так осторожно мы шли, что он ни разу не заметил нас. В середине первого дня пути он встретился с большим медведем-самцом, и это был очень, очень большой медведь...

– Больше и не бывает, – перебил Боун и повёл рассказ дальше. – Но медведь не хотел вступать в борьбу, он повернул назад и стал не спеша уходить по льду. Мы смотрели на него со скалы на берегу, а он шёл в нашу сторону, и за ним, без всякого страха, шёл Киш. И Киш кричал на медведя, осыпал его бранью, размахивал руками и поднимал очень большой

шум. И тогда медведь рассердился, встал на задние лапы и зарычал. Киш шёл прямо на медведя...

— Да, да, — подхватил Бим. — Киш шёл прямо на медведя, и медведь бросился на него, и Киш побежал. Но когда Киш бежал, он уронил на лед маленький круглый шарик, и медведь остановился, обнюхал этот шарик и проглотил его. А Киш всё бежал и всё бросал маленькие круглые шарики, а медведь всё глотал их.

Тут поднялся крик, и все выразили сомнение, а Уг-Глук прямо заявил, что он не верит этим сказкам.

— Собственными глазами видели мы это, — убеждал их Бим.

— Да, да, собственными глазами, — подтвердил и Боун. — И так продолжалось долго, а потом медведь вдруг остановился, завыл от боли и начал, как бешеный, колотить передними лапами о лёд. А Киш побежал дальше по льду и стал на безопасном расстоянии. Но медведю было не до Киша, потому что маленькие круглые шарики наделали у него внутри большую беду.

— Да, большую беду, — перебил Бим. — Медведь царапал себя когтями и прыгал по льду, словно разыгравшийся щенок. Но только он не играл, а рычал и выл от боли, — и всякому было ясно, что это не игра, а боль. Ни разу в жизни я такого не видал.

— Да, и я не видал, — опять вмешался Боун. — А какой это был огромный медведь!

— Колдовство, — проронил Уг-Глук.

— Не знаю, — отвечал Боун. — Я рассказываю только то, что видели мои глаза. Медведь был такой тяжёлый и прыгал с такой силой, что скоро устал и ослабел и, тогда он пошёл прочь вдоль берега и всё мотал головой из стороны в сторону, а потом садился, и рычал, и выл от боли — и снова шёл. А Киш тоже шёл за медведем, а мы — за Кишем, и так мы шли весь день и ещё три дня. Медведь всё слабел и выл от боли.

— Это колдовство! — воскликнул Уг-Глук. — Ясно, что это колдовство!

— Всё может быть.

Но тут Бим опять сменил Боуна:

— Медведь стал кружить. Он шёл то в одну сторону, то в другую, то назад, то вперёд, то по кругу и снова и снова пересекал свой след и, наконец, пришёл к тому месту, где встретил его Киш. И тут он уже совсем ослабел и не мог даже ползти. И Киш подошёл к нему и прикончил его копьём.

— А потом? — спросил Клош-Кван.

– Потом Киш принялся освежёвать медведя, а мы побежали сюда, чтобы рассказать, как Киш охотится на зверя.

К концу этого дня женщины притащили тушу медведя, в то время как мужчины собирали совет. Когда Киш вернулся, за ним послали гонца, приглашая его прийти тоже, но он велел сказать, что голоден и устал и что его иглу достаточно велика и удобна и может вместить много людей.

И любопытство было так велико, что весь совет во главе с Клош-Кваном поднялся и направился в иглу Киша. Они застали его за едой, но он встретил их с почётом и усадил по старшинству. Айкига то горделиво выпрямлялась, то в смущении опускала глаза, но Киш был совершенно спокоен.

Клош-Кван повторил рассказ Бима и Боуна и, закончив его, произнёс строгим голосом:

– Ты должен нам дать объяснение, о Киш. Расскажи, как ты охотишься. Нет ли здесь колдовства?

Киш поднял на него глаза и улыбнулся.

– Нет, о Клош-Кван! Не дело мальчика заниматься колдовством, и в колдовстве я ничего не смыслю. Я только придумал способ, как можно легко убить полярного медведя, вот и всё. Это смекалка, а не колдовство.

– И каждый сможет сделать это?

– Каждый.

Наступило долгое молчание.

Мужчины глядели друг на друга, а Киш продолжал есть.

– И ты... ты расскажешь нам, о Киш? – спросил наконец Клош-Кван дрожащим голосом.

– Да, я расскажу тебе. – Киш кончил высасывать мозг из кости и поднялся с места. – Это очень просто. Смотри!

Он взял узкую полоску китового уса и показал её всем. Концы у неё были острые, как иглы. Киш стал осторожно скатывать ус, пока он не исчез у него в руке; тогда он внезапно разжал руку, – и ус сразу распрямился.

Затем Киш взял кусок тюленьего жира.

– Вот так, – сказал он. – Надо взять маленький кусочек тюленьего жира и сделать в нём ямку – вот так. Потом в ямку надо положить китовый ус – вот так, и, хорошенько его свернув, закрыть его сверху другим кусочком жира. Потом это надо выставить на мороз, и когда жир замёрзнет, получится маленький круглый шарик. Медведь проглотит шарик, жир растопится, острый китовый ус распрямится – медведю станет больно. А когда медведю станет очень больно, его легко убить копьём. Это совсем просто.

И Уг-Глук воскликнул:

– О!

И Клош-Кван сказал:

– А!

И каждый сказал по-своему, и все поняли.

Так кончается сказание о Кише, который жил давным-давно у самого Полярного моря. И потому, что Киш действовал смекалкой, а не колдовством, он из самой жалкой иглу поднялся высоко и стал вождём племени. И пока он жил, народ благоденствовал и не было ни одной вдовы, ни одного беззащитного старика, которые бы плакали ночью оттого, что у них нет мяса.

Вопросы и задания

1. Кто главный герой рассказа? Каким вы его представляете? Что является самым главным в его характере?

2. Какие строки произведения говорят о том, что происходило это очень давно? Каким был отец Киша? Почему люди забыли о подвиге Бока?

3. Почему Киша стали уважать люди? Почему он стал “первым человеком в своём посёлке, умер, окружённый почётом, и имя его было у всех на устах”?

4. В чём была тайна Киша? Почему народ племени Киша благоденствовал?

5. Как вы понимаете последнюю фразу этого рассказа?

6. Определите основную мысль текста. Что хотел сказать автор читателям?

7. Подготовьте рассказ о Кише, сопроводив его рисунками.

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Речевая характеристика

Почти в каждом произведении автор даёт возможность своим героям высказывать свои мысли, вступать в диалог с другими героями, писать письма. Слова героев чаще всего передаются прямой речью. Чтобы мы могли отличить речь одного героя от речи других персонажей, автор делает её

индивидуальной, вводит особые слова. По этим признакам мы можем судить об уровне культуры и образованности героя.

Речевая характеристика – это раскрытие характера героя, его отличительных черт через особенности его речи.

**ДМИТРИЙ НАРКИСОВИЧ
МАМИН-СИБИРЯК**

(1852-1912)

*Вот это счастье – писать для
детей.*

Д.Н. Мамин-Сибиряк

**ЕМЕЛЯ-ОХОТНИК
(в сокращении)**

Далеко-далеко, в северной части Уральских гор, в непроходимой лесной глуши спряталась деревушка Тычки. В ней всего одиннадцать дворов, собственно десять, потому что одиннадцатая избушка стоит совсем отдельно, у самого леса. Кругом деревни зубчатой стеной поднимается вечнозелёный хвойный лес. Из-за вершушек елей и пихт можно разглядеть несколько гор, которые точно нарочно обошли Тычки со всех сторон громадными синевато-серыми валами. Ближе других стоит к Тычкам горбатая Ручьёва гора, с седой мохнатой вершиной, которая в пасмурную погоду совсем прячется в мутных, серых облаках. С Ручьёвой горы сбегает много ключей и ручейков. Один такой ручеек весело катится к Тычкам и зиму и лето всех поит студёной, чистой, как слеза, водой.

Избы в Тычках выстроены без всякого плана, как кто хотел. Две избы стоят над самой речкой, одна на крутом склоне горы, а остальные разбрелись по берегу, как овцы.

В той избушке, которая стоит у самого леса, живёт старый охотник Емеля с маленьким внучком Гришуткой. Избушка Емели совсем вросла в землю и глядит на свет божий всего одним окном; крыша на избушке давно прогнила, от трубы остались только обвалившиеся кирпичи. Ни забора, ни ворот, ни

сарая – ничего не было у Емелиной избушки. Только под крыльцом из неотёсанных брёвен воет по ночам голодный Лыско – одна из самых лучших охотничьих собак в Тычках. Перед каждой охотой Емеля три дня морит¹ голодом несчастного Лыска, чтобы он лучше искал дичь и выслеживал всякого зверя.

– Дедко... а дедко!.. – с трудом спрашивал маленький Гришутка однажды вечером. – Теперь олени с телятами ходят?

– С телятами, Гришук, – ответил Емеля, доплетая новые лапти.

– Вот бы, дедко, телёночка добыть¹... А?

– погоди, добудем... Жары наступили, олени с телятами в чаще прятаться будут от оводов, тут я тебе телёночка добуду, Гришук!

Мальчик ничего не ответил, а только тяжело вздохнул. Гришутке всего было лет шесть, и он лежал теперь второй месяц на широкой деревянной лавке под тёплой оленьей шкурой. Мальчик простудился ещё весной, когда таял снег, и всё не мог поправиться. Его смуглое личико побледнело и вытянулось, глаза сделались больше, нос обострился. Емеля видел, как внучонок таял не по дням, а по часам, но не знал, чем помочь горю. Поил какой-то травой, два раза носил в баню, – больному не делалось лучше. Мальчик почти ничего не ел. Пожует корочку чёрного хлеба, и только. Оставалась от весны солёная козлятина; но Гришук и смотреть на неё не мог.

"Ишь чего захотел: телёночка... – думал старый Емеля, доковыривая свой лапоть. – Ужо надо добыть..."

Емеле было лет семьдесят: седой, сгорбленный, худой, с длинными руками. Пальцы на руках Емели едва разгибались, точно это были деревянные сучья. Но ходил он ещё бодро и кое-что добывал охотой. Только вот глаза сильно начали изменять старику², особенно зимой, когда снег искрится и блестит кругом алмазной пылью. Из-за Емелиных глаз и труба развалилась, и крыша прогнила, и сам он сидит частенько в своей избушке, когда другие в лесу.

Пора старику и на покой, на тёплую печку, да замениться некем, а тут вот ещё Гришутка на руках очутился, о нём нужно позаботиться...

Стояли последние дни июня месяца, самое жаркое время в Тычках. Дома оставались только старые да малые. Охотники давно разбрелись по лесу за оленями. В избушке Емели бедный Лыско уже третий день завывал от голода, как волк зимой.

– Видно Емеля на охоту собрался, – говорили в деревне бабы.

¹ Добыть - здесь: поймать.

² Глаза ... начали изменять старику - здесь: глаза у старика стали плохо видеть.

Это была правда. Действительно, Емеля скоро вышел из своей избушки с кремневой винтовкой в руке, отвязал Лыска и направился к лесу. На нём были новые лапти, котомка с хлебом за плечами, рваный кафтан и тёплая оленья шапка на голове. Старик давно уже не носил шляпы, а зиму и лето ходил в своей оленьей шапке, которая отлично защищала его лысую голову от зимнего холода и от летнего зноя.

— Ну, Гришук, поправляйся без меня... — говорил Емеля внуку на прощанье. — За тобой приглядит старуха Маланья, пока я за телёнком схожу.

— А принесёшь телёнка-то, дедко?

— Принесу, сказал.

— Жёлтенького?

— Жёлтенького...

— Ну, я буду тебя ждать... Смотри, не промахнись, когда стрелять будешь...

Емеля давно собирался за оленями, да всё жалел бросить внука одного, а теперь ему было как будто лучше, и старик решился попытать счастья¹. Да и старая Маланья поглядит за мальчонком, — всё же лучше, чем лежать одному в избушке.

В лесу Емеля был как дома. Да и как ему не знать этого леса, когда он целую жизнь бродил по нему с ружьём да с собакой. Все тропы, все приметы — всё знал старик на сто вёрст кругом.<...>

— Ну, Лыско, ищи... говорил Емеля, когда они спустились с горы и повернули с тропы в сплошной дремучий ельник.

Лыску не нужно было повторять приказание. Он отлично знал своё дело и, уткнув свою острую морду в землю, исчез в густой зелёной чаще. Только на время мелькнула его спина с жёлтыми пятнами.

Охота началась.

Три дня бродил Емеля по лесу с Лыском и всё напрасно: олень с телёнком не попадалось. Старик чувствовал, что выбивается из сил, но вернуться домой с пустыми руками не решался. Лыско тоже приуныл и совсем отощал, хотя и успел перехватить пару молодых зайчат.

Приходилось заночевать в лесу у огонька третью ночь. Но и во сне старый Емеля всё видел жёлтенького телёнка, о котором его просил Гришук; старик долго выслеживал свою добычу, прицеливался, но олень каждый раз убегал у него из-

¹Решился попытать счастья - здесь: решил пойти на охоту, надеясь, что она принесёт ему удачу.

под носу. Лыско тоже, вероятно, бредил оленями, потому что несколько раз во сне взвизгивал и принимался глухо лаять.

Только на четвёртый день, когда и охотник и собака совсем выбились из сил, они совершенно случайно напали на след оленя с телёнком. Это было в густой еловой заросли на скате горы. Прежде всего Лыско отыскивал место, где ночевал олень, а потом разнюхал и запутанный след в траве.

"Матка с телёнком, - думал Емеля, разглядывая на траве следы больших и маленьких копыт. - Сегодня утром были здесь... Лыско, ищи, голубчик!.."

День был знойный. Солнце палило нещадно. Собака обнюхивала кусты и траву с высунутым языком; Емеля едва таскал ноги¹. Но вот знакомый треск и шорох... Лыско упал на траву и не шевелился. В ушах Емели стоят слова внука: "Дедко, добудь телёнка... И непременно, чтобы был жёлтенький". Вон и матка... Это был великолепный олень-самка. Он стоял на опушке леса и пугливо смотрел прямо на Емелю. Кучка жужжавших насекомых кружилась над оленем и заставляла его вздрагивать.

"Нет, ты меня не обманешь..." - думал Емеля, выползая из своей засады.

Олень давно почуял охотника, но смело следил за его движениями.

"Это матка меня от телёнка отводит", - думал Емеля, подползая всё ближе и ближе.

Когда старик хотел прицелиться в оленя, он осторожно перебежал несколько сажен далее и опять остановился. Емеля снова подполз со своей винтовкой. Опять медленное подкрадывание, и опять олень скрылся, как только Емеля хотел стрелять.

— Не уйдёшь от телёнка, — шептал Емеля, терпеливо выслеживая зверя в течение нескольких часов.

Эта борьба человека с животным продолжалась до самого вечера. благородное животное десять раз рисковало жизнью², стараясь отвести охотника от спрятавшегося оленёнка; старый Емеля и сердился, и удивлялся смелости своей жертвы. Ведь всё равно она не уйдёт от него... Сколько раз приходилось ему убивать таким образом жертвовавшую собой мать. Лыско, как тень, ползал за хозяином, и когда тот совсем потерял оленя из виду, осторожно ткнул его своим горячим носом. Старик оглянулся и присел. В десяти саженях от него, под кустом жимо-

¹ Едва таскал ноги - шёл с большим трудом, очень устал.

² Животное рисковало жизнью - могло быть убитым.

лости, стоял тот самый жёлтенький телёнок, за которым он бродил целых три дня. Это был прехорошенький оленёнок, всего нескольких недель, с жёлтым пушком и тоненькими ножками; красивая головка была откинута назад, и он вытягивал тонкую шею вперёд, когда старался захватить веточку повыше. Охотник с замирающим сердцем взвёл курок винтовки и прицелился в голову маленькому беззащитному животному...

Ещё одно мгновение, и маленький оленёнок покатился бы по траве с жалобным предсмертным криком; но именно в это мгновение старый охотник припомнил, с каким геройством защищала телёнка его мать, припомнил, как мать его Гришутки спасла сына от волков своей жизнью. Точно что оборвалось в груди у старого Емели, и он опустил ружьё. Оленёнок по-прежнему ходил около куста, общипывая листочки и прислушиваясь к малейшему шороху. Емеля быстро поднялся и свистнул, — маленькое животное скрылось в кустах с быстротой молнии.

— Ишь какой бегун... — говорил старик, задумчиво улыбаясь. — Только его и видел: как стрела... Ведь убежал, Лыско, наш оленёнок-то? Ну, ему, бегуну, ещё надо подрасти... Ах ты какой шустрый!..

Старик долго стоял на одном месте и всё улыбался, припоминая бегуна.

На другой день Емеля подходил к своей избушке.

— А... дедко, принёс телёнка? — встретил его Гриша, ждавший всё время старика с нетерпением.

— Нет, Гришук... видел его...

— Жёлтенький?

— Жёлтенький сам, а мордочка чёрная. Стоит под кустиком и листочки пощипавает... Я прицелился...

— И промахнулся?

— Нет, Гришук: пожалел малого зверя... матку пожалел... Как свистну, а он, телёнок-то, как стреканёт¹ в чащу, — только его и видели. Убежал, пострел этакий...

Старик долго рассказывал мальчику, как он искал телёнка по лесу три дня и как тот убежал от него. Мальчик слушал и весело смеялся вместе со старым дедом.

— А я тебе глухаря² принёс, Гришук, — прибавил Емеля, кончив рассказ. — Этого всё равно волки бы съели.

Глухарь был ощипан, а потом попал в горшок. Больной мальчик с удовольствием поел глухариной похлёбки и, засыпая, несколько раз спрашивал старика:

¹ Стреканёт (стрекануть) - быстро убежать

² Глухарь - крупная лесная птица.

- Так он убежал, оленёнок-то?
- Убежал, Гришук...
- Жёлтенький?
- Весь жёлтенький, только мордочка чёрная да копытца.

Мальчик так и уснул и всю ночь видел маленького жёлтенького оленёнка, который весело гулял по лесу со своей матерью; а старик спал на печке и тоже улыбался во сне.

Вопросы и задания

1. *Разделите текст на части. Составьте план.*
2. *Перескажите текст, обращая особое внимание на описание природы.*
3. *При помощи каких эпитетов автор описывает красоту сибирской природы?*
4. *Почему труд охотника назван тяжёлой и опасной работой?*
5. *Как писатель описывает больного мальчика? Почему он так долго не мог поправиться?*
6. *Как описывается поведение самки-оленихи? Почему Емеля не тронул оленёнка?*
7. *С чем сравнивается поведение оленихи?*
8. *Какова основная мысль рассказа?*

ВИКТОР ПЕТРОВИЧ

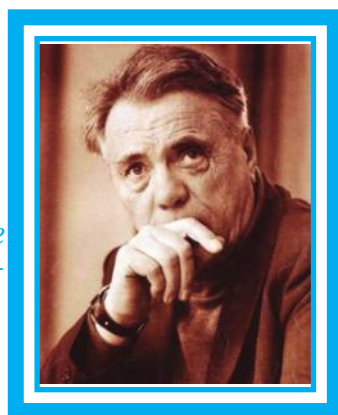
АСТАФЬЕВ

(1924-2001)

Память, доброта, долг, сострадание – этим В.П. Астафьев измеряет поступки и поведение людей.

(Из литературной энциклопедии)

СТРИЖОНОК СКРИП

Стрижонок вылупился из яичка в тёмной норке и удивлённо пискнул. Ничего не было видно. Лишь далеко-далеко тускло мерцало пятнышко света. Стрижонок испугался этого

света, плотнее приник к тёплой и мягкой маме-стрижихе. Она прижала его крылышком к себе. Он задремал, угревшись под крылом. Где-то шёл дождь, падали одна за другой капли. И стрижекуну казалось, что это мама-стрижиха стучит клювом по скорлупе яйца. Она так же стучала, перед тем как выпустить его наружу.

Стрижонк проснулся оттого, что ему стало холодно. Он пошевелился и услышал, как вокруг него завозились и запищали голенькие стрижата, которых мама-стрижиха тоже выклевала из яиц.

А самой мамы не было.

– Скрип! – позвал её стрижонк.

– Скрип! Скрип! Скрип! – повторили за ним братья и сестры. Видно, всем понравилось, что они научились звать маму, и они громче и дружнее запищали:

– Скрип! Скрип! Скрип!

И тут далёкое пятнышко света потухло. Стрижата притихли.

– Скрип! – слышалось издалека.

"Так это же мама прилетела!" – догадались стрижата и запищали веселей.

Мама принесла в клюве капельку дождя и отдала её Скрипу – первому стрижекуну.

Какая это была вкусная капля! Стрижонк Скрип проглотил её и пожалел, что капля такая маленькая.

– Скрип! – сказал он. Ещё, мол, хочу.

– Скрип-скрип! – радостно ответила мама-стрижиха. Сейчас, дескать, сейчас.

И опять её не стало. И опять стрижата тоскливо запищали. А первый стрижонк кричал громче всех. Ему очень уж понравилось, как мама-стрижиха поила его из клюва.

И когда снова закрылся свет вдали, он что было духу закричал:

– Скрип! – и даже полез навстречу маме. Но тут же был откинут крылом на место, да так бесцеремонно, что чуть было кверху лапками не опрокинулся. И каплю вторую мама-стрижиха отдала не ему, а другому стрижекуну. Обидно. Примолк стрижонк Скрип, рассердился на маму и братьев с сестрёнками, которые тоже, оказывается, хотели есть. Когда мама принесла мошку и отдала её другому стрижекуну. Скрип попытался отнять её. Тогда мама-стрижиха так долбанула Скрипа клювом по голове, что у него пропала всякая охота отбирать еду у других.

Понял стрижонок, какая у них серьёзная и строгая мама. Её не разжалобишь писком.

Так начал жизнь в норке стрижонок Скрип вместе с братьями и сестрами. Таких норок в глиняном берегу над рекой было очень много. В каждой норке жили стрижата. И были у них папы и мамы. А вот у стришонка Скрипа папы не было. Его сшибли из рогатки мальчишки. Он упал в воду, и его унесло куда-то. Конечно, стрижата не знали об этом. Маме-стрижихе было очень тяжело одной прокормить детей. Но она была хорошая мать. С рассвета и до вечера носилась она над берегом и водой, схватывала на лету мошек, комариков, дождевые капли. Приносила их детям. А мальчишки, сидевшие с удочками на берегу, думали, что стрижиха и все стрижи играют над рекой.

Стрижонок Скрип подрос. У него появились перья, и ему всё время хотелось есть. Иногда ему удавалось отобрать у братца или сестрёнки мошку, и тогда они жалобно и недовольно пищали. За это Скрипу попадало от мамы-стрижихи. Но ему так хотелось есть, так хотелось есть!

А ещё ему хотелось выглянуть из норки и посмотреть, что же оно там такое, дальше этого пятнышка света, откуда мама-стрижиха приносит еду и ветряные запахи на крыльях.

Пополз стрижонок Скрип. И чем дальше он полз, перебирая слабыми лапками, тем больше и ярче делался свет. Боязно!

Но Скрип был храбрый стрижонок, он полз и полз. Наверное, он выпал бы из норки и разбился, как разбиваются такие вот неразумные птенцы. Но тут появилась мама-стрижиха, схватила его, уволокла в глубь норки – и раз-раз его клювом по голове. Сказала сердито:

– Скрип-скрип! – и ещё по голове, и ещё по голове.

Очень рассердилась мама-стрижиха, очень сильно была Скрипа. Должно быть, там, за норкой, опасно, раз мама-стрижиха так волнуется. Конечно, откуда Скрипу было знать, сколько врагов у маленьких проворных стрижей! Сидит на вершине берёзы страшный быстрый сокол и подстерегает их. Скоком-прыгом подходит к норкам клюватая ворона. Тихо ползёт меж камней чёрная гадюка. Побольше подрос Скрип, догадываться об этом стал. Ему делалось жутко, когда там, за норкой, раздавалось пронзительное "тиу!". Тогда мама-стрижиха бросала всё, даже мошку или каплю воды, и, тоже крикнув грозное "тиу!", мчалась из норки.

И все стрижи с криком "тиу!" высыпали из норок и набрасывались на врага. Пусть этот враг хоть сокол, хоть

коршун, хоть кто, пусть он хоть в сто раз больше стрижей, они всё равно не боялись его. Дружно налетали стрижи, все как один. Коршун и ворона скорей-скорей убирались в лес, а гадюка пряталась под камень и со страху шипела.

Однажды мама-стрижиха вылетела на битву с врагом - разбойником соколом. Сокол был не только быстрым, но и хитрым. Он сделал вид, что отступает. Вожак стрижей - Белое брюшко - дал отбой, крикнув победоносное "тиу!". Но мама-стрижиха ещё гналась за соколом, чтобы уж навсегда отвадить его летать к стрижиным норкам.

Тут сокол круто развернулся, ударил маму-стрижиху и унёс в когтях. Только щепотка перьев кружилась в воздухе, Перья упали в воду, и их унесло... Долго ждал стрижонок Скрип маму. Он звал её. И братцы и сестрёнки тоже звали. Мама-стрижиха не появлялась, не приносила еду.

Потускнело пятнышко света. Настала ночь. Утихло всё на реке. Утихли стрижи и стрижата, пригретые папами и мамами. И только Скрип был с братьями и сестрами без мамы. Сбились в кучу стрижата. Холодно без мамы, голодно. Видно, пропадать придётся.

Но Скрип ещё не знал, какой дружный народ стрижи! Ночью к ним нырнул вожак - Белое брюшко, пощекотал птенцов клювом, обнял их крыльями, и они пригрелись, уснули. А когда рассвело, в норку к Скрипу наведалься соседка-стрижиха и принесла большого комара. Потом залетали ещё стрижи и стрижихи и приносили еду и капли воды. А на ночь к осиротевшим стрижатам снова прилетел вожак Белое брюшко.

Выросли стрижата. Не пропали. Пришла пора покидать им родную норку, как говорят, становиться на крыло – самим добывать себе пищу и строить свой дом. Это было радостно и жутко!

Скрип помнит, как появился в норке вожак Белое брюшко. Вместо того чтобы дать ему мошку или капельку, он ухватил Скрипа за шиворот и поволок из норки. Скрип упирался, пищал. Белое брюшко не обращал внимания на писк Скрипа, подтащил его к устью норки и вытолкнул наружу.

Ну что было делать Скрипу! Не падать же! Он растопырил крылья и... полетел! И тут на него набросились все стрижи, старые и молодые. Все-все! И погнали его от норки всей стаей навстречу ветру, навстречу ослепительному солнцу.

– Скрип! Скрип! – испуганно закричал стрижонок, захлебнувшись ветром, и увидел под собою воду. – Скрип! Скрип!

"А если я упаду?" – с ужасом подумал он. Но стрижи не давали ему упасть. Они гоняли его кругами над водой, над берегом, над лесом.

Потом крики стрижей остались позади. Свист крыльев и гомон птичий угасли. И тут стрижонок Скрип с удивлением увидел, что он уже сам, один, летает над рекой! И от этого сделалось так радостно, что он взмыл высоко-высоко и крикнул оттуда солнцу, реке, всему миру: "Скрип!" – и закружился, закружился над рекой, над берегом, над лесом. Даже в облако один раз залетел. Но там ему не понравилось – темновато и одиноко. Он спикировал вниз и заскользил над водой, чуть не касаясь её брюшком.

Хорошо жить! Хорошо, когда сам умеешь летать! Скрип! Скрип! А потом Скрип и сам стал помогать стригам – вытаскивал из норок стрижат и тоже гнал их над рекой вместе со всеми стрижами и кричал:

– Скрип! Скрип! Держи его! Догоняй!..

И ему было весело смотреть, как метались и заполошно кричали молоденькие стрижата, обретая полёт, вечный полёт!

Скрип много съел в этот день мошек, много выпил воды. Ел и пил он жадно, потому что стрижи всегда в движении, всегда в полёте. И оттого надо им всё время есть, всё время пить. Но день кончился. Он ещё раз плюхнулся белым брюшком на воду, схватил капельку воды, отряхнулся и поспешил к своей норке. Но найти её не смог. Ведь снаружи он никогда не видел свою норку, а сейчас все норки казались ему одинаковыми. Норок много, разве их различишь? Скрип сунулся в одну норку – не пускают, в другую – не пускают. Все стрижиные дома заняты. Что же делать? Не ночевать же на берегу? На берегу страшно. В норке лучше.

И Скрип начал делать свою норку. Вискребал глину остренькими когтями, выклёвывал её и уносил к воде, снова возвратился к яру и опять клевал, скрёб, а в землю подался чуть-чуть.

Устал Скрип, есть захотел и решил, что такой норки ему вполне хватит. Он немного покормился над рекой и завалился спать в свою совсем ещё не глубокую норку.

Неподалёку рыбачили мальчишки. Они пришли к стрижиному яру. Один мальчишка засунул руку в норку и вынул Скрипа. Что только пережил Скрип, пока его держали в руках и поглаживали, как ему казалось, громадными пальцами! Но ничего попались ребятишки, хорошие, выпустили Скрипа.

Он полетел над рекой и со страху крикнул:

– Тиу!

Все стрижи высыпали из норок, глядят – никого нет. Ребятишки уже ушли, сокол не летает. Чуть было не побили стрижи Скрипа, но пожалели – молодой ещё.

Тут понял Скрип, что в маленькой норке не житьё, и принялся снова работать. Он так много раз подлетал к своей норке, чтобы унести глину, так пробивался в глубь яра, что норку эту отличал уже ото всех. Как-то опять пришли мальчишки, засунули руку, чтобы вытащить Скрипа, а достать не могут. Скрип вертел головою и, должно быть, насмешливо думал: "Шалишь, братцы мальчишки! И вообще совесть надо иметь!" Хорошо, спокойно жилось в своей норке. Теперь Скрип наедался и напивался досыта, сделался стремительным, сильным. Но вот отчего-то сделались беспокойными стрижи. Они почти не находились в норках, а всё летали, кружились, лепились на проводах и часами сидели молча, прижавшись один к одному. А потом с визгом рассыпались в разные стороны, присаживались к осенним лужам, заботливо клевали глину и снова сбивались в стаи, и снова тревожно кружились. Эта тревога передалась и Скрипу. Он стал ждать, сам не зная чего, и в конце августа, на рассвете, вдруг услышал призывный голос вожака Белое брюшко.

– Тиу! – крикнул вожак.

В голосе его на этот раз не было угрозы. Он звал в отлёт. Взмыл Скрип и видит: всё небо клубится. Тучи стрижей летят к горизонту.

– Тиу! – звал вожак.

И стайка Скрипа помчалась вдаль, смешалась с другими стаями. Стрижей было так много, что они почти заслонили собой разгорающуюся в небе зарю.

– Скрип! Скрип! – тревожно и тоскливо кричали стрижи, прощаясь до следующего лета с родным краем.

– Скрип! До свидания! – крикнул и стрижонок Скрип и помчался за леса, за горы, за край земли.

– До свидания, Скрип! До свидания! Прилетай в свою норку! – кричали вслед Скрипу мальчишки-рыбаки.

Стрижи улетают в одну ночь и уносят с собою лето. Прилетают они тоже в одну ночь и приносят с собою лето.

Скучно без стрижей на реке. Чего-то не хватает. Где ты, маленький Скрип? В каких краях и странах? Возвращайся скорее! Приноси нам на крыльях лето!

Вопросы и задания

1. Какие слова текста были вам непонятны? Определите их значение по толковому словарю.
2. Что особенно запомнилось вам в рассказе? Какие чувства пробудила эта история?
3. Когда было страшно за стриженка? А в какие моменты тревожно?
4. Как коршуну удалось победить мать - стрижу ?
5. Как стрижи помогли бедным стрижатам? О каком качестве стрижей это говорит?
6. Перескажите рассказ от лица Скрипа.

БОРИС СТЕПАНОВИЧ

ЖИТКОВ

(1882 - 1938)

ПУДЯ

Теперь я большой, а тогда мы с сестрой были еще маленькие.

Вот раз приходит к отцу какой-то важный гражданин.

Страшно важный. Особенно шуба. Мы подглядывали в щелку, пока он в прихожей раздевался. Как распахнул шубу, а там желтый пушистый мех и по меху все хвостики, хвостики... Черноватенькие хвостики. Как будто из меха растут. Отец раскрыл в столовую двери:

— Пожалуйста, прошу.

Важный — весь в черном, и сапоги начищены. Прошел, и двери заперли.

Мы выкрались из своей комнаты, подошли на цыпочках к вешалке и гладим шубу. Щупаем хвостики. В это время приходит Яшка, соседний мальчишка, рыжий. Как был: в валенках вперся и в башлыке.

— Вы что делаете?

Таня держит хвостик и спрашивает тихо:

— А как по-твоему: растет так из меха хвостик или потом приделано?

А Рыжий орет как во дворе:

— А чего? Возьми да попробуй.

Таня говорит:

— Тише, дурак: там один важный пришел.

Рыжий не унимается:

— А что такое? Говорить нельзя? Я не ругаюсь.

С валенок снег не сбил и следит мокрым.

— Возьми да потяни, и будет видать. Дура какая! Видать бабу... Вот он так сейчас, — и Рыжий кивнул мне и мигнул лихо.

Я сказал:

— Ну да, баба, — и дернул за хвостик. Не очень сильно потянул: только начал. А хвостик — пак! и оторвался.

Танька ахнула и руки сложила. А Рыжий стал кричать:

— Оторвал! Оторвал!

Я стал совать скорей этот хвостик назад в мех: думал, как-нибудь да пристанет. Он упал и лег на пол. Такой пушистенький лежит. Я схватил его, и мы все побежали к нам в комнату. Танька говорит:

— Я пойду к маме, реветь буду, — ничего, может, и не будет.

Я говорю:

— Дура, не смей! Не говори. Никому не смей!

Рыжий смеется, проклятый. Я сую хвостик ему в руку:

— Возьми, возьми, ты же говорил...

Он руку отдернул:

— Что ж, что говорил! А рвал-то не я! Мне какое дело!

Потер варежкой нос — и к двери.

Я Таньке говорю:

— Не смей реветь, не смей! А то сейчас спрашивать начнут, и все пропало.

Она говорит и вот-вот заревет:

— Пойдем посмотрим, может быть, незаметно? Вдруг незаметно?

Я держал хвостик в кулаке. Мы пошли к вешалке. И вот все ровно-ровно идут хвостики, довольно густовато, а тут пропуск, пусто. Видно, сразу видно, что не хватает.

Я вдруг говорю:

– Я знаю: приклеим.

А клей у папы на письменном столе, и если будешь брать, то непременно спросят: зачем? А потом, там в кабинете сидит этот важный, и входить нельзя.

Танька говорит:

– Запрячем, лучше запрячем, только скорей! Подальше, в игрушки.

У Таньки были куклы, кукольные кровати. Нет, туда нельзя. И я засунул хвостик в поломанный паровоз, в середину.

Мы взялись за кукол и очень примерно играли в гости, как будто бы на нас все время кто смотрит, а мы показываем, как мы хорошо играем.

В это время слышим голоса. Важный гудит басом. И вот уж они в прихожей, и горничная Фрося затопала мимо и говорит:

– Сейчас, сейчас шубу подам.

Мы так с куклами и замерли, еле руками шевелим.

Таня дрожит и бормочет за куклу:

– Здравствуйте! Как вы поживаете? Сколько вам лет? Как вы поживаете? Сколько вам лет?

Вдруг дверь к нам отворяется: отец распахнул.

– А вот это, – говорит, – мои сорванцы.

Важный стоит в дверях, черная борода круглая, мелким барашком, и улыбается толстым лицом:

– А, молодое поколение!

Ну, как все говорят.

А за ним стоит Фроська и держит шубу нараспашку. Отец нахмурился, мотнул нам головой. Танька сделала кривой реверанс, а я что было силы шаркнул ножкой.

– Играете? – сказал важный и вступил в комнату. Присел на корточки, взял куклу. И я вижу, в дверях дура Фроська стоит и растянула шубу, как будто нарочно распялила и показывает. И это пустое место без хвостика так и светит. Важный взял куклу и спрашивает:

– А эту барышню как же зовут?

Мы оба крикнули в один голос:

– Варя!

Важный засмеялся:

– Дружно живете.

И видит вдруг у Таньки слезы на глазах.

– Ничего, ничего, – говорит, – я не испорчу.

И скорей подал пальчиками куклу. Поднялся и потрепал Таню по спине. Он пошел прямо к шубе, но смотрел на отца и

не глядя стал попадать в рукава. Запахнул шубу; Фроська подсовывает глубокие калоши.

Не может быть, чтобы отец не заметил. Но отец очень веселый вошел к нам и сказал смеясь:

-- Зачем же конем таким?

И представил, как я шаркнул.

В этот день мы с Танькой про хвостик не говорили. Только когда пили вечером чай, то все переглядывались через стол, и оба знали, что про хвостик. Я даже раз, когда никто не глядел, обвел пальцем по скатерти, как будто хвостик. Танька видела и сейчас же уткнулась в чашку.

Потом мне стало весело. Я поймал Ребика, нашу собаку, зажал его хвост в кулак, чтоб из руки торчал только кончик, и показал Таньке. Она замахала руками и убежала.

На другой день, как проснулся, вспомнил сейчас же хвостик. И стало страшно: а ну как важный только для важности в гостях и не глядит даже на шубу, а дома-то небось каждый хвостик переглаживает? Даже, наверно, наизусть знает, сколько их счетом. Гладит и считает: раз, два, три, четыре... Вскочил с постели, подбежал к Таньке и шепчу ей под одеяло в самое ухо:

— Он, наверное, дома пересчитывает хвостики и узнает. И пришлет сюда человека с письмом. А то сам приедет.

Танька вскочила и шепчет:

— Чего ж там считать, и так видно: вот какая пустота! -- и обвела пальцем в воздухе большой круг.

Мы на весь день притихли и от каждого звонка прятались в детскую и у дверей слушали: кто это, не за хвостиком ли?

Несколько дней мы так боялись.

А потом я говорю Таньке:

— Давай посмотрим.

Как раз никого в квартире не было, кроме Фроськи. Заперли двери, и я тихонько вытянул из паровоза хвостик. Я и забыл, какой он хорошенький, пушистенький.

Таня положила его к себе на колени и гладит.

— Пудя какой, — говорит. — Это собачка кукольная.

И верно. Хвостик в паровозе загнулся, и совсем будто собачка свернулась и лежит с пушистым хвостом.

Мы сейчас же положили его на кукольный диван, примерили. Ну, замечательно!

Танька закричала:

— Брысь, брысь сейчас! Не место собакам на диване валяться! — и скинула Пудю. А я его Варьке на кровать.

А Танька:

– Кыш, кыш! Вон, Пудька! Блох напустишь...

Потом посадили Пудю Варьке на колени и любовались издали: совсем девочка с собачкой.

Я сейчас же сделал Пуде из тесемочки ошейник, и получилось совсем как мордочка. За ошейник привязали Пудю на веревочку и к Варькиной руке. И Варьку водили по полу гулять с собачкой.

Танька кричала:

– Пудька, тубо!

Я сказал, что склею из бумажек Пуде намордничек.

У нас была большая коробка от гильз. Сделали в ней дырку, Танька намостила тряпок, и туда посадили Пудю, как в будку. Когда папа позвонил, мы спрятали коробку в игрушки. Забросали всяким хламом. Приходил к нам Яшка Рыжий, и мы клали Пудю Ребику на спину и возили по комнате -- играли в цирк. А раз, когда Рыжий уходил, он нарочно при всех стал в сенях чмокать и звать:

– Пудя! Пудька! – И хлопал себя по валенку.

Прибежал Ребик, а Яшка при папе нарочно кричит:

– Да не тебя, дурак, а Пудю. Пудька! Пудька!

Папа нахмурился:

– Какой еще Пудька там? – И осматривается.

Я сделал Яшке рожу, чтобы уходил. А он мигнул и язык высунул. Ушел все-таки.

Мы с Таней сговорились, что с таким доносчиком не будем играть и водиться не будем. Пусть придет -- мы в своей комнате запремся и не пустим. Я забил сейчас же гвоздь в притолоку, чтобы завязывать веревкой ручку. Я завязал, а Таня попробовала из прихожей. Здорово держит. Потом Танька запиралась, а я ломился: никак не открыть. Как на замке. Радовались, ждали – пусть только Рыжий придет.

Я Пуде ниточкой замотал около кончика, чтобы хвостик отделялся. Мы с Таней думали, как сделать ножки, – тогда совсем будет живой.

А Рыжий на другой же день пришел. Танька прибежала в комнату и шепотом кричит:

– Пришел, пришел!

Мы вдвоем дверь захлопнули, как из пушки, и сейчас же на веревочку.

Вот он идет... Толкнулся... Ага! Не тут-то было. Он опять.

– Эй, пустите, чего вы?

Мы нарочно молчим. Он давай кулаками дубасить в дверь:

– Отворяй, Танька!

И так стал орать, что пришла мама.

– Что у вас тут такое?

Рыжий говорит:

– Не пускают, черти!

– А коли черти, – говорит мама, – так зачем же ты к чертям ломишься?

– А мне и не их вовсе надо, – говорит Рыжий, – я Пудю хочу посмотреть.

– Что? – мама спрашивает. – Пудю? Какого такого?

Я стал скорей отматывать веревку и раскрыл дверь.

– Ничего, – кричу, – мама, это мы так играем! Мы в Пудю играем. У нас игра, мама, такая...

– Так орать-то на весь дом зачем? – И ушла.

Рыжий говорит:

– А, вы, дьяволы, вот как? Запираться? А я вот сейчас пойду всем расскажу, что вы хвостик оторвали. Человек пришел к отцу в гости. Может, даже по делу какому. Повесил шубу, как у людей, а они рвать, как собаки. Воры!

– А кто говорил: "Дерни, дерни"?

– Никто ничего и не говорил вовсе, а если каждый раз по хвостику да по хвостику, так всю шубу выщипаете.

Танька чуть не ревет.

– Тише, – говорит, – Яша, тише!

– Чего тише? – кричит Рыжий. – Чего мне тише? Я не вор. Пойду и скажу.

Я схватил его за рукав.

– Яша, – говорю, – я тебе паровоз дам. Это ничего, что крышка отстала. Он ходит полным ходом, ты же знаешь.

– Всякий хлам мне суешь, – заворчал Рыжий.

Но хорошо, что кричать-то перестал. Потом поднял с пола паровоз.

– Колесо, – говорит, – проволокой замотал и тычешь мне.

Посопел, посопел...

– С вагоном, – говорит, – возьму, а так – на черта мне этот лом!

Я ему в бумагу замотал и паровоз и вагон, и он сейчас же ушел через кухню, а в дверях обернулся и крикнул:

– Все равно скажу, хвостодёры!

Потом мы с Таней гладили Пудю и положили его спать с Варькой под одеяло. Танька говорит:

– Чтоб ему теплей было.

Я сказал Таньке, что Рыжий все равно обещал сказать. И мы все думали, как нам сделать. И вот что выдумали.

Самое лучшее попасть бы в такое время, когда папа будет веселый, – после обеда, что ли. Положить Пудю на платочек на носовой, взять за четыре конца и войти в столовую каким-нибудь смешным вывертом. И петь что-нибудь смешное при этом. Как-нибудь:

Пудю несем,
Пахнем гусем.

И еще там что-нибудь.

Все засмеются, а мы еще больше запоем – и к папе. Папа: "Что это вы, дураки?" – и засмеется. А тут мы как-нибудь кривульно расскажем, и все сойдет. Папе, наверно, даже жалко будет отбирать от нас Пудю.

Или вот еще: на Ребика положим и вывезем. И тоже смешное будем петь. Рыжий придет ябедничать, а все уж и без него знают, и ничего не было. Запремся, как тогда, и пускай скандалит. Мама его за ухо выведет, вот и все.

Я еще в кровати думал, что я устрою Яшке Рыжему.

Утром мы все пили чай. Вдруг вбегает Ребик, рычит и что-то в зубах треплет.

Папа бросился к нему:

– Опять что-нибудь! Тубо, тубо! Дай сюда!

А я сразу понял – что, и в животе похолодело.

Папа держит замусоленный хвостик и, нахмурясь, говорит:

– Что это? Откуда такое?

Мама поспешила, взяла осторожно пальчиками. Ребик визжит, подскакивает, хочет схватить.

– Тубо! – крикнул папа и толкнул Ребика ногой. Поднесли к окну, и вдруг мама говорит:

-- Это хвостик. Это от шубы.

Папа вдруг как будто задохнулся сразу и как крикнет:

– Это черт знает что такое!..

Я вздрогнул. А Танька всхлипнула – она с булкой во рту сидела. Папа затопал к Ребику.

-- Эту собаку убить надо! Это дьявол какой-то!

Ребик под диван забился.

– Раз уж пришлось за штаны платить... Ах ты, дрянь эдакая! Теперь шубы, за шубы взялся!..

И папа вытянул за ошейник Ребика из-под дивана. Ребик выл и корчился. Знал, что сейчас будут бить. Танька стала реветь в голос. А отец кричит мне:

– Принеси ремень! Моментально!

Я бросился со стула, совался по комнатам.

– Моментально! – заорал отец на всю квартиру злым голосом.
– Да свойними.

Я снял пояс и подал отцу. И папа стал изо всей силы драть ремнем Ребика. Танька выбежала. Папа тычет Ребика носом в хвостик — он на полу валялся — и бьет, бьет:

— Шубы рвать! Шубы рвать! Я те дам шубы рвать!

Я даже не слышал, что еще там папа говорил, -- так орал Ребик, будто с него с живого шкуру сдирают. Я думал, вот умрет сейчас. Фроська в дверях стояла, ахала.

Мама только вскрикивала:

— Оставь! Убьешь! Николай, убьешь! — Но сунуться боялась.

— Веревку! — крикнул папа. — Афросинья, веревку!

— Не надо, не надо, — говорит Фроська.

Папа как крикнет:

— Моментально!

Фроська бросилась и принесла бельевую веревку.

Я думал, что папа сейчас станет душить Ребика веревкой. Но папа потащил его к окну и привязал за ошейник к оконной задвижке. Потом поднял хвостик, привязал его за шнурок от штор и перекинул через оконную ручку.

Папа был весь красный и запыхался.

— Эту дрянь нельзя в доме держать. Собачникам отдам сегодня же! — И пошел мыть руки. Глянул на часы. — А, черт! Как я опоздал! — И побежал в прихожую.

Пудю Ребик всего заслуживал, он был мокрый и взъерошенный, и как раз поперек живота туго перехватил его папа шнурком. Он висел вниз головой, потому что видно было сверху перехват хвостика, который я там намотал из ниток. Если бы отец тогда хорошенько разглядел, так увидел бы все и догадался бы, что все это не без нас. Да и теперь все равно могут увидеть. Как станут важному назад отсылать хвостик, начнут его чистить — вдруг нитки. Откуда нитки? А уж Ребика все равно побили...

Я сказал Таньке, чтобы украла у мамы маленькие ногтяные ножнички, улучил время, влез на подоконник и тихонько ножничками обрезал нитки. Все-таки осталось вроде шейки, и я распустил там шерсть, чтоб ничего не было заметно.

Ребик подвывал, подрагивал и все лизал задние лапы. Мы с Танькой сели к нему на пол и все его ласкали. Танька приговаривает:

— Ребинька, миленький, били тебя! Бедная моя собака! — Стала реветь. И я потом заревел.

— Отдадут, — говорю, — собачникам. Папа сказал, что отдаст. На живодерню.

И представилось, как придет собачник, накинёт Ребичке петлю на шею и потянет. Как ни упирайся, все равно потянет.

А потом так, на петле, с размаху – брык в фургон со всей силы. А там на живодерне будут резать. Для чего-то там живых режут, мне говорили.

Потом мы у Фроськи выпросили мяса, – Танька под юбкой мимо мамы пронесла, – и скормили Ребику. А зачем ему есть? Ведь так только, все равно на живодерню.

И мы с Танькой говорили:

– Мы за тебя просить будем, мы на коленки станем и будем плакать, чтоб папа не отдавал.

И это все потому, что Танька выдумала к Варьке подложить Пудю. А Варькина кровать стояла на полу, в углу, на бумажном коврикe. Вот Ребик и нанюхал Пудю.

Принесли мы ему пить. Он лакнул два раза и бросил. Танька заревела:

– Он чует, чует!

А я стал ей про живодерню рассказывать. Я сам не знал, а так прямо говорю:

– Двое держат, а один режет. – И показал на Ребике рукой, как режут.

Танька залилась.

– Я скажу, я скажу, что мы!.. Скажем... Хоть на коленки станем, а скажем.

И все ревет, ревет... Я сказал:

– Скажем, скажем. Только чтоб Ребика не отдавали. Не дадим.

И мы так схватились за Ребика, что он взвизгнул.

А время обеда приближалось, и вот уж скоро должен прийти папа со службы. Мама вернулась из города с покупками.

– Не сидите на грязном полу. И не возитесь с собакой – блох напустит.

Мы встали и уселись на подоконнике над Ребичкой и все смотрели на дверь в прихожую. Решили, как папа придет, сейчас же просить, а то потом не выйдет. Таньку послали мыть заплаканную морду. Она скоро: раз-два, и сейчас же прибежала и села на место. Я тихонько гладил Ребика ногой, а Танька не доставала. На стол уже накрыли, свет зажгли и шторы спустили. Только на нашем окне оставили: на шнурке папа повесил Пудю, и никто не смел тронуть.

Позвонили. Мы знали, что папа. У меня сердце забилося. Я говорю Таньке:

– Как войдет, сейчас же на пол, на колени, и будем говорить. Только вместе, смотри. А не я один. Говори: "Папа, прости Ребика, это мы сделали!"

Пока я ее учил, уж слышу голоса в прихожей, очень веселые, и сейчас же входит важный, а за ним папа.

Важный сделал шаг и стал улыбаться и кланяться. Мама к нему спешила навстречу. Я не знал, как же при важном – и вдруг на колени? И глянул на Таньку. Она моментально прыг с подоконника, и сразу бац на коленки, и сейчас же в пол головой, вот как старухи молятся. Я соскочил, но никак не мог стать на колени. Все глядят, папа брови поднял.

Танька одним духом, скороговоркой:

– Папа, прости Ребика, это мы сделали!

И я тогда скорей сказал за ней:

– Это мы сделали.

Все подошли:

– Что, что такое?

А папа улыбается, будто не знает даже, в чем дело.

Танька все на коленках и говорит скоро-скоро:

– Папочка, миленький, Ребичка миленького, пожалуйста, миленький, миленького Ребичка... не надо резать...

Папа взял ее под мышки:

– Встань, встань, дурашка!

А Танька уже ревет – страшная рева! – и говорит важному:

– Это мы у вас хвостик оторвали, а не Ребик вовсе.

Важный засмеялся и оглядывается себе за спину:

– Разве у меня хвост был? Ну вот спасибо, если оторвали.

– Да видите ли, в чем дело, – говорит папа, и все очень весело, как при гостях: – собака вдруг притаскивает вот это, – и показывает на Пудю. И стал рассказывать.

Я говорю:

– Это мы, мы!

– Это они собаку выгораживают, -- говорит мама.

– Ах, милые! – говорит важный и наклонился к Таньке.

Я говорю:

– Вот ей-богу – мы! Я оторвал. Сам.

Отец вдруг нахмурился и постучал пальцем по столу:

– Зачем врешь и еще божишься?

– Я даже хвостик ему устроил, я сейчас покажу. Я там нитками замотал.

Сунулся к окну и назад: я вспомнил, что нитки я обрезал.

Отец:

– Покажи, покажи. Моментально!

Важный тоже сделал серьезное лицо. Как хорошо было, все бы прошло. Теперь из-за ниток этих...

– Яшка, – говорю я, – Яшка Рыжий видел, – и чуть не плачу.

А папа крикнул:

– Без всяких Яшек, пожалуйста! Достать! Моментально! – И показал пальцем на Пудю.

Важный уже повернулся боком и стал смотреть на картину. Руки за спину.

Я полез на окно и рвал и кусал зубами узел. А папа кричал:

– Моментально! – и держал палец.

Таньку мама уткнула в юбку, чтоб не ревела на весь дом.

Я снял Пудю и подал папе.

– Простите, – вдруг обернулся важный, – да от моей ли еще шубы? – И стал вертеть в пальцах Пудю.

– Позвольте, это что же? Что тут за тесемочки?

– Намордничек! – крикнула Танька из маминой юбки.

– Ну вот и ладно! – крикнул важный, засмеялся и схватил Таньку под мышки и стал кружить по полу:

– Тра-бам-бам! Трум-бум-бум!

– Ну, давайте обедать, – сказала мама.

Уж сколько тут реву было!..

– Отвяжи собаку, – сказал папа.

Я отвязал Ребика. Папа взял кусок хлеба и бросил Ребику:

– Пиль!

Но Ребик отскочил, будто в него камнем кинули, поджал хвост и, согнувшись, побежал в кухню.

– Умой поди свою физию, – сказала мама Таньке, и все сели обедать.

Важный Пудю подарил нам, и он у нас долго жил. Я приделал ему ножки из спичек. А Яшке, когда мы играли в снежки, мы с Танькой набили за ворот снегу.

Пусть знает!

Вопросы и задания

1. Прочитайте рассказ, подумайте над тем, как его можно было бы озаглавить по-другому.

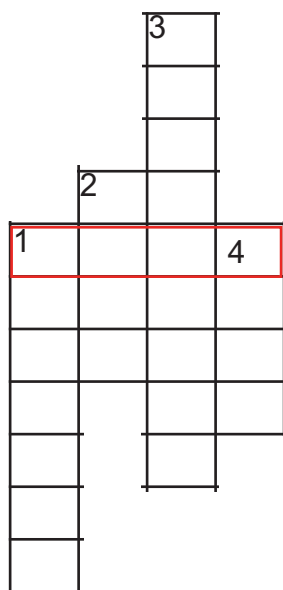
2. Что вам помогло разделить текст на части?

3. Какой из героев вам понравился больше? Объясните свой выбор.

4. Что было общего между отцом и другими героями? Почему вы так решили?

5. Составьте свой рассказ, где герои также были бы храбрыми.

6. Решите ребус, и вы сможете прочитать знакомое слово.

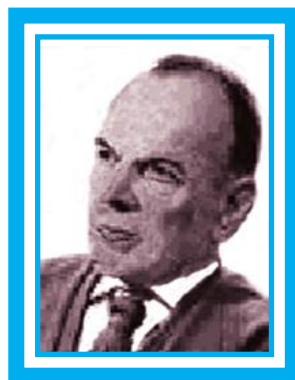

1. Предмет, который получил Яша за обещание молчать.
2. Верхняя одежда важного Гражданина.
3. Место, где должны были резать собачонку.
4. Имя одного из героев рассказа.

КОНСТАНТИН ГЕОРГИЕВИЧ ПАУСТОВСКИЙ

(1892 – 1968)

МЕЩЕРСКАЯ СТОРОНА

Обыкновенная земля

В Мещерском крае нет никаких особенных красот и богатств, кроме лесов, лугов и прозрачного воздуха. Но всё же край этот обладает большой притягательной силой. Он очень скромнен – так же, как картины Левитана. Но в нём, как и в этих картинах, заключена вся прелесть и всё незаметное на первый взгляд разнообразие русской природы.

Что можно увидеть в Мещерском крае? Цветущие или скошенные луга, сосновые боры, поёмные и лесные озёра, заросшие чёрной кугой, стога, пахнущие сухим и тёплым сеном. Сено в стогах держит тепло всю зиму.

Мне приходилось ночевать в стогах в октябре, когда трава на рассвете покрывается инеем, как солью. Я вырывал в сене глубокую нору, залезал в неё и всю ночь спал в стогу, будто в запертой комнате. А над лугами шёл холодный дождь, и ветер налетал косыми ударами.

В Мещерском крае можно увидеть лесные озёра с тёмной водой, обширные болота, покрытые ольхой и осиной, одинокие, обугленные от старости избы лесников, пески, можжевельник, вереск, косяки журавлей и знакомые нам под всеми широтами звёзды.

Что можно услышать в Мещерском крае, кроме гула сосновых лесов? Крики перепелов и ястребов, свист иволги, суелливый стук дятлов, вой волков, шорох дождей в рыжей хвое, вечерний плач гармоники в деревушке, а по ночам – разноголосое пение петухов да колотушку деревенского сторожа.

Но увидеть и услышать так мало можно только в первые дни. Потом с каждым днём этот край делается всё богаче, разнообразнее, милее сердцу. И, наконец, наступает время, когда каждая ива над заглохшей рекой кажется своей, очень знакомой, когда о ней можно рассказывать удивительные истории...

Бескорыстие

Можно ещё много написать о Мещерском крае. Можно написать, что этот край очень богат лесами и торфом, сеном и картофелем, молоком и ягодами. Но я нарочно не пишу об этом. Неужели мы должны любить свою землю только за то, что она богата, что она даёт обильные урожаи и природные её силы можно использовать для нашего благосостояния!

Не только за это мы любим родные места. Мы любим их ещё за то, что даже небогатые, они для нас прекрасны.

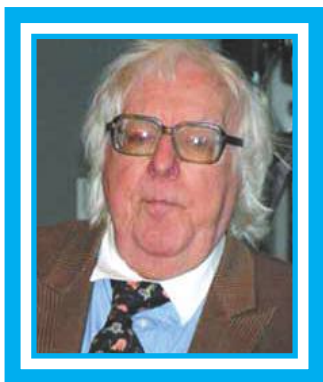
Я люблю Мещерский край за то, что он прекрасен, хотя вся прелесть его раскрывается не сразу, а очень медленно, постепенно.

На первый взгляд – это тихая и немудрая земля под неярким небом. Но чем больше узнаешь её, тем всё больше, почти до

боли в сердце, начинаешь любить эту обыкновенную землю. И если придётся защищать свою страну, то где-то в глубине сердца я буду знать, что я защищаю и этот колочек земли, научивший меня видеть и понимать прекрасное, как бы невзрачно на вид оно ни было, — этот лесной задумчивый край, любовь к которому не забудется, как никогда не забывается первая любовь.

Вопросы и задания

- 1. Почему первый очерк называется “Обыкновенная земля”?*
- 2. Как ты объяснишь название второго очерка?*
- 3. В чём основная идея очерка Паустовского?*
- 4. Допишите предложение: “Я люблю свой край за то, что...”*

РЕЙ БРЭДБЕРИ

(1920 – 2012)

ВСЁ ЛЕТО В ОДИН ДЕНЬ

- Готовы?
- Да!
- Уже?
- Скоро!
- А учёные верно знают? Это правда будет сегодня?
- Смотри, смотри, сам увидишь!

Теснясь, точно цветы и сорные травы в саду, все вперемешку, дети старались выглянуть наружу — где там запрятано солнце?

Лил дождь.

Он лил не переставая семь лет подряд; тысячи и тысячи дней, с утра до ночи, без передышки дождь лил, шумел, барабанил, звенел хрустальными брызгами, низвергался сплош-

ными потоками, так что кругом ходили волны, заливая островки суши. Ливнями повалило тысячи лесов, и тысячи раз они выросли вновь и снова падали под тяжестью вод. Так навеки повелось здесь, на Венере, а в классе полно было детей, чьи отцы и матери прилетели застраивать и обживать эту дикую дождливую планету.

– Перестает! Перестает!

– Да, да!

Марго стояла в стороне от них, от всех этих ребят, которые только и знали, что вечный дождь, дождь, дождь. Им всем было по девять лет, и если и выдался семь лет назад такой день, когда солнце всё-таки выглянуло, показалось на час изумлённому миру, они этого не помнили.

Накануне они весь день читали в классе про солнце. Какое оно жёлтое, совсем как лимон, и какое жаркое. И писали про него маленькие рассказы и стихи.

Мне кажется, солнце – это цветок,

Цветёт оно только один часок.

Такие стихи сочинила Марго и негромко прочитала их перед притихшим классом. А за окнами лил дождь.

– Ну, ты это не сама сочинила! – крикнул один мальчик.

– Нет, сама, – сказала Марго. – Сама.

– Уильям! – остановила мальчика учительница.

Но то было вчера. А сейчас дождь утихал, и дети теснились к большим окнам с толстыми стёклами.

– Где же учительница?

– Сейчас придёт.

– Скорей бы, а то мы всё пропустим!

Они вертелись на одном месте, точно пёстрая беспокойная карусель.

Марго одна стояла поодаль. Она была слабенькая, и казалось, когда-то давно она заблудилась и долго-долго бродила под дождём, и дождь смыл с неё все краски: голубые глаза, розовые губы, рыжие волосы – всё вылиняло. Она была точно старая поблёкшая фотография, которую вынули из забытого альбома, и всё молчала, а если и случалось ей заговорить, голос её шелестел еле слышно. Сейчас она одиноко стояла в сторонке и смотрела на дождь, на шумный мокрый мир за толстым стеклом.

– Ты-то чего смотришь? – сказал Уильям.

Марго молчала.

– Отвечай, когда тебя спрашивают!

Уильям толкнул её. Но она не пошевелилась; покачнулась – и только.

Все её сторонятся, даже и не смотрят на неё. Вот и сейчас бросили её одну. Потому что она не хочет играть с ними в гулких туннелях этого города-подвала. И когда они всем классом поют песни о том, как хорошо жить на свете и как весело играть в разные игры, она еле шевелит губами. Только когда поют про солнце, про лето, она тоже тихонько подпевает, глядя в заплаканные окна.

Ну а самое большое её преступление, конечно, в том, что она прилетела сюда с Земли всего лишь пять лет назад, и она помнит солнце, помнит, какое оно, солнце, и какое небо она видела в Огайо, когда ей было четыре года. А они – они всю жизнь живут на Венере и давно уже забыли солнце, и какого оно цвета, и как жарко оно греет. А Марго помнит.

– Оно большое, как медяк, – сказала она однажды и зажмурилась.

– Неправда! – закричали ребята.

– Оно – как огонь в очаге, – сказала Марго.

– Врёшь, врёшь, ты не помнишь! – кричали ей.

Но она помнила и, тихо отойдя в сторону, стала смотреть в окно, по которому сбегали струи дождя. А один раз, месяц назад, когда всех повели в душевую, она ни за что не хотела стать под душ и, прикрывая макушку, зажимая уши ладонями, кричала – пускай вода не льётся ей на голову! И после этого у неё появилось странное, смутное чувство: она не такая, как все. И другие дети тоже это чувствовали и сторонились её.

Говорили, что на будущий год отец с матерью отвезут её назад на Землю – это обойдётся им во много тысяч долларов, но иначе она, видно, зачахнет. И вот за все эти грехи, большие и малые, в классе её невзлюбили. Противная эта Марго, противно, что она такая бледная немочь, и такая худющая, и вечно молчит и ждёт чего-то, и, наверно, улетит на Землю...

– Убирайся! – Уильям опять её толкнул. – Чего ты ещё ждёшь?

Тут она впервые обернулась и посмотрела на него. И по глазам было видно, чего она ждёт. Мальчишка взбеленился¹.

– Нечего тебе здесь торчать! – закричал он. – Не дождёшься, ничего не будет!

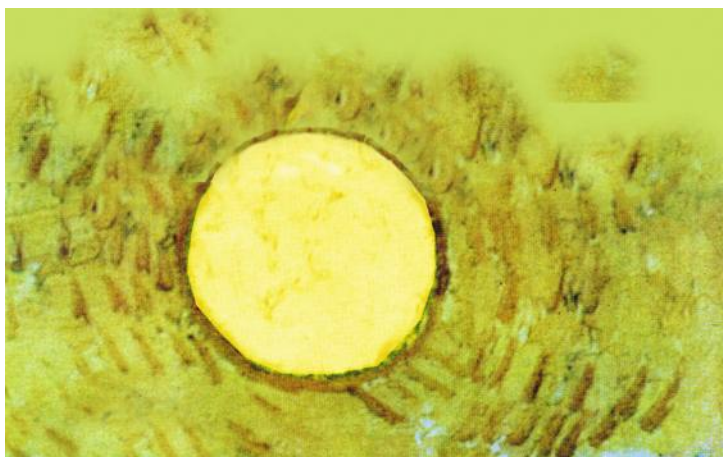
Марго беззвучно пошевелила губами.

– Ничего не будет! – кричал Уильям. – Это просто для смеха, мы тебя разыграли. – Он обернулся к остальным. – Ведь сегодня ничего не будет, верно?

Все поглядели на него с недоумением, а потом поняли, и засмеялись, и покачали головами: верно, ничего не будет!

– Но ведь... – Марго смотрела беспомощно. – Ведь сегодня

¹Взбеленился – разозлился, взбесился.

тот самый день, – прошептала она. – Учёные предсказывали, они говорят, они ведь знают... Солнце...

– Разыграли, разыграли! – сказал Уильям и вдруг схватил её.
– Эй, ребята, давайте запрём её в чулан, пока учительницы нет!
– Не надо, – сказала Марго и попятилась.

Все кинулись к ней, схватили и поволокли, – она отбивалась, потом просила, потом заплакала, но её притащили по туннелю в дальнюю комнату, втолкнули в чулан и заперли дверь на засов. Дверь тряслась: Марго колотила в неё кулаками и кидалась на неё всем телом. Приглушённо доносились крики. Ребята постояли, послушали, а потом улыбнулись и пошли прочь – и как раз вовремя: в конце туннеля показалась учительница.

– Готовы, дети? – она поглядела на часы.

– Да! – отозвались ребята.

– Все здесь?

– Да!

Дождь стихал.

Они столпились у огромной массивной двери.

Дождь перестал.

Как будто посреди кинофильма про лавины, ураганы, смерчи, извержения вулканов что-то случилось со звуком, он оборвался, смолкли удары, грохот, раскаты грома... А потом кто-то выдернул плёнку и на место её вставил спокойный диапозитив – мирную тропическую картинку. Всё замерло – не вздохнёт, не шелохнётся. Такая настала огромная, неправдоподобная тишина, будто вам заткнули уши или вы совсем оглохли. Дети недоверчиво подносили руки к ушам. Толпа распалась, каждый стоял сам по себе. Дверь отошла в сторону, и на них пахнуло свежестью мира, замершего в ожидании.

И солнце явилось.

Оно пламенело, яркое, как бронза, и оно было очень большое. А небо вокруг сверкало, точно ярко-голубая черепица. И джунгли так и пылали в солнечных лучах, и дети, очнувшись, с криком выбежали в весну.

– Только не убегайте далеко! – крикнула вдогонку учительница. – Помните, у вас всего два часа. Не то вы не успеете укрыться!

Но они уже не слышали, они бегали и запрокидывали голову, и солнце гладило их по щекам, точно тёплым утюгом; они скинули куртки, и солнце жгло их голые руки.

– Это лучше наших искусственных солнц, верно?

– Ясно, лучше!

Они уже не бегали, а стояли посреди джунглей, что сплошь покрывали Венеру и росли бурно, непрерывно, прямо на глазах.

Ребята со смехом кидались на сплошную поросль, точно на живой упругий матрац, который вздыхал под ними, и скрипел, и пружинил. Они носились меж деревьев, скользили и падали, толкались, играли в прятки и в салки, но главное – опять и опять, жмурясь, глядели на солнце, пока не потекут слёзы, и тянули руки к золотому сиянию и к невиданной синеве, и вдыхали эту удивительную свежесть, и слушали, слушали тишину, что обнимала их словно море, блаженно спокойное, беззвучное и недвижимое. Они на всё смотрели и всем наслаждались. А потом, будто зверьки, вырвавшиеся из глубоких нор, снова неистово бегали кругом, бегали и кричали. Целый час бегали и никак не могли утомиться.

И вдруг...

Посреди весёлой беготни одна девочка громко, жалобно закричала.

Все остановились.

Девочка протянула руку ладонью кверху.

– Смотрите, – сказала она и вздрогнула. – Ой, смотрите!

Все медленно подошли поближе.

На раскрытой ладони, по самой серёдке, лежала большая круглая дождевая капля.

Девочка посмотрела на неё и заплакала.

Дети молча поглядели на небо.

– О-о...

Редкие холодные капли упали на нос, на щёки, на губы. Солнце затянула туманная дымка. Подул холодный ветер. Ребята повернулись и пошли к своему дому-подвалу, руки их вяло повисли, они больше не улыбались.

Загремел гром, и дети в испуге, толкая друг дружку, бросились бежать, словно листья, гонимые ураганом. Блеснула молния – за десять миль от них, потом за пять, в миле, в полумиле. И небо почернело, будто разом настала непроглядная ночь.

Минуту они стояли на пороге глубинного убежища, а потом дождь полил вовсю. Тогда дверь закрыли, и все стояли и слушали, как с оглушительным шумом рушатся с неба тонны, потоки воды – без просвета, без конца.

– И так опять будет целых семь лет?

– Да. Семь лет.

И вдруг кто-то вскрикнул:

– А Марго?

– Что?

– Мы ведь её заперли, она так и сидит в чулане.

– Марго...

Они застыли, будто ноги у них примёрзли к полу. Переглянулись и отвели взгляды. Посмотрели за окно – там лил дождь, лил упрямо, неустанно. Они не смели посмотреть друг другу в глаза. Лица у всех стали серьёзные, бледные. Все потупились, кто разглядывал свои руки, кто уставился в пол.

– Марго...

Наконец одна девочка сказала:

– Ну что же мы?..

Никто не шелохнулся.

– Пойдём... – прошептала девочка.

Под холодный шум дождя они медленно прошли по коридору. Под рёв бури и раскаты грома перешагнули порог и вошли в ту дальнюю комнату. Яростные синие молнии озаряли их лица. Медленно подошли они к чулану и стали у двери.

За дверью было тихо.

Медленно, медленно они отодвинули засов и выпустили Марго.

Вопросы и задания

- 1. Почему рассказ назван “Всё лето в один день”?*
- 2. Охарактеризуйте поведение детей до появления солнца и после его ухода.*
- 3. Охарактеризуйте Марго.*
- 4. Что хотел сказать автор своим произведением?*

*** Решите кроссворд и прочтёте имя главной героини**

1. Кто дал царевне в сказке А.С.Пушкина отравленное яблоко?
2. Как звали жениха царевны?
3. Имя писателя Брэбери.
4. Один из жанров фольклора.
5. Военный лёгкой кавалерии.
6. Как звали врага Хеира?
7. Герой произведения Дж.Лондона.
8. Имя писателя Чехова.

	1	2	3	4	5	6	7	8
9								
8								
7								
6								
5								
4								
3								
2								
1								

ТЕСТИРОВАНИЕ

1. Укажите двусложный размер стиха.

- А) хорей
- В) пиррихий
- С) эпитет

2. Жанр фольклора, представляющий собой логическую загадку, – это

- А) небылица
- В) головоломка
- С) предание

3. Определите жанр фольклора: “Слово не воробей, вылетит – не поймаешь”.

- А) загадка
- В) поговорка
- С) пословица

4. Укажите произведение Низами Гянджеви.

- А) “Сказка о Дашдемире”
- В) “Хеир и Шер”
- С) “Лиса и кувшин”

5. Рассказ – это

- А) жанр
- В) род
- С) троп

6. Произведение о войне – это

- А) “Слон-живописец”
- В) “Ока”
- С) “Бородино”

7. Укажите произведения, которые посвящены приключениям.

- А) “Кавказ” М.Мушфига, “Фиалка” С.Вургуна
- В) “Робинзон Крузо” Д.Дефо
- С) “Все лето в один день” Р.Брэдбери”, “Чернушка” С.С.Ахундова

8. Укажите схему ямба.

- А) ∪ ∟ | ∪ ∟ | ∪ ∟
- В) ∟ ∪ | ∟ ∪ | ∟ ∪
- С) ∪ ∪ ∟ | ∪ ∪ ∟ | ∪ ∪ ∟

9. Герасим – это герой произведения

- А) “Кавказский пленник”

- В) “Ходят по земле поезда”
- С) “Муму”

10. Автор “Сказания о Кише” —

- А) Д.Лондон
- В) Д.Дефо
- С) Р.Брэдбери

11. Эпитет — это

- А) художественное определение
- В) уподобление одного предмета другому
- С) стихотворный размер

12. Определите стихотворный размер:

В синем небе звёзды блещут

- А) ямб
- В) хорей
- С) пиррихий

13. Определите способ рифмовки:

*Перед ним во мгле печальной,
Гроб качается хрустальный,
И в хрустальном гробе том,
Спит царица вечным сном.*

- А) кольцевая
- В) перекрёстная
- С) смежная

14. Укажите литературную сказку.

- А) “Муму”
- В) “Храбрый портняжка”
- С) “Шесть лебедей”

15. Какие авторы писали стихотворение под названием “Кавказ”?

- А) М.Ю.Лермонтов, А.А.Ахматова
- В) А.С.Пушкин, М.Мушфиг
- С) М.И.Цветаева, Д.Байрон

16. Укажите ряд с названиями литературных родов.

- А) эпос, драма, рассказ
- В) лирика, драма, эпос
- С) драма, сказка, стихотворение

17. Какое произведение написал Г.Х.Андерсен?

- А) “Соловей”
- В) “Сказка о Пахаре...”
- С) “Хеир и Шер”

18. В какой сказке героями являются Тигр и Кот?

- А) “Сказка о Дашдемире”
- В) “Сказка о Пахаре...”
- С) “Храбрый портняжка”

19. Укажите басню.

- А) “Муму”
- В) “Бородино”
- С) “Волк и ягнёнок”

20.Сказки писали

- А) З.Халил, братья Гримм
- В) Низами Гянджеви, Эльчин
- С) К.Паустовский, Г.Х.Андерсен

Buraxılış məlumatı

ƏDƏBİYYAT 5

Ümumtəhsil məktəblərin 5-ci sinfi üçün

Ədəbiyyat fənni üzrə

DƏRSLİK

(Rus dilində)

Tərtibçi heyət:

Müəlliflər: Qafar Hüseynov

Antonina Tretyakova

Redaktor: Sevinc Hüseynova

Rəssam: Hənirə Əskərova

*Azərbaycan Respublikası Təhsil Nazirliyinin
24.05.2016-cı il tarixli, 354 №-li
əmrinə əsasən təsdiq edilmişdir*

© Azərbaycan Respublikası Təhsil Nazirliyi — 2018.

Müəlliflik hüquqları qorunur. Xüsusi icazə olmadan bu nəşri və yaxud onun hər hansı hissəsini yenidən çap etdirmək, surətini çıxarmaq, elektron informasiya vasitələri ilə yaymaq qanuna ziddir.

Formatı 70x100 1/16. Ofset kağızı 80 qr. 200səh.

Ofset çapı. Fiziki çap vərəqi 12,5. Tirajı 1667.

Pulsuz. Bakı — 2018

“XXI” Yeni Nəşrlər Evi

Bakı şəhəri, Mətbuat prospekti, 529 məhəllə

Əziz məktəbli!

Bu dərslik sənə Azərbaycan dövləti tərəfindən bir dərs ilində istifadə üçün verilir. O, dərs ili müddətində nəzərdə tutulmuş bilikləri qazanmaq üçün sənə etibarlı dost və yardımçı olacaq.

İnanırıq ki, sən də bu dərsliyə məhəbbətlə yanaşacaq, onu zədələnmələrdən qoruyacaq, təmiz və səliqəli saxlayacaqsan ki, növbəti dərs ilində digər məktəbli yoldaşın ondan sən kimi rahat istifadə edə bilsin.

Sənə təhsildə uğurlar arzulayırıq!